

Д.Т.Судзуки

Наука Дзен-
Ум Дзен



Серия
Четвёртый
путь.

С89 Судзуки Т. Наука Дзен — Ум Дзен. — К.:
«Преса України»,— 1992.— 176 с.
ISBN 5-7707-3698-4

В настоящую книгу известного мастера и популяризатора Дзен роси Судзуки включены две его наиболее интересные работы.

«Наука Дзен» знакомит читателя с историей дзен-буддизма, а также с его некоторыми теоретическими аспектами.

«Ум Дзен — ум начинающего» дает необходимые рекомендации по практике медитации, используемой в системе Дзен.

Издание подготовлено по инициативе и при
содействии фирмы «AirLand».

030320000
СМ227(04)92 без объявления

ОБЩИЙ СМЫСЛ ПОНЯТИЯ «ДЗЕН»

Предварительные сведения

Я полагаю, что все, содержащее в себе жизнь, является организмом, а по природе своей организм никогда не остается в одном и том же состоянии. Желудь значительно отличается от молодого дуба, нежные листья которого только что распустились из почек, и еще больше — от взрослого дуба, величавого гиганта, поднимающегося к небу. Но все эти различные фазы изменения связаны непрерывностью роста и безошибочно обнаруживают родственные черты, из чего мы делаем заключение, что одно и то же растение проходит несколько стадий развития. Так называемый примитивный буддизм является семенем. Из него вырос дальневосточный буддизм, который также не лишен примет дальнейшего роста. Говорить об историческом буддизме я предоставляю ученым, моя же цель — рассмотреть буддизм как живую потребность настоящего, как динамическую духовную силу Дальнего Востока.

Среди многочисленных буддистских сект — особенно тех, которые выросли в Китае и Японии, — мы находим один уникальный орден, претендующий на то, что он передает сущность духа буддизма непосредственно от его автора, причем без помощи какого-либо тайного документа или таинственного обряда, этот орден один из самых значительных в буддизме не только с точки зрения его исторической важности и духовной жизненности, но и с точки зрения непревзойденной оригинальности и притягательной силы. Научное название этого пути — «Сердце будды» (Буддха-Хридайя), а более популярное — «Дзен».

У ребенка нет никаких идей, так как его ум еще не развился настолько, чтобы воспринимать мир посредством идей. Если бы они у него были, то они, вероятно, представляли бы собой нечто такое абсурдное и нелепое, что не может иметь никакой связи с действительностью. Поэтому, чтобы достичь самого ясного и полного понима-

ния вещи, нужно иметь личный опыт. Если же вопрос касается самой жизни, то здесь личный опыт крайне необходим. Без такого опыта ничто, связанное с ее сутью, никогда не может быть осознанно и правильно понято. Основой всех понятий является простой, непосредственный опыт. Этому опыту дзен придает самое большое значение, считая его фундаментом, и над ним он сооружает здание из слов и понятий, как это видно в литературе, называемой «Записями бесед», хотя «здание» содержит в себе средство достижения сокровенной реальности, он все же носит искусственный характер, а потому теряет свое значение, если само принимает за высшую реальность. Природа человеческого разума принуждает нас не возлагать больших надежд на это «здание». Дзен, в принципе, далек от всякого рода мистификаций, но те, кто не решил центральной проблемы жизни, не могут не видеть ее в нем. Однако стоит только добраться до «фундамента» — и то, что казалось мистификацией, сразу исчезнет, и в то же время обнаружится просветление, называемое «Сатори».

Итак, дзен самым серьезным образом настаивает на необходимости внутреннего духовного опыта. Он не придает большого значения священным сутрам или их толкованиям мудрецами и учеными. Личный опыт прямо противопоставляется авторитетам и внешнему откровению. А самым практическим методом достижения духовного просветления последователи дзена считают практику Дхьяна, называемую в Японии дзадзенхх, а сокращенно просто дзен (хх-дза означает: «сидеть», а дзадзен можно, в общем перевести: «сидеть в медитации»). Точный перевод будет дан позже в связи с описанием зала для медитации (дзэндо: чань-тан в 3-й части).

Здесь необходимо сказать несколько слов в отношении той тренировки, которую проходят последователи Дзена для достижения духовного прозрения, о котором упоминалось раньше и который составляет основу дзена, так как именно в этом отношении дзен в принципе отличается от всех других форм мистицизма. Для большинства мистиков такое сугубо личное, духовное переживание является чем-то изолированным и неожиданным. Христиане используют молитву, умертвление плоти или своего рода созерцание с целью вызвать в себе наступление этого состояния. А его дальнейшее развитие предоставляют божественной милости. Но поскольку дзен не видит в таких вещах сверхъестествен-

ного посредничества, то методы его духовной практики отличаются практичностью и систематичностью.

Уже в Древнем Китае ясно намечалась такая тенденция, и со временем в конце концов образовалась стройная система. В настоящее время последователи дзена имеют в своем распоряжении эффективные методы духовной практики для достижения своей цели. В этом заключается практическая ценность дзена. В то время как, с одной стороны, дзен в высшей степени абстрактен — его методологическая дисциплина, — с другой стороны, приносит огромную пользу человеку и определяет его мораль. Когда дзен выражается в нашей повседневной практической жизни, мы иногда забываем об его отвлеченности. И тогда-то, как нельзя ярче, проявляется его действительная ценность, так как дзен находит невыразимо глубокую мысль даже в таких простых вещах, как поднятый вверх палец или простое приветствие, обращенное к другу, случайно встретившемуся на улице. В дзене самое реальное — это самое абстрактное и наоборот.

Вся система практики, принятая дзеном, является продуктом этого основного духовного переживания. Я сказал, что дзен мистичен, — да иначе и быть не может, так как дзен является основой восточной культуры. Именно этот мистицизм часто мешает западу измерить глубину восточного ума, в связи с тем, что по природе своей мистицизм отрицает логический анализ, а логичность является основной чертой западного ума. Восточный ум синтетичен, он не придает слишком большого значения несущественным подробностям, а стремится, скорее, к интуитивному постижению целого. Поэтому восточный ум, и если мы допустим, что таковой существует, не находит ясного и определенного выражения. В нем нет этого индекса, который бы сразу раскрывал его содержание постороннему уму. Мы видим перед собой нечто, которое невозможно игнорировать, но как только мы попытаемся схватить это нечто своими руками для того, чтобы рассмотреть получше, оно ускользает от нас, и мы теряем его из виду. Дзен до смешного неуловим. Это, конечно, не является следствием того, что восточный ум сознательно и преднамеренно стремится скрыть свои тайны от постороннего ума. Неуловимость является, так сказать, самой природой восточного ума. Поэтому, чтобы понять Восток, мы должны понять мистицизм, то есть дзен.

Следует помнить, однако, что мистицизм бывает разный: рациональный, иррациональный, отвлеченный и ок-

культный, разумный и фантастический. Когда я говорю, что Восток мистичен, я не имею в виду фантастичность, иррациональность или всякий выход из рамок интеллектуальной постижности. Я хочу сказать лишь, что восточному уму присущи спокойствие, тишина и невозмутимость. Кажется, что он постоянно соприкасается с вечностью. Однако эти тишина и умиротворенность вовсе не подразумевают простой праздности и бездеятельности. Эта тишина не походит на тишину пустыни, лишенной всякого живого, или разлагающегося трупа. Эта тишина «бездонной пропасти», в которой исчезают все контрасты и условности. Это тишина бога, углубившегося в созерцание своего прошлого, настоящего и будущего творения. Бога, сидящего неподвижно на троне, абсолютно-го единства и целостности. Она походит на тишину грома, произведенного молнией двух противоположных электрических зарядов. Эта тишина присутствует во всем восточном. Тех, кто принимает ее за разложение и смерть, остается только пожалеть. Так как в этой вечной тишине заключен вулкан активности, который извергается на них. Вот это я имею в виду, когда говорю о мистицизме восточной культуры.

Можно с полной уверенностью сказать, что распространение такого рода мистицизма в основном явилось следствием влияния дзена. Поскольку буддизму было суждено развиваться на Дальнем Востоке с целью удовлетворения духовных чаяний народа, то он неизбежно должен был перерасти в дзен. Индийцам присущ мистицизм слишком отвлеченный, слишком созерцательный и слишком сложный, кроме того, он, кажется, не имеет действительной, живой связи с практическим миром частностей, в котором мы живем. Дальневосточный мистицизм, наоборот, отличается простотой, практичностью и прямоотой. Он не мог стать ничем иным, как дзеном. Все буддийские секты в Китае, а также в Японии, безошибочно указывают на свое индийское происхождение, так как их метафизическая сложность, пространственные трактаты, абстрактность идей, их разностороннее толкование вещей, относящихся к жизни, носят явно выраженный индийский характер, а не китайский или японский. И когда после обзора основных направлений буддизма мы подходим к дзену, мы вынуждены признать, что его простота и непосредственность, его прагматическая тенденция и тесная связь с повседневной жизнью резко отличаются от всех других буддийских сект.

Основные идеи дзена, несомненно, те же, что и в буддизме, и нельзя не признать, что они всего лишь получили свое естественное дальнейшее развитие, но это развитие имело целью удовлетворить потребности народа Дальнего Востока, психологии которого присущи свои особые черты. Дух буддизма в этом случае спустился со своих метафизических высот, чтобы стать практической наукой жизни. Дзен является результатом этого, поэтому я осмелюсь сказать, что дзен — это систематизация или скорее кристаллизация всей философии религии и самой жизни Дальнего Востока, и в особенности Японии.

Что такое дзен?

Является ли дзен, как и большинство буддийских учений, философской системой, которая носит высокий интеллектуальный и глубокий метафизический характер? Во вступлении было сказано, что в дзене мы находим всю философию Востока в кристаллизованном виде, но из этого не следует, однако, что дзен является философской системой в обычном смысле этого слова. Дзен решительно не является системой, основанной на логическом анализе. Скорее, он является антиподом логики, под которым я имею в виду дуалистический образ мышления. Дзен не лишен, конечно, умственного элемента, то есть дзен — это ум в целом и в нем мы находим много вещей; но ум этот не представляет собой нечто составное, разделяющееся на множество качеств и не оставляющее за собой ничего после такого разделения. Дзен не учит нас ничему, в смысле умственного анализа, а также не предлагает никакой определенной доктрины в качестве руководства для своих последователей. В этом отношении дзен, если можно так выразиться, произволен. Последователи дзена могут иметь свои доктрины, но эти доктрины носят сугубо личный индивидуальный характер и не обязаны своим возникновением дзену. Поэтому дзен не имеет дело с какими-либо «священными писаниями» или догмами, а также не содержит в себе никаких символов, посредством которых раскрывалось бы его значение.

В таком случае, если бы меня спросили, чему учит дзен, я ответил бы, что он ничему не учит. Какие бы учения ни содержались в дзене, они исходят только из умов их создателей. Мы сами себе создаем учения. Дзен только указывает путь. Если этот факт сам по себе не есть учение, то в дзене положительно нет никаких спе-

циально созданных принципиальных доктрин или какой-либо основной философской системы. Дзен претендует на свое родство с буддизмом, но все буддийские учения, содержащиеся в сутрах и шастрах, с точки зрения дзена не больше, чем макулатура, польза которой состоит лишь в том, что с ее помощью можно только смахнуть пыль с интеллекта, но не больше. Но не думайте, однако, что дзен — это нигилизм. Всякий нигилизм — это самоуничтожение, не имеющее конца. Негативизм разумен как метод, но высшая истина — это утверждение.

Является ли дзен религией? Это не религия в популярном смысле, так как в дзене нет бога, которому можно было бы поклоняться, нет также никаких церемониальных обрядов, ни земли обетованной для отошедших в мир иной, и, наконец, в дзене нет такого понятия, как душа, о благополучии которой должен заботиться кто-то посторонний, и бессмертие которой так сильно волнует некоторых людей. Дзен свободен от всех этих догматических и религиозных затруднений. Что касается тех различных изображений и статуй Будд, Боддисатв, Дзена и других существ, которые можно встретить в храме дзена — это не больше, чем куски дерева, камня или металла. Я их могу сравнить с прекрасными цветами в своем саду. Я могу выбрать, например, камелии в полном цвету и поклоняться им, если захочу, — дзен вполне допускает это. В таком поклонении несколько не меньше религии, чем в поклонении статуям различных буддийских богов, а также в ритуале омовения святой водой или символического вкушения плоти и крови Христа. Все эти церемонии считаются большинством так называемых «религиозных людей» чем-то похвальным и священным, но в свете дзена — это условности.

Дзен берет на себя смелость заявлять: «безупречные йоги не погружаются в нирвану, а нарушающие обет монахи не попадают в ад». Для обыкновенного ума это стоит в противоречии с общепринятыми законами морали, но здесь также заключается истина и жизнь в дзене. Дзен — это дух человека. Дзен верит во внутреннюю чистоту этого духа и его божественность. Это религия, однако, налицо. Тот, кто поистине религиозен, с удивлением обнаружит, что в конце концов в варварских утверждениях дзена содержится много религии. Но сказать, что дзен — это религия в том смысле, как ее понимают христиане или магометане, будет ошибкой. Для большей ясности я процитирую следующее: говорят, что когда Ша-

кьямуни родился, он поднял одну руку к небу, а другой указал на землю и произнес: «Над небом и под небом я — единственный, достойный почитания». Уммон-Бум-Эн, основоположник Уммонской школы дзена, комментирует это высказывание следующими словами: «Если бы я находился с ним рядом в тот момент, когда он произносил эти слова, я бы, несомненно, убил его одним ударом и швырнул бы труп в пасть голодной собаке».

Что могли бы подумать скептики о таких безумных нападениях на духовного вождя? Однако один из учителей Дзена, последователь Уммона, говорит: «В действительности это показывает, как Уммон желает служить миру, жертвуя всем, что он имеет, телом и умом. Какую огромную благодарность, должно быть, чувствовал он в ответ на любовь Будды».

Дхьяна в обычном понимании не соответствует практике, имеющей место в дзене. Человек может размышлять над религиозными и философскими проблемами в процессе практики дзена, но это носит лишь случайный характер: сущность дзена совсем не в этом. Его цель посредством проникновения в истинную природу ума так повлиять на него, чтобы он стал своим собственным господином. Такое проникновение в истинную природу ума или души является основной целью дзен-буддизма. Поэтому дзен — это нечто большее, чем медитация или дхьяна в обычном смысле этого слова. Практика дзена имеет целью открыть око души — и узреть основу жизни. Для медитации человеку необходимо сосредоточить на чем-то мысль, например, на божественном единстве, безраздельной божественной любви или непостоянстве вещей. Но это — как раз то, чего дзен желает избежать. Нет ничего другого, на чем бы так сильно настаивал дзен, как на достижении свободы, то есть свободы от всех неестественных помех и условностей. Медитация — это состояние, вызываемое искусственно, она не является естественным свойством ума.

В дзене нет объекта, на котором можно было бы сосредоточить мысль. Дзен — это облако, кочующее в небе. Его ничто не удерживает и не останавливает, оно движется туда, куда захочет. В дзене достаточно чувствовать, что огонь горячий, а лед холодный, так как когда нам холодно, мы радуемся огню. Как говорит Фауст: «Чувство превыше всего». Все наши теории далеки от реальности, но слово «чувство» здесь следует понимать в самом глубоком смысле, то есть чувство в его чистей-

шей форме. Даже если мы вообще назовем это чувством, то это будет уже не дзен. Дзен выше всяких понятий, поэтому его трудно уловить. В связи с этим, какую медитацию дзен не предлагал, вещи следует воспринимать такими, каковы они есть, то есть снег — белый, а ворона — черная.

Практика дзена не имеет ни малейшего сходства с теми упражнениями, которые были предложены Св. Игнатием, основателем общества Христа; размышления и молитвы Св. Игнатия, с точки зрения дзена,— это не больше чем воздушные замки, построенные его воображением для набожных людей: и, в действительности, походят на колонну горшков, поочередно поставленных на голову. Иногда дзен называют даже «убийством ума». Это сравнение принадлежит Гриффису, известному автору книги «Религия Японии». Я не знаю, что он имеет в виду под «убийством ума», может быть, то, что дзен убивает всякую умственную деятельность за счет концентрации мысли на чем-то одном. Или это просто погружение в сон. Рейшауэр в своей книге почти соглашается с Гриффисом, называя дзен «мистическим самоопьянением». Имеет ли он в виду опьянение так называемым «высшим я» или «опьянением богом», о котором говорит Спиноза?

Удивительно, до какой степени поверхностны и некритичны взгляды некоторых критиков дзена. В действительности же в дзене нет даже такого понятия как ум, который нужно убивать. Поэтому ни о каком «убийстве ума» и речи быть не может. Дзен также не упоминает ни о каком «опьяняющем «я», в котором можно было бы найти убежище.

Дзен поистине невероятно неуловим в отношении его внешних аспектов. Если вы думаете, что уловили его, то знайте, что это уже не дзен, издали он кажется легко доступным, но как только вы подойдете к нему, вы увидите, что он отдалился от вас еще больше. Поэтому до тех пор, пока вы не уделите несколько лет тщательным поискам понимания его основных принципов, не надейтесь, что вам удастся уловить его истинную суть.

По своей природе четыре элементарные стихии не содержат ничего, кроме пустоты, где же тогда убежище Будды — посмотрите же: истина непосредственно раскрывается перед вашим взором. Вот и все, чего вы еще хотите? Разве этого не достаточно?

«Беспредельную пустоту нужно пройти. Субъект должен пробудиться от бессознательности, если он не хочет

быть заживо похороненным. Дзен достигается только тогда, когда «самоопьянение» прекращается, и «пьяница», в действительности, пробуждается до сознания своей сокровенной глубины. Если следует «убивать» ум, то предоставьте эту работу дзену, так как он же и воскресит труп до состояния вечной жизни.

Родитесь заново, очнитесь от грез, встаньте из мертвых, о вы, пьяницы,— вот к чему призывает дзен. Не пытайтесь поэтому узреть Дзен с завязанными глазами».

Основная идея дзена — войти в контакт с внутренними процессами нашего существа, причем сделать это самым прямым образом, не прибегая к чему-либо внешнему или неестественному. В связи с этим, все, что связано с внешней стороной, в дзене отрицается, так как единственный авторитет в нем — это наша собственная внутренняя природа. По этой причине дзен считает, что все теоретические трактаты и руководства условны и отвлечены и не содержат всей полноты истины. Дзен стремится ухватить самую суть жизни самым решительным и непосредственным образом. Дзен обнаруживает свое духовное родство с буддизмом, но в действительности он сам является духом всех религий и философий.

Если до конца понять дзен, ум придет в состояние абсолютного покоя и человек станет жить в абсолютной гармонии с природой. Что еще тогда остается делать? Когда однажды одного учителя дзена спросили, что такое дзен, он ответил: «Ваши повседневные мысли». Разве это не ясно и не предельно откровенно? Дзен лишен всякого духа сектанства. Христиане, в равной мере как и буддисты, могут практиковать его. В одном и том же океане мелкая и крупная рыба чувствует себя превосходно. Дзен — это океан. Дзен — это воздух. Дзен — это горы. Это гром и молния, это весенний цветок, знойное лето и снежная зима и далее не более того, дзен — это человек.

Как уже было сказано раньше, уникальность дзена в том виде, в каком он практикуется в Японии, заключается в систематической тренировке ума. Обычный мистицизм страдает излишней импульсивностью и оторванностью от нашей повседневной жизни. В этом смысле дзен революционен. Он небо опустил на землю. Под его влиянием мистицизм перестал быть мистицизмом, это уже больше не случайный продукт сверхнормального ума, дзен проявляется в самой обычной и неинтересной жизни простого человека, погруженного в шум и суету.

Дзен предлагает систематическую тренировку ума и учит видеть даже в этом кипучем котле нечто. Он открывает человеку величайшую тайну жизни в ее ежедневном и ежечасном проявлении. Сердце человека начинает биться в такт с сердцем вечности. Дзен открывает нам врата земного рая, причем такое чудесное духовное пробуждение происходит не за счет изучения какой-либо доктрины, а вследствие простого и непосредственного утверждения истины, лежащей в основе нашего существования.

Чем бы дзен не являлся, он практичен, прост и в то же время наиболее жизненен. Один древний учитель дзена, желая показать, что такое дзен, поднял вверх палец, другой толкнул ногой шар, а третий ударил вопрошавшего по лицу. Если истина, заключенная в глубине нашей природы, может быть таким образом продемонстрирована, то разве нельзя назвать дзен самым практичным и прямым методом духовной тренировки, к которому когда-либо и где-либо прибегала религиозная школа? И разве этот метод не является в высшей степени практичным и оригинальным? Ведь в самом деле, дзен не может быть творческим и оригинальным, так как он имеет дело не с понятиями, а с подлинными жизненными фактами, если подходить к нему с точки зрения понятий, то поднятый вверх палец является самым обычным случаем в жизни каждого человека. Но дзен обнаруживает в этом акте божественный смысл и творческую живизненность. Ввиду того, что дзен видит эту тайну даже в нашем условном и связанном понятии существования, мы должны признать за ним право на существование.

Может быть, следующие строки из письма Энго Букквы в какой-то мере также ответят на поставленный в начале главы вопрос — что такое дзен? «Он непосредственно перед вами: и в это мгновение я передаю его вам во всей полноте. Для умного человека одного слова достаточно, чтобы направить его к истине, но даже в этом случае может вкрасться ошибка. Это возможно тогда, когда истина эта выражена посредством пера и бумаги, либо облачена в форму, либо в форме софизма. В этих случаях, она еще дальше ускользает от нас». Великая истина дзена живет в каждом. Загляните внутрь и ищите выше всяких форм. Он свободен, покоен и блажен. Он вечно проявляется в ваших шести чувствах и четырех стихиях (элементах), все озарено его светом. Отбросьте двойственность, связанную с субъектом, забудьте то и другое. Поднимитесь выше интеллекта, от-

делите себя от рассудка, проникая непосредственно в глубины разума Будды, вне которого нет ничего реального. Вот почему Бодхихарма, когда он пришел с Запада, просто провозгласил: «Моя доктрина единственная в своем роде, потому что она имеет дело непосредственно с душой человека. Она не усложняется каноническими учениями, это непосредственная передача истины».

Если же разум помрачен, понимание нарушено. Если вы верите в реальность вещей и ограничиваемость умозрительностью, если вам приходится бороться со стихией, погружаясь в болото предрассудков, то дзен навсегда оставлен в тумане.

Мудрец Сэкисе Койсе сказал: «Оставьте все ваши страстные стремления. Забудьте детские забавы. Превратитесь в кусок безупречной глины. Пусть вашей единственной мыслью будет вечность. Станьте подобием холодного и безжизненного тела или старого подлампадика над заброшенной могилой». Обладая простой верой в это, упражняйтесь, соответственно, свое тело и ум, превращая их в лишенные жизни кусок камня или дерева. Когда будет достигнуто состояние полной неподвижности и бессознательности, все признаки жизни исчезнут, но вместе с ними исчезнут также и все ограничения. Никакая мысль не будет беспокоить ваше сознание. И вдруг, — о чудо, — совершенно неожиданно вас озарит божественный свет. Это можно сравнить с лучом света в кромешной мгле или сокровищем, найденным бедняком. Четыре стихии и пять проводников перестанут быть для вас тяжелым бременем. Вам станет так легко и свободно. Все ваше существо лишится всяких ограничений. Вы почувствуете себя свободным, легким, и прозрачным, ваш просветленный взор проникнет в самую природу вещей, которые отныне станут для вас подобием множества сказочных цветов, воздушных и неосязаемых. Так проявляется наше простое «я», наша истинная первозданная природа, во всей своей удивительно прекрасной наготы. Перед нами остается только одна прямая и беспрепятственная дорога. И все это достигается тогда, когда мы отречаемся от всего тела, жизни и всего того, что принадлежит нашей внутренней природе.

Именно здесь мы обретем мир, спокойствие, уравновешенность и невыразимую радость. Все сутры и шастры — это не больше, чем попытка передать эту истину. Все святые прошлого и настоящего делали все, что могли, для этого и не имели никакой другой цели, как указать

путь к ней. Мы как бы открываем дверь сокровищницы. Когда она открывается, мы получаем доступ ко всему, что там есть. Все драгоценности принадлежат теперь нам. А разве сокровищница нашей первоначальной природы поистине не велика? Вот что имеется в виду под словами: «Однажды достигнутое вечно с вами, до окончания времени». Однако в действительности ничто не достигнуто: то, чего вы достигли, — вовсе не достижение, но в то же самое время это «ничто» и есть истинное достижение».

Дзен-буддизм

Со временем Бодхидхармы, пришедшего в Китай с Запада, то есть из Северной Индии, подвергаясь спокойному и систематическому развитию в течение более двух столетий, дзен-буддизм прочно обосновался на земле конфуцианства и даосизма в виде учения, претендующего на особое откровение, без посредства св. писаний: независимость от слов и букв, на прямой контакт с духовной сущностью человека, на постижение сокровенной природы человека и достижение совершенства Будды.

В истории религии эта школа уникальна во многих отношениях, ее доктрины в теоретическом виде не могут показаться спекулятивным мистицизмом, но они представлены таким образом, что только посвященные, посредством долгой тренировки действительно достигшие прозрения на этом пути, могут понять их подлинный смысл. Для тех, кто не обрел этого проникновенного знания, то есть для тех, кто не испытывает дзена в повседневной деятельности жизни, его учение, или, скорее изречения, принимают непонятный и даже загадочный смысл. Такие люди расценивают дзен так или иначе с точки зрения понятий, считают его абсолютно абсурдным и бессмысленным или намеренно запутанным с целью скрыть его глубокие истины от непосвященных. Однако последователи дзена говорят, что его кажущиеся парадоксы не придуманы специально для того, чтобы их авторы могли скрываться за ширмой обскуратизма, эти парадоксы возникли потому, что язык человека является очень плохим средством для выражения глубочайших истин дзена. Истины эти не могут быть превращены в предмет, вмещающийся в узкие рамки логики. Они должны быть пережиты в бездонной глубине души, после чего они впервые станут осмысленными, фактически же, нет более ясных, более откры-

венных выражений, которыми когда-либо пользовались люди для выражения своих внутренних переживаний. «Уголь черный» — это довольно ясно, но дзен протестует: «уголь не черный» — и это тоже довольно ясно, и даже яснее, чем первое утверждение. Но чтобы понять это, нужно углубиться в суть вопроса. В связи с этим личный опыт в дзене — это все. Никакие идеи непонятны тем, у кого они не подкреплены личным опытом. Это ясно, как божий день.

Дзен презирает слова, понятия и доводы, основанные на них. Он считает, что уже с самого начала нашей сознательной жизни мы избрали неверный путь излишнего умствования. Мы обычно производим на свет слишком много идей и слов, принимая их за действительность. Они так глубоко укоренились в нашей природе, что мы не мыслим жизни без них.

Мы считаем, что слова — это все, а опыт — ничто, или по крайней мере что-то второстепенное. И рассуждая так, мы привыкли судить о жизни и исчерпывать таким образом источники творческого воображения.

Дзен, как и всякая истинная религия, стоит за непосредственное восприятие реальности. Он предлагает написать из источника жизни, вместо того, чтобы довольствоваться всякими слухами о нем. Последователь дзена не может успокоиться до тех пор, пока он своими собственными руками не почерпает живой воды реальности, зная, что только она сможет удовлетворить жажду. Эта идея очень хорошо выражена в гандавьюха сутре (ее китайский вариант известен под названием сорокatomного Кегона). Судхана спросил: «Как непосредственно достигается это освобождение? Как прийти к такой реализации?» Сучандра ответил: «Человек непосредственно достигает этого освобождения, когда его ум пробужден до состояния праджняпармита и прочно удерживается в нем. Тогда исчезают все сомнения, и он достигает самореализации». Судхана: «Достигает ли человек самореализации, слушая беседы о праджняпармита?» Сучандра: «Нет, потому что праджняпармита позволяет видеть истину непосредственно». Судхана: «Разве услышанное не порождает мысль, а мысль человека не доходит до восприятия истины. Разве это не самореализация?» Сучандра: «Нет. Самореализации никогда нельзя достигнуть просто слушая и думая. О, сын почтенной семьи, я проиллюстрирую это сравнение. Слушай: в громадной пустыне нет родников и колодцев. Жарким летом идет один

путешественник с Запада на Восток, пересекая пустыню. Он встречает человека, идущего с востока, и спрашивает его: «Умоляю тебя, скажи, где найти место, чтобы я мог напиться, выкупаться и отдохнуть в прохладе тенистых садов? Меня измучила жажда». Человек с Востока объясняет ему все самым простым образом, говоря: «Когда ты пойдешь дальше на восток, ты увидишь, что дорога разветвляется на две. Иди по той, которая справа, и ты в конце концов доберешься до такого места». Ну, дорогой сын почтенной семьи, думаешь ли ты, что этот измученный жаждой путник с Запада, слушая, как ему говорят о роднике и тенистом саде, пойдет туда как можно быстрее, утолит жажду и освежится?» Судхана: «Конечно, нет, так как он утолит жажду и освежится только тогда, когда он действительно доберется до того места, о котором ему говорили».

Каких бы метких выражений и сравнений нам Бодхисатва не оставил, они являются продуктом его собственного опыта, и как бы мы не верили ему, наша вера не будет истинной до тех пор, пока мы сами не постигаем истины.

А вот что мы читаем в лангкаваторе сутре: «Абсолютная истина (парамата) — это продукт внутреннего опыта, даруемого божественной мудростью (арьяджняма). Она выше всяких слоев и разграничений, а поэтому не может быть достаточно точно выражена ими. Все, низведенное до уровня последних, условно и подвержено закону рождения и смерти. Абсолютная истина выше антитезы «я», а слова — это продукт подобного рода мышления. Абсолютная истина — это сам дух, свободный от всех форм, внутренних и внешних, а поэтому, никакие слова не могут описать его и никакое разграничение не сможет его обнаружить. Сэкисо спросил Дого: «Когда ты умрешь и кто-нибудь спросит меня об истинной цели буддизма, что мне ответить?» Дого ничего не ответил, только позвал одного из своих слуг. Слуга сказал: «Я вас слушаю, хозяин», — и хозяин приказал: «Наполни тот кувшин с водой», — после чего он помолчал немного и, обращаясь к Сэкисо, произнес: «О чем ты меня только что спросил?» Сэкисо повторил вопрос, после чего учитель встал и пошел прочь. Некоторые могут сказать, что подобного рода ответ не дает ровным счетом ничего, так как вопрошающий по-прежнему остается в неведении и, может быть, даже в еще большем, чем раньше. Но получит ли вопрошающий сколь-нибудь большее удовлетворение, от

философского объяснения или определения. Он, весьма вероятно, увеличит свой умственный багаж, но рассеет ли это его сомнение? — Нет. Его вера в буддизм от этого не возрастет. Простое накопление знаний и изношенных временем понятий в действительности является самоубийством и далеко от реального освобождения. Мы настолько привыкли к так называемым «объяснениям», что довольствуемся тем, что и как нам объясняют, и считаем, что больше уже спрашивать нечего. Но дело в том, что нет лучшего объяснения, чем реальный опыт, и что только опыт этот нам и необходим для того, чтобы самим стать Буддой. Цель буддизма — реально, в полной мере обладать этим опытом, который не нуждается в каких-либо комментариях. Токусаи заметил однажды: «Вопрос — это ошибка, но и не спрашивать также неправильно». Это равносильно тому, что сказать: «Быть или не быть? Вот в чем вопрос?».

Для человеческого сознания, с самого момента его возникновения, вопрос этот представляет собой и проклятие и благословение. Один монах из общины подошел к Токусаи и поклонился ему, что делал обычно каждый ученик, желая обратиться к учителю с вопросом. Но не успел он даже совершить поклон, как Токусаи ударил его. Монах, естественно, ничего не понял и выразил свой протест: «Учитель, я собирался совершить поклон». Учитель немедленно ответил: «Если я буду ждать, пока ты откроешь рот, то будет уже поздно».

Теперь возьмем следующие две строчки, определяющие дзен: «Прямой контакт с духовной сущностью человека». И «Постижение сокровенной природы человека и достижение совершенства Будды». Что же такое «Духовная сущность человека», «Сокровенная природа» и «Будда»? «Духовная сущность человека» не есть его обычный ум или психическая деятельность — ум, который мыслит и чувствует согласно законам логики и психологии, который описывают нам ученые-профессора. Это нечто, лежащее за этими мыслями и чувствами. Это чitta-матра, о которой говорится в ланкаватра сутра. Эта духовная сущность или ум и составляют нашу «сокровенную природу», то есть реальность (свабхана) или основу всех вещей. Этот ум можно сравнить с дном глубокого колодца мыслящего и чувствующего субъекта, в который мы углубляемся, производя психологические раскопки, а «сокровенную природу» — с объективным пределом, дальше которого наши раскопки уже не могут идти. Этот

онтологический предел является психологическим пределом, и наоборот, когда мы достигаем одного, то мы обнаруживаем себя и в другом. Различие здесь в отправной точке. В одном случае мы углубляемся внутрь, а в другом — достигаем идентичности. Если мы поняли, что такое ум,— мы поняли, что такое природа, так как это одно и то же. Тот, кто постиг природу ума и постоянно живет в совершенной гармонии с природой,— и есть Будда или просветленный. Будда — это олицетворение природы. Таким образом, мы можем сказать, что все эти три термина — природа, ум и Будда — это различные отправные пункты. По мере изменения своего месторасположения мы пользуемся то одним, то другим.

Из этого следует, что мудрость — это не интеллект в обычном смысле слова. Она стоит выше всякого рода диалектики. Это не аналитическое мышление, работа которого сугубо последовательна. Это прыжок через бездну дуализма и противоречий, поэтому достижение парамиты образно называют «достижением другого берега». Так как пробуждение представляет собой прыжок через интеллектуальный барьер, то это и есть акт воли.

1. Просветление

Насколько я понимаю, буддизм сосредоточивает основное внимание на просветлении, которого достиг Будда. Будда означает «просветленный». Просветление еще так же называют «бодхи». «Будда» и «бодхи» происходят от одного и того же корня «будх», что означает «будить» или «осознать что-либо». Будда — это пробужденный от сна относительной условной жизни. То, чему он учит, есть «совершенное просветление, не знающее себе равного».

Доктрина Будды основана на его просветлении. Она ставит себе целью помочь каждому из нас достичь этого просветления, так как буддизм не есть нечто, находящееся вне нас и не относящееся к нам лично. Будда был последовательным индивидуалистом» и настоятельно требовал от своих последователей, чтобы они ценили свой собственный опыт, а не просто полагались на авторитет более высокоразвитой личности.

От них требовалась самостоятельность во имя их же собственного освобождения.

В Дхаммападе мы читаем:

«Ведь на деле мы сами совершаем зло, сами прино-

сим себе страдания. Сами оставляем зло, сами очищаемся. Чистота и порочность принадлежат нам самим. Никто никого не очищает».

...Что же касается буддистов, то они стремятся докопаться до источника, в котором возникает проблема, и посмотреть, как она вообще возникает. Когда они встречаются с вопросом «Что такое реальность?», вместо того, чтобы принять вопрос как таковой, они идут к тому, кто задает этот вопрос.

Поэтому вопрос этот теряет свой абстрактный характер. На арене появляется личность, живая личность. Она преисполнена жизни, и не менее жизненен также вопрос, который перестает быть абстрактным и безличным, так как самым непосредственным образом касается того, кто его задает.

...Буддизм считает, что вопрос никогда не следует отделять от того, кто его задает. Покуда такое разделение будет существовать, вопрошающий не сможет прийти к правильному решению.

...Поистине, мы имеем привилегию мучиться, и поэтому, должно быть, имеем также привилегию испытывать счастье. У животных же ничего не может быть подобного.

...Что бы мы ни имели в виду под «этим», «оно» исчезает, как только мы начинаем спрашивать о «нем», как будто «оно» представляет собою нечто, что следует искать вне нас самих. Каждый из нас живет в «нем», и когда мы отделяем себя от «него», спрашивая о «нем», мы приходим, в конечном итоге, к тому, что покидаем себя и теряемся.

...Решить вопрос — значит быть единым с ним. Когда такое единство, в самом глубоком смысле, имеет место, оно само дает нам ответ, причем вопрошающему в этом случае нет никакой нужды пытаться решить этот вопрос. Он решается сам собой. Именно таким образом буддист подходит к решению проблемы «что такое реальность?» Это означает, что когда вопрошающий перестает отделять себя от вопроса и сливается с ним, он возвращается к первоисточнику.

Другими словами, возвращаясь к началу начал, где отсутствует разделение на субъект и объект, время, предшествующее разделению, когда мир еще не был сотворен — в виде реального опыта, а не в виде логического доказательства, он получает ответ на поставленный вопрос.

...Так или иначе, буддисты уделяют основное внимание просветлению, считая, что лишь оно может дать ключ к решению всех проблем.

...Отделение субъекта от объекта порождает вопрос, а интеллект ответить на него не в состоянии, потому что природа умственного ответа такова, что за ним всегда неизбежно следует целая серия других вопросов, и конечного ответа мы так и не получим.

В связи с тем, что вопрос и отделение субъекта от объекта неразрывно связаны друг с другом, постановка вопроса в действительности означает, что реальность желает познать себя, а для того, чтобы это сделать, она сочла необходимым разделить себя на вопрошающего и вопрос. В таком случае ответ следует искать в самой реальности до того, как вышеупомянутое разделение имело место. Это означает, что ответ возможен тогда, когда вопрошающий и вопрос еще представляют собою одно целое. Вопрос возник после разделения. До него не было никакого вопроса. Поэтому, когда мы отправляемся туда, где нет никакого вопроса, то там нет, естественно, и никакого ответа.

Дао — это совершенное просветление: и все, что мы можем сказать о дао, в равной мере относится к просветлению. Когда вы направляете на него внимание (то есть, когда задаете вопрос о нем), то там, где вы его ищете, его уже нет. Но, с другой стороны, если вы будете искать его, сознательно направляя свое внимание на то, чтобы его распознать, вы никогда не ухватите его сути. Дао выходит за пределы логического понимания и сферы деятельности интеллекта. Все это означает, что если вы будете ограничены последними, то никогда не достигнете просветления.

...Аскетизм и нравственное очищение никогда не могут идти за пределы «я», а если мы не пойдем за его пределы, мы не будем иметь ни малейшего шанса найти решение той проблемы, с которой начались поиски истины. «Я» должно быть совершенно оставлено, и лишено всего того, что о нем хоть как-то напоминает.

Ум достигает конечной реальности, становясь выше рождения и смерти «я» и «не я», добра и зла. «Я» достиг абсолютной победы» — эта идея хорошо выражена в следующих стихах (гатха), которые, как гласит предание, изрек Будда в момент просветления:

Всесильный, всезнающий я теперь.
Свободный от всякого заблуждения.

Все вещи отброшены, желаний нет.
Зачем мне учитель? Я сам все постиг.
Нет равного мне во вселенной.
Я высший учитель или архат,
Мое просветление ни с чем не сравнится,
Достигая блаженного мира в нирване.

«Всесильный» или «всепобеждающий» не знает поражения. Он — абсолют, стоящий выше всякой сферы и сравнений. Ничто с ним не может сравниться.

Он также «всеведущ», но это, однако, не означает, что он знает каждую вещь в отдельности. Знание частного — это обычное знание, которым обладают все, и которое находится на уровне относительного и ограниченного.

Знание, которым обладает «всеведущий», и которое я назвал «паджна-интуицией», — это знание вещей во всей их совокупности и единстве, знание, лежащее в основе всякого конкретного знания.

Оно, собственно, и делает наше относительное знание возможным. Это, так сказать, чистое знание, лишённое какого-либо «заблуждения». Такое знание доступно тому, кто не отделяет вопрос от вопрошающего, то есть Будде или «просветленному».

2. Просветление и неведение

Как ни странно, ученые, изучающие буддизм, уделяют слишком много внимания тому, что по их мнению составляет основу учения Будды, и тому, что его последователи излагают под названием «дхармы», и совершенно игнорируют при этом сам духовный опыт Будды. Мне кажется, однако, что первое, с чем мы должны встретиться при изучении буддистского образа мысли, это стремление постичь природу того личного опыта Будды, который, как известно, он получил во время своего просветления (самбодхи) и который связан с самой сокровенной глубиной человеческого сознания. То, чему Будда учил своих учеников, было лишь сознательной умственной интерпретацией того, что он сам видел и постиг, и имело целью помочь им достичь того же самого. Но умственное объяснение, каким бы философским оно ни было, вовсе не передает внутренней сущности самого просветления Будды. Поэтому если мы хотим постичь сущность буддизма, что неразрывно связано с просветлением, мы должны понять значение опыта его осно-

воположника, опыта, который сделал его Буддой и основателем религии, носящей его имя.

...Что же было в опыте Будды такого, что позволило ему преодолеть неведение (авидья) и совершенно освободиться от всех пороков (ашрава)? Что представляло собой то недоступное уму видение природы вещей? Что такое доктрина всеобщего страдания, вызванного тем, что люди жаждут жизни (тришна) и цепляются за нее (упадана)? В чем сила теории «причины и следствия», утверждающей, что источником всякого страдания является неведение?

...Будда не только открыл «цепь причин и следствий», состоящую из двенадцати звеньев, но и порвал ее собственными руками.

Перед его проникновенным взором предстала его собственная сущность в своем истинном облике — как она есть — причём, он видел ее так же ясно, как, например, человек видит свою собственную руку своими собственными глазами. Никакого размышления, никакого вывода, суждения или сравнения, а также — никаких градаций. Не о чем было говорить, не о чем спорить, нечего объяснять, он видел — и все тут. Это видение представляло нечто само по себе совершенное: оно не вело ни к чему внутреннему или внешнему, ни в пределы, ни за пределы чего-либо.

...Для достижения такого состояния «единомыслия» требуется огромное умственное усилие. Наше сознание слишком обременено аналитическим мышлением. Стремясь понять реальные факты, мы разлагаем их на части, но когда потом снова пытаемся воссоздать целое, собирая их воедино, обнаруживаем, что каждая из них слишком ярко выделяется, чтобы составить одно единое и неделимое целое.

А так как просветление возможно только тогда, когда мы достигаем вышеупомянутого единства, то нам необходимо попытаться уйти за пределы относительного эмпирического сознания, которое связано со множественностью, а не единством вещей.

...В Катхе упаниладе мы читаем: «Подобно тому, как капля воды, ударяясь о камень, разлетается на мелкие брызги, ум того, кто видит качественные различия, распыляется, устремляясь за каждым из них. «Я» того, кто знает, о Гаутама, остается каменным подобно чистой воде, излитой в чистую воду». «Чистая вода», налитая в «чистую воду», означает, что все качества сливаются в

единое целое, логическая нить, безнадежно запутанная в клубок, обрывается и все подобия и различия приходят к абсолютному единству познающего (джиянин) и познаваемого (джнея). Это вносит коренной переворот в нашу практическую дуалистическую жизнь.

Экхарт был абсолютно того же самого мнения относительно единства субъекта и объекта, что и буддисты.

Вот что он говорит: «Око, которым я вижу бога, это то же самое око, которым бог меня зрит. Мое око и божье око — это одно, и лик един, и мудрость и любовь едины».

...Итак, просветление включает в себя не только интеллект, но и волю. Это интуиция, порожденная волей. Воля желает познать себя в себе, освободившись от всех условностей.

...Идея неведения, причины и следствия, и морали приобретают в душе истинного буддиста более глубокий смысл. Неведение — это не неведение в познавательном смысле, а темнота в смысле духовном. Если бы неведение было связано только с познанием, то устранение такого неведения никак не могло бы привести нас к просветлению и освобождению от оков и пороков, или «дурманов», как их называют некоторые ученые.

Перед проникновенным взором Будды открылись его сущность, и он понял, что суть его — воля, а также — что такое воля (ятхяхутам или пребывание в татхажене, что означает «в своем естестве»). Он превзошел самого себя и стал Буддой, вышшим, несравненным. Таким образом, выражение «акнутара-самьяк-самбодхи» означает «достижение высшего духовного знания».

...Неведение — это не простое незнание какой-либо теории, систем или закона. Это отсутствие прямого восприятия фактов, лежащих в основе жизни — восприятия, связанного с проявлением воли.

Познание неизбежно сопряжено с неведением. Когда мы думаем, что познали что-то, всегда есть нечто в этом случае, что недоступно нашему познанию. За известным всегда скрывается неизвестное — познающий, до которого нам никак не удастся докопаться и который неизбежно должен присутствовать в каждом акте незнания.

...Неведение — которое порождает серии нидакы, неограниченно во времени, так как оно, так же как и просветление, связано не со временем, а с волей.

...То громадное влияние, которое оказал Будда на

своих современников, а также на последующие поколения, объясняется не остротой его логики и мышления (хотя ему свойственно было и это), а тем духовным величием и глубиной, которые были связаны с волей, проникающей в самую основу творения. Победа над неведением явилась демонстрацией этой силы, преодолеть которую не мог ни коварный Мара, ни все его несметные полчища.

...В начале, которого в действительности нет, и которое не имеет своего духовного значения вообще, а имеет лишь частное значение в нашей конечной жизни, воля хочет познать себя, в результате чего пробуждается сознание, а с пробуждением сознания происходит разделение воли на две части. Единая воля, целостная и совершенная в себе, становится одновременно актером и зрителем.

Конфликт в этом случае неизбежен, так как актер начинает стремиться к освобождению от ограничений, которые он на себя возложил в своем желании обрести сознание. В некотором смысле ему дано право видеть, но в то же время остается нечто, чего он, как зритель, не может заметить.

С роковой неизбежностью неведение буквально по пятам преследует знание. Тенью бродят друг за другом эти два вечных и неразлучных спутника.

Но воля — актер стремится вернуться в свою первоначальную обитель, где нет дуализма и где царит вечный мир. Однако эта тоска по дому не может быть излечена ничем иным, как ценой долгих и мучительных поисков, так как однажды разделенное не может быть восстановлено до прежнего единства без борьбы и сопротивления. Восстановление же — это нечто большее, чем простое возвращение назад потому, что первоначальное содержание обогащается этим разделением, борьбой и реорганизацией.

Поначалу вышеупомянутое разделение воли настолько очаровывает сознание своей новизной и кажущимися успехами в решении практических проблем жизни, что оно забывает о своей миссии служить источником света для воли. Вместо того, чтобы направить этот источник света внутрь — то есть, к воле, от которой оно заимствовало принцип своего существования, сознание направляет его на объективный мир и мир идей.

...Неведение всегда предполагает существование чего-

то лежащего вне и непознаваемого. Этого непознаваемого зрителя обычно называют «эго» или душой, которые в действительности представляют собой саму волю, находящуюся в состоянии неведения. Поэтому когда Будда испытал просветление, он осознал, что не существует никакого атмана или непознаваемой и непознанной души.

...Теперь читателю должно стать совершенно ясно, что просветление или устранение неведения — тот идеал, к которому стремится буддист, — не умственный процесс, а преобразование или перестройка всего нашего существа за счет приведения в действие той основной силы, которая пребывает в каждом из нас. Просветление — это продукт продажи, порожденной волей, которая желает видеть себя и быть в себе. Вот почему Будда так настаивал на необходимости личного опыта, а как средство достижения рекомендовал медитацию и одиночество.

3. История дзен-буддизма от Боддхихармы до Эно. (Хуэн-нэн. 520—713 гг. н. э.)

...Теперь, вероятно, уже слишком поздно пытаться разгадать тайны происхождения дзена в Индии, разве что ограничиться простыми логическими выводами из уже известных исторических фактов, касающихся развития буддизма. Фактически дзен-буддизм является продуктом китайского ума, или развитием доктрины Просветления.

...Вначале Будда не имел особого желания раскрывать все тайны, открывшиеся ему в Просветлении, считая, что его последователи будут не в состоянии пройти шаг за шагом тот же самый путь. То чувство, которое возникло у него после того, как он испытал Просветление, не покидало его почти всю жизнь. Это было чувство, что достигнутое им совершенное высшее просветление представляет собой слишком возвышенный для чувствительных существ идеал и что если бы даже он поведал о нем им, они не смогли бы должным образом понять его, а лишь опоздали бы его в ущерб себе. Разве он не думал даже о том, чтобы перейти в нирвану сразу после Просветления? Это чувство, кажется, преследовало его всю жизнь и даже, несмотря на советы Ирахмедова, он не хотел в полной мере раскрывать глубины достигнутой им саморегуляции (пратья-тмаджияна — на языке «данкватра сутры»).

...Несмотря на то, что конечной целью учения Будды

было достижение его совершенства или совершенства архата, Будда был практичен и всегда близок к жизненным факторам и подчеркивал в своих обычных проповедях, что человеку необходимо вести жизнь в соответствии с принципами морали. У него также не было никакого желания дать умственное или метафизическое объяснение содержания просветления, которое должно быть испытано и которое не может быть объяснено. Он подчеркивал значение саморегуляции, так как человек должен сам достичь нирваны или просветления, своими собственными усилиями, в глубинах своего собственного сознания. Что же касается «четырёх аспектов возвышенной истины», «цепи причин из двенадцати звеньев», или «теории отрицания его», то они служили умственными проводниками на пути к реализации принципов буддизма. Такое учение не могло иметь никакого другого значения, как вести в конечном итоге к просветлению.

Будда никогда не думал, что его последователи станут сосредоточивать все свое внимание на интеллектуальном аспекте его учения, который теряет всякий смысл без своей внутренней духовной основы. «Путь праведности до восьми ступеней», по мнению Будды, представляет собой лишь этическое руководство к достижению просветления.

Легенда, повествующая о происхождении дзена в Индии, гласит следующее: «Однажды Шакьямуни читал проповедь своим ученикам, собравшимся у горы «Святой Гриф». В своей проповеди он не стал прибегать к долгим словесным рассуждениям, а просто поднял вверх букет цветов, который был преподнесен ему одним из его учеников. Он не произнес ни одного слова. Никто не понимал смысла происходящего, за исключением старца Махакаस्याны, который со спокойной улыбкой глядел на учителя и, казалось, отлично понимал все красноречие этого безмолвного наставления просветленной души. Заметив это, учитель таинственно провозгласил своими золотыми устами: «Я обладаю самым драгоценным сокровищем, духовным и трансцендентальным, которое я передаю сейчас тебе, о почтенный Махакаस्याна».

Об этом факте, однако, впервые упоминается, насколько нам известно, в китайской истории дзена, названной «История распространения света истины», оставленной Ри Сюнкеку в 1029 г., а также в «Отчетах об ортодоксальной передаче дхармы», которая была выпущена Кайсю в 1064 г. В этих документах упоминается о вы-

шеописанном случае, но выражается сомнение относительно его абсолютно исторической подлинности.

...Как только дзен превратился в независимую систему, приобретая не только свои характерные черты, но и свою реальную историю, историки сочли необходимым восстановить всю цепь его последовательной передачи.

В подтверждение точки зрения, что дзен является «особого рода передачей истины Будды, не имеющей связи с его догматами», историки дзена стали говорить о «передаче истины», имевшей место даже до Будды, так как согласно традиции, широко распространенной уже среди ранних буддистов, существовало, по крайней мере, шесть Будд до Будды настоящей кальпы или Муни Шакви.

...«Передача света истины» считается самой ранней в истории дзена книгой. В ней подробно освещается история 28 патриархов и стихов, «передающих закон».

Для примера приведу две из шести гатх, оставленных Буддами. Первый Будда, Випасьин, говорит следующее:

«Не имеющий формы произвел это тело из себя,
Будто по мановению жезла,
Появляются все формы и образы:
Призрачные существа, наделенные умом и
Сознанием, нереальные с самого начала.
В пустоте нет места добру и злу, счастью и несчастью».

Гатха шестого Будды, Касяны, который предшествовал Муни Шакви, гласит следующее:

«Чиста и безупречна природа всякого живого существа;
С самого начала нет ни рождения, ни смерти;
Тело и ум — это призраки.
А призрачное видоизменение не несет в себе ни добра, ни зла».

Когда последний Будда повелел Махакаस्याне стать правоверным вестником «благого закона», он изрек следующее:

«Дхарма, о которой идет речь, в конечном итоге, вовсе не дхарма;
Отсутствие дхармы — тоже дхарма;
Это нечто я передаю сейчас тебе;
Что мы называем Дхармой и где в конце концов она?»

Шестой патриарх — Дхритика говорит:

«Постигни самую глубокую тайну ума,
И ты увидишь, что нет ни вещей, ни отсутствия вещей;
Просветленный и непросветленный представляют собой одно;
Нет ни ума, ни вещей».

...Полагаю, что сейчас будет вполне уместным пока-

зять на конкретных примерах, насколько индийский метод демонстрации истины дзен-буддизма отличается от типичного китайского. Как я уже неоднократно стремился показать, буддизм — будь то ранний или поздний — представляет собой религию свободы и эмансипации, конечная цель практики которой состоит в освобождении духа от всякого рабства и представлении ему полной свободы действия, согласно собственным его принципам. Вот что имеется в виду под словом «непривязанность» (апатишита читтам). Эта идея носит отрицательный характер, поскольку она связана с представлением свободы интеллекту и страсти, но чувство, лежащее в основе этой операции, положительно, и конечная цель достигается только тогда, когда дух обретает свое первоначальное состояние. Дух знает, что ему нужно, и все, что требуется от нас, — это устранить все препятствия, которые поставило перед ним наше неведение.

История дзена начинается с приходом Бодхидхармы (Водайдарума) с Запада, в 520 г. н. э. Он явился в Китай с особым посланием, сформулированным в следующих стихах:

Особая форма передачи истины,
Не связанная с какими-либо трактатами,
Независимость от всякого рода буквы.
Прямой контакт с духовной сущностью человека.
Проникновение в глубины внутренней природы человека —
И есть достижение совершенства Будды.

Согласно дзену, Бодхидхарма оставил много письменных трудов или высказываний, которые, очевидно, еще были распространены, когда писались «Биографии великих жрецов», но в настоящее время мы располагаем только одним подлинным источником, да и то очень небольшим. Он называется «Умиротворение души». Перевод этого самого достоверного труда Бодхидхармы, первого патриарха дзена в Китае, последует ниже.

...Существует много путей достижения, но в общем они сводятся к двум: это «путь разума» и «путь праведного поведения». «Путь разума» означает постижение сути буддизма при помощи духовного учения, которое приводит нас к глубокой вере в Истинную Природу, которой наделено в равной мере каждое живое существо. Она не проявляется потому, что мы поработены внешними объектами и ложными представлениями. Когда человек, отбросив ложное и ухватив истинное, в пустоте ума пребывает в би-гунь, он обнаруживает, что нет ни

субъекта, ни объекта, что простые люди и герои в сущности одно. Он твердо верит в это, и ничто его не может разубедить. Такому человеку уже не нужны более словесные наставления, так как он находится в безмолвном общении с самим принципом. Он не связан с различием понятий, потому что, бездействуя, пребывает в покое. Вот что называется «путем разума».

«Путь праведного поведения» подразумевает Четыре Действия, которые включают в себя все остальное. Каковы же они?

1. Не испытывать ненависти.
2. Быть покорным карме (судьбе).
3. Не иметь желаний.
4. Быть в гармонии с дхармой (законом).

1. Что же означает «не испытывать ненависти»?

Если человек идет по пути, то встречает на нем всякого рода трудности, он должен рассуждать следующим образом: через огромную вереницу столетий я прошел в своих бесчисленных прошлых существованиях, постоянно уделяя внимание несущественному в жизни в ущерб самому главному. Очень часто я становился рабом ненависти, злобы и дурных поступков. Хотя я и не совершил ничего дурного в этой жизни, плоды дурных семян прошлого я все-таки должен пожинать сейчас. Никто на свете не может сказать, что меня ожидает. Я буду покорно и терпеливо принимать все, что со мною случится, и никогда не стану сетовать на судьбу. В сутрах сказано, что человека не должны беспокоить неприятности, которые могут иметь место в его жизни. Почему? Потому что его ум в состоянии узреть всю цепь причин и следствий. Если человек рассуждает так, то значит он действует в соответствии с принципом, самым лучшим образом исползует ненависть, заставляя ее служить интересам духовного роста. Это называется «не испытывать ненависти».

2. «Быть покорным карме» означает: все существа, порожденные игрой кармических сил, не имеют «я» (атмана). Удовольствие и страдание, которые мы испытываем, также являются результатом прошлых поступков. Если мне сопутствует успех, слава, то это продукт моих прошлых деяний, которые вследствие закона причинности влияют на мою настоящую жизнь. Когда силы кармы будут исчерпаны, исчезнут и результаты, имеющие место теперь. Так чему же тогда радоваться? Потерять или приобрести — пусть это будет для нас все равно: да-

вайте принимать все, что приносит нам карма. Ведь дух стоит выше приобретения или потери. Счастливые ветры его не колышат. В безмолвии и гармонии он сливается с Путем. Вот что имеется в виду под словами «быть покорным карме».

3. Смысл выражения «ни к чему не стремиться» состоит в следующем. Мирские люди в вечной суете своей постоянно привязываются к той или иной вещи. Это называется стремлением. Однако мудрец, в отличие от профана, понимает истину. Его ум безмятежно покоится в непроявленном, в то время как тело живет, подчиняясь законам причины и следствия. Все вещи пусты, и нет ничего привлекательного, к чему стоило бы стремиться. Если есть свет, то есть тьма. Этот тройной мир, в котором слишком долго приходится пребывать человеку, походит на горящий дом, все, что имеет тело, страдает и никому неизвестно, что такое покой. Мудрец никогда не привязывается к чему-либо проходящему, так как он до конца познал истину; его мысли спокойны, он никогда ни к чему не стремится. Сутры говорят: стремление влечет за собою страдание: когда вы оставите стремление, вы достигнете блаженства. Таким образом, мы знаем, что ни к чему не стремиться действительно означает идти на пути истины. Поэтому я говорю вам: «Ни к чему не стремитесь».

4. «Быть в гармонии с дхармой» — это означает, что причина, которую мы называем дхармой, в своей сущности чиста, что она представляет собою принцип пустоты, распространяющийся на все проявленное. Она выше привязанности и порока. В ней нет ни «я» ни «не я».

В сутрах сказано: в дхарме нет живых существ, так как она свободна от оков бытия: в дхарме нет «я», так как она свободна от ограниченной личности. Если мудрый понимает эту истину, верит в нее, его поведение ведет «к гармонии с дхармой».

Будда сказал: «Два цуня — это «путь разума» и «путь праведного поведения». «Путь разума» подразумевает глубокую веру в то, что все живые существа в сущности едины с Истинной Природой, которая не есть ни единство, ни множество.

«Путь праведного поведения» означает отсутствие умственных колебаний и изменений. Где бы вы ни находились, сохраняйте умственный покой и ни к чему не стремитесь. Подобно каменному утесу, даже в самую

страшную бурю оставайтесь непреклонны. Отбросив все эгоистические мысли и чувства, спасайте всех, помогая перебраться им на другой берег. Нет рождения, нет признаков, нет привязанности, нет отречения: в уме Бодхисаттвы нет движения внутрь и наружу. Когда этот ум, не знающий движения наружу или внутрь, вступает туда, куда никогда нельзя войти, то это и есть вступление. Именно так Бодхисаттва вступает в дхарму. Дхарма — это не пустота, а дхарма непустоты — это не ничто. Почему? Потому что дхарма, которая не есть ничто, полна добродетелей.

Для последователей дзена вся литература не имела особого значения, да в ней самой, в действительности, и не было ничего такого, что открывало бы видение внутренней природы человека, так как такое видение представляет собой реализацию, которая должна быть достигнута собственными усилиями человека, которые не имеют ничего общего с простым пониманием букв. Все буддистские сутры, включая ланкаватру, ваджрасамадхи и ваджракчедику, не дадут искренне ищущему истину ничего особенного, поскольку его цель — самое непосредственное восприятие реальных фактов. Это возможно только тогда, когда внутреннее сознание человека раскрывается само собой за счет максимального усилия души. Польза литературы заключается лишь в том, что она указывает путь, но сама по себе она не есть движение.

Видя, что он больше ничем не может помочь императору, рассказывают, что Бодхихарма удалился в монастырь в государство Вэй, где, как говорят, на протяжении девяти лет он практиковал «созерцание стены», после чего его стали называть «брахманом би-гуань». Как уже было сказано, некоторые отождествляют позу мянь-би (лотос) с доктриной «созерцание стены». Эту ошибку допускали еще в древности: даже во времена автора «Истории» истинное значение би-гуань, должно быть, было уже утеряно.

Однажды монах Синко (позже — Эка) пришел к Бодхихарме и стал умолять его всей душой, чтобы он раскрыл ему истину дзена, но Бодхихарма не обратил на его просьбу никакого внимания. Однако Синко не стал расстраиваться, так как знал, что все великие духовные вожди прошлого проходили немало испытаний во имя достижения своей цели. Однажды в ожидании, что Бодхихарма обратит на него внимание, ему пришлось весь вечер простоять на снегу, пока его не замело по

колена. Наконец учитель обратил внимание на него и спросил: «Чем я могу тебе помочь?»

Синко сказал: «Я пришел к тебе за мудрыми наставлениями. Умоляю тебя, сжался надо мной, спаси несчастного смертного».

«Ни с чем не сравнимая доктрина буддизма,— ответил Бодхихарма,— может быть понята только после долгих лет суровой дисциплины, когда человек выносит невыносимое и практикует то, что труднее всего. Люди достаточно добродетельные и мудрые не в состоянии что-либо понять, и все их усилия будут напрасны».

Согласно Кэйсо, автору «Точного изложения закона», Бодхихарма последовал примеру Нагарджуни в анатомии понимания дзена. В своих известных комментариях в Прадхиз-Парамитасутра Нагарджуна говорит: «Праведное поведение — это кожа, медитация — плоть, понимание — кости, а высший ум — сердце». Этот высший или утонченный ум, говорит Кэйсо, и есть то, что было тайно передано Буддой его последователям. Затем он упоминает Чиги из династии Суй, который считает ум убежищем всех Будд, а также средним путем, в котором отсутствует единство и множество и который нельзя описать словами.

После Бодхихармы главой дзен-буддистского движения стал Эка (487—593 гг.). Уже до того, как он решил пойти к учителю за наставлением, он был эрудированным ученым, знакомым не только с китайской классикой, но и буддистским учением.

Досин однажды попросил учителя:

— Пожалуйста, укажи мне путь освобождения.

— Кто же и когда тебя поработил?

— Никто.

— Если это так, то зачем же тебе тогда искать освобождения?

Это направило молодого ученика на путь конечного освобождения, которого он достиг через многие годы под руководством учителя. Когда Сосан счел, что настало время сделать его своим преемником, он передал ему, как символ духа истины, рясу, которую некогда носил Бодхихарма, первый патриарх дзена в Китае. Умер он в 606 г. В то время как о жизни его в основном ничего не известно, его мысли отражены в стихотворном сочинении, известном под названием «Девиз верного ума». Это произведение является ценным вкладом учителей, проповедовавших учение дзена.

Далее последует вольный перевод этой поэмы:

Девиз верного ума

Совершенный путь не знает трудностей,
Кроме тех, что не может ничему отдать
предпочтения;
Только освободившись от ненависти и любви,
Он раскрывается перед нами как есть.

Отдавая чему-либо предпочтение,
Вы рискуете все потерять,
Если вы хотите его узреть,
Не имейте мыслей ни «за», ни «против».

Сравнение неприятного с приятным —
Это болезнь ума:
Если глубокий смысл (путь) не ясен,
Нет покоя уму и нет достижений.

Совершенный (путь) подобен бездне небесной:
Там нет недостатка и нет избытка,
Фактически только потому, что мы выбираем,
Мы теряем из виду его суть.

Не привязывайтесь к чему-либо внешнему,
Но и не живите во внутренней пустоте.
Когда ум покоится в единстве вещей,
Двойственность сама собой исчезает.

Когда единство не до конца осознано,
Два рода заблуждения имеют место —
Отрицание реальности может привести к
абсолютному отрицанию,
В то время как увлечение пустотой —
к противоречию.

Словесность и умствование —
Чем больше мы увлекаемся ими,
Тем дальше уходим от истины,
Нигде и ничто не может нас связать.

Когда мы возвращаемся к сущности,
Мы постигаем смысл.
Когда мы гоняемся за внешними вещами,
Мы теряем рассудок.

Видоизменение, происходящее в пустоте,
Окружающего нас мира,
Кажется реальным вследствие неведения,
Не пытайтесь найти истину,
Лишь отбросьте предвзятые мнения.

Оставьте двойственность,
Старайтесь ее совершенно избегать:
Как только появляется правда и ложь,
Ум начинает теряться в смущении.

Это означает: когда отсутствует должное понимание абсолютного единства вещей, превалирует то утверждение, то отрицание, представляя односторонний подход к реальности. Когда буддисты отрицают объективный мир, не следует думать, что они верят в абсолютную пустоту вещей: они знают, что существует нечто реальное, что настойчиво о себе заявляет. Когда они говорят о доктрине пустоты, это вовсе не значит, что, по их мнению, все есть ничто иное, как пустая бездна, так как это привело бы к противоречию. Философия дзена избегает ошибочного одностороннего подхода к истине, свойственного материализму и идеализму.

Они походят на воздушные видения.
Так стоит ли пытаться удержать их?
Приобретение и потери, добро и зло —
Расстаньтесь с этим раз и навсегда.

Если вы всегда будете бодрствовать,
Тогда сновидения сами собой исчезнут.
Если разум пребывает в своем единстве,
Мириады вещей представляют собой одно.

Когда постигается глубокая тайна единства —
Мы сразу забываем обо всех внешних
препятствиях.

Когда мы видим все бесчисленное множество
вещей в их единстве —
Мы возвращаемся к истокам и остаемся
самими собой.

Забудьте «как» и «почему», и вы достигнете
Состояния, ни с чем несравнимого;
Движение в покое не есть движение,
А покой в движении есть покой.

Когда исчезнет двойственность,
То даже само единство перестает быть
единством.
Сущность вещей не связана никакими
законами;

Разум, находящийся в гармонии (с Путем),
Есть принцип тождественности:
В нем царит состояние покоя,
В нем нет места нерешительности;
Истинная вера воскреснет в нем со всей
Первозданной непосредственностью:
Ему нечего сохранять,
Нечего запоминать,—
Все светится изнутри и плавает в прозрачной
пустоте:

Нет порока, нет напряжения, нет траты
энергии —

Вот обитель, недоступная мышлению,
Обитель выше всякого воображения.
В великом царстве Истины
Нет ни «не я», ни «я».
Если попросят точно определить это состояние,
То можно сказать: «не — два».
В таком состоянии все — одно.
Все, что есть, заключено в нем.
Такая абсолютная вера не связана
пространством и временем.

Один миг и тысяча лет — одно;
Чем бы ни были обусловлены вещи, бытием
или небытием,
Их сущность проявляется во всем.
Бесконечно малое может быть бесконечно
большим,

Когда внешние условия позабыты;
Бесконечно большое может быть бесконечно
малым,

Когда объективные пределы исчезают,
То, что есть, и то, чего нет, — одно;
То, чего нет, и то, что есть, — также одно;
Не задерживайтесь там долго,
Где этого нет.

Один во всем всегда одним —
Если это осознано,
То пусть ваше несовершенство вас больше не
волнует,

Верный ум — это нераздельное,
А нераздельное — это верный ум.
Слова не могут его описать,
Ибо он не связан с прошедшим, настоящим
или будущим.

...Другое направление возглавлял Гунин. Историки считают его пятым патриархом дзена. Его школа выдержала суровое испытание временем. Еще мальчиком он явился к учителю, и учитель остался доволен его ответом. Когда Досин попросил его назвать свою фамилию (Син), он ответил: «Я обладаю природой (син), а природа эта необыкновенна».

— Что же это такое?

— Это природа Будды (фу-син).

— В таком случае, у тебя нет фамилии.

— Нет, учитель,— сказал мальчик,— потому что она пуста по природе.

Здесь мы имеем место с игрой слов. Иероглифы, обозначающие «фамилию» и «природу», произносятся одинаково — «син». Когда Досин упомянул о фамилии, молодой последователь дзена умышленно обратил внимание на второе значение слова, желая выразить словами свою точку зрения.

Шестым патриархом стал Эно (638—712 гг.). И сказал шестой патриарх: «Если ты пришел за верой, оставь все свои страстные стремления. Не думай ни о добре, ни о зле, но посмотри, каков в данный момент твой первоначальный лик, который ты носил еще до рождения твоего».

Получив такое указание, Ме-дзедза сразу постиг истинную основу вещей, которую он раньше искал во внешнем.

«Кроме того скрытого смысла, который заключается в этих важных словах, есть ли еще что-нибудь тайное?»

Патриарх ответил: «В том, что я тебе показал, нет ничего скрытого. Если ты размышляешь в себе и узнаешь свой лик, который был твоим до сотворения мира, то тайна — в тебе».

Гунин умер в 675 г. н. э., через четыре года после того, как дхарма была передана Эно. Но Эно не приступил к выполнению своей миссии, пока не прошло несколько лет, так как по совету своего учителя жил в горах жизнью отшельника.

И вот однажды он решил, что настало время появиться в миру. Ему было тогда тридцать девять лет, и это было на первом году И-фана (676 г.), во времена Тан. Он пришел в храм фа-син в провинции Гуан, где ученый священник Иисю комментировал нирвану-сутру.

Выяснив вскоре, что был этот Эно, Иисю попросил его поведать ему об учении учителя с горы Желтая Слива. Суть ответа Эно состояла в следующем: «Мой учитель не давал никаких особых указаний. Он просто настаивал на необходимости узреть вашу собственную природу при помощи наших собственных усилий: он не имел ничего общего с медитацией или освобождением. Это объясняется тем, что все, что может быть названо, ведет к двойственности, а буддизму чужда двойственность. Ухватить эту двойственность истины — цель дзена. Природа Будды, которой мы все обладаем, и постижение которой составляет дзен, не может быть разделена на такие противоположности, как добро и зло, вечное и проходящее, материальное и духовное. Человек видит двойственность в жизни вследствие помутнения разума: мудрый, просветленный, видит реальность вещей, незамутненную ложными идеями».

...Эно предпочел остаться в Горах. Посыльный императора пожелал получить указания относительно постижения доктрины «дзен», которые он мог бы передать своему высокопочтенному учителю при дворе. Вот что в основном сказал Эно:

«Ошибается тот, кто думает, что для того, чтобы достичь освобождения, нужно сидеть спокойно и предаваться созерцанию. Истина дзена открывается сама собой изнутри и не имеет ничего общего с практикой Дхаяны, ибо мы читаем в Вадхракчедике, что тот, кто пытается узреть Татхагату при помощи той или иной особой позы, сидя и лежа, не понимает духа его, не понимает того, что Татхагату называют Татхагатой потому, что он приходит из «ниоткуда» и уходит в «никуда», и по этой причине он Татхагата. Он появляется неизвестно как и исчезает неизвестно куда, а это и есть дзен. В дзене поэтому нечего достигать, нечего понимать; тогда зачем сидеть скрестив ноги и практиковать дхьяну? Некоторые могут подумать, что понимание необходимо для того, чтобы разогнать тьму неведения, но истина дзена абсолютна, в ней нет дуализма и условности».

Тогда как Эно трудился во славу дзена на юге, Тесену развивал другое направление этой религии на севере.

Одна из записанных проповедей Тесецу гласит:

«Учение всех Будд заключено с самого начала в нашем собственном разуме. Искать этот Разум вне нас самих — все равно, что убежать от своего отца».

Различие между Южной и Северной школами дзена обусловлено различиями, свойственными человеческому уму: если одну школу назовем школой интеллекта и интуиции, то другую — прагматической. Причина, по которой Южная школа известна и под названием «внезапной или моментальной» (югапад), в отличие от «постепенной» (крамаариттья) школы Севера, заключается в том, что просветление приходит внезапно и не допускает никаких градаций, так как в нем нет никаких стадий прогресса, в то время как Северная школа подчеркивает естественную постепенность процесса просветления, требующего много времени и сосредоточенности. Эно был горячим приверженцем абсолютного идеализма, тогда как Дзинсю был реалистом и отказывался игнорировать мир конкретного, в котором время правит над всеми нашими деяниями. Идеалист не обязательно игнорирует объективный аспект реальности, но его взор всегда устремлен в одну точку, находящуюся вне всего, в этом абсолютном ракурсе он делает свои наблюдения. Доктрина внезапности является, таким образом, следствием видения множества вещей в абсолютном единстве. Все истинные мистики — последователи «внезапной» школы. Уход от единого и возвращение к единому не есть постепенный процесс, и не может быть таковым. Учение Дзинсю следует рассматривать как практический совет тем, кто действительно занят изучением дзена, но оно не в состоянии описать характер переживания, выраженного словами: «узреть свою собственную природу», что явилось особым посланием Эно, в отличие от посланий других буддистских школ. То, что школа Дзинсю не могла выжить, как ветвь дзена, было вполне естественным, так как дзен не может быть ничем иным, как моментальным актом интуиции. В связи с тем, что он совершенно открывает мир, о котором раньше человек не мог даже мечтать, он представляет собой внезапный и ничем не объяснимый прыжок с одного уровня мышления на другой. Дзинсю упустил конечную цель дзена, подчеркивая процесс достижения цели. Он мог дать великолепный практический совет, и в этом его заслуга.

Идеи внезапности и постепенности в постижении истины дзена в своей основе взяты из Ланкаватры (с. 55 в

издании Нэйдзе), где о таком разграничении упоминается в связи с очищением ума от потока мыслей и образов.

Согласно этой сутре, такое очищение, с одной стороны, постепенное, а с другой — внезапное и мгновенное. Когда оно уподобляется созреванию плода, формовке сосуда, выращиванию растения или освоению какого-либо вида искусства, что происходит постепенно и требует времени, тогда это — процесс постепенный, но когда такое очищение ума сравнивается с зеркалом, отражающим предметы, оно происходит мгновенно. Таким образом, эта сутра признает два типа разума: у одних его очищение до состояния просветления может быть достигнуто постепенно, после долгой практики медитации, может быть, даже через много последовательных воплощений; тогда как у других оно может наступить совершенно неожиданно, даже без предварительных сознательных усилий.

Согласно утверждению Эно, дзен — это «прозрение в познании своей собственной природы». Это самая значительная фраза, когда-либо изреченная в истории развития дзен-буддизма. Затем дзен кристаллизуется на основе этой идеи, и нам становится ясно, куда нужно направить свои усилия, как представить его в своем сознании. После этого дзен-буддизм прогрессировал быстро. Когда Эно впервые заявил о дзене, делаясь своим духовным опытом с Инсю, утверждение это было совершенно безошибочным. «Мы говорим об узрении своей собственной природы, а не о практике дхьяны или достижении освобождения». Здесь заключена мысль дзена, а все более поздние проповеди Эно являются развитием этой идеи.

Под «природой» он понимал природу Будды, или, более конкретного, на языке разума «праджию». Он говорит, что праджией обладает каждый из нас, но вследствие беспорядка в мыслях, нам не удастся обнаружить ее у себя. Поэтому нам следует обратиться к адепту дзен-буддизма за советом и должным руководством, когда мы хотим сами развивать духовное видение и постигать внутреннюю природу. Эта природа не знает множества, она — абсолютное единство: она одна и та же, как в мудреце, так и в невежде. Различие появляется от путаницы и неведения. Люди много говорят и много думают о праджие, но совершенно не могут обнаружить ее в своем собственном разуме. Это все равно, что весь день говорить о пище — сколько бы мы о ней не говорили, мы всегда будем оставаться голодными. Вы можете де-

сять тысяч лет объяснять философию «шукьяты», но до тех пор, пока вы не узрете своей природы, это не принесет абсолютно никакой пользы. Есть люди, которые считают, что дзен состоит в спокойном сидении с пустым разумом, лишенным мыслей и чувств. Эти люди не знают, что такое «праджия» и что такое разум. Она заполняет вселенную и никогда не прекращает своей работы. Эта таинственная деятельность «праджии» исходит из нашей собственной природы. Не ставьте себя в зависимость от буквы, а дайте собственной праджии восстать изнутри.

...Отрывок из «Сутры помоста», в которой даны основы «внезапной доктрины».

Когда «внезапная» доктрина понята, нет необходимости тренировать себя на вещах внешних. Пусть только человек всегда имеет правильную точку зрения в своем собственном разуме, и никакие внешние объекты никогда не осквернят его. Это прозрение в познании его природы. О друзья мои, не привязывайтесь ни к чему внутреннему или внешнему, и поведение ваше будет свободным и не связанным. Устраните свою привязанность и на вашем пути не встретятся никакие преграды... Невежда станет мудрым, если он внезапно поймет это и откроет свое сердце истине. О друзья мои, даже Будды станут походить на нас, обыкновенных смертных, если они не достигнут просветления, и даже мы, смертные, станем Буддами, если мы достигнем просветления. Поэтому мы знаем, что все вещи находятся в нашем собственном разуме. Почему бы нам тогда не заглянуть на мгновение в наш собственный разум и не найти там истину в себе? В «Сутре о нравственности Бодхисаттвы» мы читаем, что все мы чисты по своей внутренней природе, и что, когда мы познаем свой собственный разум, мы видим эту природу и все достигаем совершенства Будды. Бималакирти сутра гласит: «Мгновенное прозрение ведет нас в обитель первозданного разума». О друзья мои, дорогие, под руководством своего учителя Гуника я постиг истину в тот самый миг, когда я услышал его речь и увидел мгновенный (то есть внезапный) проблеск истинной сущности природы. Вот почему я теперь пытаюсь посредством этой доктрины привести ищущих к моментальному (то есть внезапному) постижению «бодхи». Когда вы сами заглянете в свой разум, вы сами поймете, что такое первозданная природа...

Тот, кто знает сам, не ищет ничего внешнего. Если люди думают, что освобождение приходит за счет внеш-

ней помощи, благих деяний или мудрого друга, то они глубоко ошибаются. Почему? В нашем собственном разуме имеется познающий, и именно это заставляет вас самих постигать истину. Когда внутри у нас царит беспорядок, и вы придерживаетесь ложных воззрений, то сколько бы вас ни учили другие, добрые, мудрые друзья ваши, вам все равно не достичь освобождения. С другой стороны, когда воссияет ваша истинная «праджия», все ваши беспорядочные мысли моментально исчезнут. Познав таким образом, что такое ваша собственная природа, вы достигаете совершенства Будды одним только этим пониманием, одним знанием.

Когда основное внимание уделяется этому прозрению в познании собственной природы и интуитивное понимание противопоставляется изучению и философствованию, одним из логических следствий этого, как известно, является то, что человек начинает пренебрегать старыми представлениями о медитации, как о простой дисциплине умственного успокоения.

Именно это и произошло с шестым патриархом. Со времени возникновения буддизма существовали две точки зрения относительно значения медитации: одна, которой, например, придерживались Арада и Удрака, бывшие учителями Будды, заключалась в том, что ее принимали за прекращение всей психической деятельности или за очищение сознания от всех его форм; а другая — что медитация просто является одним из самых эффективных средств, обеспечивающих контакт с самой реальностью. Это фундаментальное различие взглядов на медитацию было причиной того, что Бодхихарма сначала не пользовался популярностью среди китайских буддистов, ученых и адептов «дхьяны» того времени. Это также способствовало расхождению между школой дзена «Годзу» и учением четвертого патриарха, а также между Северной и Южной школами дзен-буддизма после пятого патриарха. Эно, шестой патриарх, выступил в качестве горячего приверженца интуитивизма и отказывался от статистического (если так можно выразиться) толкования «дхьяны». Ум, по его мнению, в высшей степени медитации представляет собой не просто бытие, и не простую абстракцию, лишенную содержания и работы. Он хотел ухватить нечто, лежащее в основе всякого рода деятельности умственной и физической.

Тико был адептом медитации, который учился у пятого патриарха. Через 20 лет практики он счел, что хо-

рошо понимает цель медитации или «самадхи». Гэнкаку, узнав о его достижении, пришел к нему и спросил: «Что ты тут делаешь?».

«Я погружаюсь в «самадхи».

«Ты говоришь о погружении, но как ты погружаешься в «самадхи» — с умом, полным мыслей, или с умом, лишенным мыслей? Если ты скажешь «с умом, лишенным мыслей», — тогда все неразумные существа и предметы такие, как растения или кирпичи, могут достичь «самадхи». Если ты скажешь «с умом, полным мыслей», то все неразумные существа могут достичь этого состояния».

«Когда я погружаюсь в «самадхи», то я не осознаю, есть у меня мысли или нет».

«Если не осознаешь ни того, ни другого, тогда ты все время находишься в «самадхи», зачем же тогда говоришь о «погружении» или «возвращении» из него? Если, однако, действительно существует погружение или возвращение, то это не Великое «самадхи».

Тико не знал, что ответить. Помолчав немного, он спросил, у кого учился Гэнкаку, и как он понимает «самадхи».

Гэнкаку ответил: «Мой учитель Эно, и по его мнению высшая истина мистически статична и совершенно неизменна: не следует отделять субстанцию от функции, они принадлежат одной и той же реальности. Пять «скадх» пусты по своей природе, а шесть органов чувств нереальны. Истина не знает движения внутрь или наружу, также не может быть пассивной или активной. Дхьяна, в сущности, не имеет никакого определенного убежища. Не привязывайся к убежищу, оставайся безмятежным. Не связывай себя мыслями о рождении и смерти, размышляй в «дхьяне». Направь свой ум в пространство, но не имей никаких мыслей о пространстве. Таким образом, познакомившись с точкой зрения шестого патриарха относительно «самадхи» или «дхьяны», Тико пришел к самому учителю и попросил дать ему дальнейшие наставления. Патриарх сказал: «То, что тебе сказал Гэнкаку, верно. Направь свой ум в пустоту, но совершенно не думай о пустоте и... ты достигнешь вечного «самадхи».

Эно умер в 713 г. н. э., в то время, когда династия Тэн переживала свои счастливые дни, а китайская культура была на вершине своего исторического развития.

...Шестым патриархом после Бодхихармы был Дай-Чень. («Большое Зеркало» — посмертный титул Эно).

Согласно его доктрине, реальность — это отсутствие действия, он учил, что человеческая природа от начала

до конца абсолютно совершенна и не требует никакого искусственного очищения, так как она в корне связана с тем, что безупречно.

...Несмотря на многочисленные видоизменения, принцип и дух дзен-буддизма сейчас также живы, как и во времена шестого патриарха, и как огромное духовное наследие Востока, он продолжает пользоваться исключительным влиянием, в особенности среди интеллигенции Японии.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОПЫТ ПРОСВЕТЛЕНИЯ

Ученик: «В чем суть буддизма?»

Мастер: «Пока не постигнете, не поймете».

(Из «Передачи Светильника»)

1. О сатори — раскрытие новой истины в дзен-буддизме

Сущность дзен-буддизма состоит в том, чтобы научиться по-новому смотреть на жизнь. Этим я хочу сказать, что если мы хотим постичь сокровенную природу дзена, мы должны оставить все наши обычные умственные привычки, которые определяют нашу повседневную жизнь, мы должны попытаться обнаружить какой-нибудь другой способ оценки вещей, или, другими словами, посмотреть, всегда ли удовлетворяет наши нужды старый привычный способ. Если нас почему-то не удовлетворяет эта жизнь, если в нашем обычном способе жизни есть нечто такое, что лишает нас свободы в самом высшем смысле, мы должны стремиться найти то, что даст нам чувство совершенства и удовлетворения. Дзен предлагает сделать это для нас и заверяет, что мы приобретаем другое мировоззрение, в котором жизнь примет более свежий, более глубокий и более удовлетворяющий аспект. Такое приобретение, однако, является — действительно и естественно — величайшим умственным катаклизмом, с которым только может встретиться человек в своей жизни. Это нелегкая задача. Она представляет собой своего рода «крещение огнем», при котором человек должен пройти сквозь бури, землетрясения и горные обвалы.

Такой новый взгляд на отношение к жизни, к миру японцы, изучающие дзен, популярно называют «сатори». Фактически это синоним «просветления» (ан-уттара-самьяksam-бодхи), слово, которым пользовались Будда и его последователи. Сатори поистине является альфой и омегой дзен-буддизма. Дзен, лишенный «сатори», походит на солнце, лишенное света и тепла. Дзен может лишиться всей своей литературы, всех монастырей и всего своего убранства, но до тех пор, пока в нем есть «сатори», он будет вечно жив. Я хочу подчеркнуть это очень важное обстоятельство, касающееся самой жизни дзена, так как среди некоторых приверженцев дзена есть люди, которые не видят этого основного факта, вследствие увлечения концептуализмом. Когда дзен объясняется логически или психологически, или когда о нем говорят, как о буддистской философии, суть которой может быть выражена при помощи специальной умозрительной буддистской терминологии, дзен исчезает, не оставляя ничего из того, что делает его тем, что он есть. По моему убеждению, жизнь в дзене начинается с «сатори».

Сатори можно определить как интуитивное проникновение в природу вещей, в противоположность аналитическому или логическому пониманию этой природы. Практически это означает открытие нового мира, ранее неизвестного смущенному уму, привыкшему к двойственности. Иными словами, «сатори» представляет нам весь окружающий мир в совершенно неожиданном ракурсе. Это — таинство и чудо, но, по словам учителей дзена, оно происходит каждый день. Таким образом, познать сатори можно, только один раз испытав его.

Более или менее отдаленно и приблизительно его можно сравнить с решением трудной математической задачи или с великим открытием, или с тем, когда мы совершенно неожиданно находим выход из самого тяжелого положения: короче говоря, оно походит на то состояние, когда вы восклицаете: «Эврика, эврика!». Но это относится только к умственному аспекту «сатори», которое в связи с этим неизбежно страдает неполноценностью и не затрагивает самих основ жизни, которая представляет собой одно неделимое целое. Сатори в дзене должно быть связано с самой жизнью в целом, так как то, что предлагает дзен, есть революция, а также переоценка себя в плане духовного единства. Решение математической проблемы кончается с ее решением: оно не накладывает отпечатка на всю нашу жизнь. Так же обстоит дело

со всеми другими частными вопросами, практическими или научными, — они не затрагивают жизненной основы индивидуума. Но достижение «сатори» — это перестройка самой жизни. Когда оно действительно имеет место, следует сказать, что имеется множество подобий его — оно коренным образом изменяет моральную и духовную жизнь человека, обогащая и внося порядок в нее.

Когда одного учителя спросили, в чем состоит суть буддизма, он ответил: «У ведра отламывается дно».

...На языке религии такое духовное расширение всей жизни человека называется «обращением». Хотя этот термин носит слишком эмоциональный оттенок, и потому не может заменить термин «сатори», который прежде всего связан с разумом.

Как нам известно, в основном буддизм имеет дело скорее с разумом, чем с эмоциями, и его доктрина просветления резко отличается от христианского «пути спасения»; дзен, как одна из школ Махаяны, естественно, содержит немного того, что мы можем назвать трансцендентальным интеллектуализмом, который идет за пределы дуализма логического мышления. Образно выражаясь, «сатори» — это «распустившийся цветок ума», «устранение преграды» или «умственного сознания».

Все это означает очищение канала, который до этого по той или иной причине был засорен, что мешало свободной, беспрепятственной работе механизмов с максимальным использованием их внутренних ресурсов. С устранением преграды открываются новые перспективы, безграничные и бесконечные. В связи с тем, что жизнь таким образом становится свободной и в своих творческих проявлениях, чего нельзя сказать о времени, предшествующем пробуждению, она исполняется безграничной радостью, достижение которой является целью дзен-буддизма. Это часто приравнивают к «отсутствию интереса и скудности цели». Но согласно учителям дзена, доктрина «отсутствия достижения» касается только субъективного отношения ума, который идет за пределы органической мысли. Дзен не отрицает этических идеалов, а также не идет за их пределы: это просто внутреннее состояние сознания вне связи с его объективными законами причины и следствия.

...Цветок распускается сам, вследствие своей внутренней необходимости, точно так же внутреннее откровение должно явиться результатом собственной внутренней зрелости. Именно здесь дзен носит такой личный и су-

бъективный характер в том смысле, что он имеет дело с внутренней, творческой стороной.

...В действительности то, что вызывает сатори, находится в разуме. Вот почему, когда час пробыёт, всё, что там находилось, взрывается, как вулкан, или вспыхивает, как молния. Дзен называет это «возвращением домой».

Его последователи говорят: «Теперь ты нашёл себя: с самого начала от тебя ничего не было скрыто. Это ты сам был слеп в этом отношении. В дзене нечего объяснять, нечему учить в смысле увеличения познаний человека. Если вы черпаете знания изнутри, они действительно ценны: чужая голова всегда будет чужой головой».

...Я хочу закончить эту статью несколькими общими выводами относительно переживания, известного в буддизме как «сатори».

1. Люди часто думают, что практика дзена состоит в том, чтобы вызвать в себе состояние самовнушения при помощи медитации. Это совсем не так. Как видно из многочисленных упомянутых выше примеров, сатори не сводится к тому, чтобы вызвать определенное заранее известное состояние усиленным размышлением о нём.

2. Не достигнув сатори, никто не может постичь тайны дзена. Это внезапное откровение новой истины, о которой раньше человек не мог даже и мечтать. Это своего рода умственное крушение, которое неожиданно опрокидывает старые умственные нагромождения. ...Сатори приходит к нам неожиданно, когда вы чувствуете, что исчерпали все свои внутренние силы. На языке религии это — новое рождение, а в аспекте морали — это переоценка своего отношения к миру. Он предстает теперь в совершенно новом свете, в котором исчезает вся убогость двойственности, называемой в буддизме иллюзией (майей), которая порождена заблуждающимся разумом (тарка).

3. Сатори — это сущность дзена, и без него дзен — это не дзен. Поэтому все пути (упая), практические или аналитические, направлены к достижению сатори. Учителя дзена не могут терпеливо ждать, когда сатори придёт само собой, то есть тогда, когда ему вздумается, независимо от желания. Они самым серьёзным образом выискивают пути к тому, чтобы помочь людям сознательно постичь истину дзена. Их внешне загадочные формы демонстрации своего познания истины в основном рассчитаны на то, чтобы создать у своих учеников такое ум-

ственное состояние, которое могло бы привести к достижению просветления. Все демонстрации умственного характера и внушительные проповеди, к которым обычно прибегало большинство вождей религии и философии, не производили желаемого эффекта. Ученики всё дальше и дальше уходили от истины. Китайские умы пришли в замешательство особенно тогда, когда в Китае появился буддизм. Китайцы не знали, как постичь сущность этой доктрины.

Бодхихарма, Эно, Басо и другие учителя подметили это, и естественным результатом явилось провозглашение дзена. Сатори стали ставить выше чтения сутр и научных рассуждений, содержащихся в шастрах, и стали отождествлять его с дзеном. Поэтому дзен без сатори — всё равно, что перец без остроты. Но с другой стороны, мы не должны забывать, что существует такая крайность, как чрезмерное увлечение сатори, чего тоже следует всеми силами избегать.

4. То, что дзен считает сатори фактором первостепенной важности, подчёркивает, что дзен не является системой дхьяны в том виде, как её практикуют в Индии или других странах буддистские школы, отличающиеся от дзен-буддизма. Под дхьяной принято понимать своего рода медитацию или сознание, то есть концентрацию мысли, особенно в Махаяне буддизма, на идее пустоты (шуньята). Когда ум становится настолько тренированным, что создаёт состояние абсолютной пустоты, в которой от сознания не остаётся и следа, и даже чувство отсутствия сознания покидает человека — другими словами, когда все формы умственной деятельности сметаются с поля зрения, которое в таком состоянии походит на безоблачное небо, чистую, голубую бездну — тогда, как принято считать, человек достигает совершенства в дхьяне. Это можно назвать экстазом или трансом, но это не дзен. В дзене должно быть сатори; должен произойти общий умственный переворот, разрушающий старые аккумуляции интеллекта и закладывающий фундамент новой веры: должно иметь место пробуждение нового чувства, в свете которого старые вещи будут рассматриваться в совершенно новом, оздоравлившем ракурсе. В дхьяне все эти вещи отсутствуют, так как это всего лишь упражнения, успокаивающие ум. Оно, несомненно, имеет свои собственные положительные стороны, но дзен не следует отождествлять с такой дхьяной. Вот почему Будда разочаровался в своих двух учителях школы санкья, по тео-

рии которых такие медитации представляли различные стадии самоабстрагирования или уничтожения мысли.

5. Сатори — это не есть видение самого бога, как могут предположить некоторые христианские мистики. С самого начала дзен выдвинул свой основной тезис, который ставит своей задачей увидеть процесс творения, а не самого творца. Последний может быть занят формированием своей вселенной, но дзен может продолжать заниматься своими собственными делами даже тогда, когда Творец будет отсутствовать. Он не зависит от его поддержки. Когда дзен постигает смысл жизни, это его вполне удовлетворяет.

При наличии мистического бога мы должны постигать определенный объект, и когда имеется бог, то все, что не Бог, исключается. Это — самоограничение.

Доси хочет абсолютной свободы, он хочет освободиться даже от бога. Выражение «не иметь никакого пристанища» означает именно это. Изречение «Плюйте даже тогда, когда вы произносите слово «Будда», — выражает ту же идею.

Не нужно считать, что дзен хочет быть болезненно богохульным и безбожным, просто он знает, что все, что имеет название, несовершенно. В связи с этим, когда Якусана попросили прочесть лекцию, он не сказал ни слова и, покинув кафедру, удалился в свою комнату. Хякудзэ просто вышел немного вперед, постоял спокойно и поднял руки — чем продемонстрировал своё понимание великого принципа буддизма.

6. Сатори — это самое интимное и личное переживание, и потому не может быть выражено словами или описано каким-либо другим способом. Всё, что можно сделать для того, чтобы передать этот опыт другим, это направить или указать, да и только приблизительно. Тот, кто испытал его, достаточно легко понимает такие указания, но если мы будем пытаться достичь его по описанию, мы потерпим полную неудачу.

7. Сатори — не есть болезненное состояние разума, сферой компетенции которого является психопатология. Во всяком случае, это — совершенно нормальное состояние разума. Когда я говорю об умственном перевороте, некоторые могут принять дзен за нечто такое, чего обыкновенные люди должны сторониться. Это ошибочное представление о дзене, которое, к сожалению, очень часто появляется у критиков, страдающих предрассудками. По словам Нансена, это ваши «повседневные мысли».

Когда один монах спросил учителя, что такое «повседневные мысли», он ответил:

«Пить чай, есть рис,
Я провожу своё время естественно;
Любоваться потолком, любоваться горами,
Какое безмятежное спокойствие я чувствую».

Куда будет открываться дверь, внутрь или наружу, зависит от того, как вы укрепите петли. В мгновение ока всё меняется, и вы обладаете дзеном, и вы также совершенны и нормальны, как всегда. Более того, вы этим временем приобрели нечто в корне новое. Вся ваша умственная деятельность теперь носит другую окраску, более удовлетворяющую, более мирную, и, как никогда раньше, полную радости.

8. По общему мнению, мы живём в одном и том же мире, но кто может ручаться, что вещь, которую мы просто называем камнем, представляет собой одно и то же для всех нас?

...Вы и я пьём чай. Внешне одно и то же действие, один движется по замкнутому кругу логического мышления, а другой находится за пределами этого круга.

...То, что он пьёт чай, в данный момент означает для него весь факт, весь мир. Дзен жив и потому свободен, в то время как «обычная» жизнь есть рабство; сатори — это первый шаг к свободе.

9. Сатори — это просветление (самбодхи). Поскольку буддизм является доктриной просветления, как нам это известно из его ранней, а также поздней литературы, и поскольку дзен считает сатори своей кульминацией, следует сказать, что сатори представляет собою сам дух буддистского учения. Когда он называет себя передачей сознания Будды (Фу Синь), не зависящего от логики канонических писаний, будь то Хинаяна или Махаяна, он нисколько не преувеличивает своей основной характерной особенностью, отличающей его от других школ буддизма, выросших в Японии и Китае. Как бы там ни было, нет никакого сомнения в том, что дзен является самым ценным и во многих отношениях самым удивительным духовным сокровищем, оставленным в наследство народу Востока.

Даже если его считают формой буддистского спекулятивного мистицизма, представленного на Западе в философии Плотина, Экхарта и их последователей, вся его литература, начиная с шестого патриарха Энэ, так хорошо сохранившаяся, должна бы стать предметом серьёз-

ного изучения учёными и искателями истины. Кроме того, вся обширная система дзена, обеспечивающая прогрессивное духовное пробуждение, также является удивительным сокровищем, которым обладают в настоящее время дзен-буддисты в Японии.

2. Главные отличительные черты сатори

1. Иррациональность. Этим словом я хочу выразить то, что сатори не является выводом, к которому приходит разум; сатори отрицает все определения рассудочного характера. Тот, кто его испытал, всегда затрудняется дать связанное и логическое объяснение.

2. Интуитивное прозрение. То, что в мистических переживаниях имеется элемент разума, было отмечено Джеймсом в его «Разнообразии религиозного опыта», это также распространяется и на переживание, называемое в дзене «сатори». Сатори имеет ещё и другое название — «кзисе» (чень-син), что означает «постичь сущность человеческой природы». Это, очевидно, доказывает, что в сатори имеется «видение» или «постижение». Нет особой надобности говорить о том, что это видение носит совершенно иной характер, совершенно отличный от того, что обычно принято называть знанием. Говорят, что Эка именно так и охарактеризовал своё сатори. Позже его опыт был подтверждён самим Бодхихармой. Эка говорит: «Что касается моего сатори, то это не полное уничтожение: это самое настоящее знание, только оно не может быть выражено словами». Интересно отметить, что знание, которое приносит с собой сатори, связано с чем-то всеобщим, и в то же время с личным аспектом существования.

3. Неоспоримость. Под этим я подразумеваю то, что знание, открывающееся в сатори, является высшим знанием, которое настолько неоспоримо, что никакие логические доводы не могут опровергнуть его. Оно носит непосредственный и личный характер, и полнота его неоспорима. Всё, что может сделать здесь логика, — это объяснить его и установить связь с другими видами знания, которым наполнены наши умы. Таким образом, сатори — это некая форма восприятия, внутреннее восприятие, имеющее место в глубоких тайниках нашего сознания.

4. Утверждение. То, что неоспоримо и совершенно, никогда не может быть негативным, так как отрицание

не имеет никакой ценности в нашей жизни. Хотя состояние сатори иногда бывает выражено негативными терминами, в основном, это утверждающее отношение ко всем существующим вещам: оно принимает их такими, как они есть, независимо от их моральной ценности. Буддисты называют его «кшанти» — «терпимостью», что означает принятие вещей в их высшем или трансцендентальном аспекте, где всякий дуализм отсутствует.

«Один древний мудрец сказал, что дао само по себе не требует для его постижения никакой особой тренировки, пусть только оно не станет жертвой профанации. А я бы вот что сказал: «Говорить о разуме или сокровенной природе — это профанация, говорить о непостижимом или мистическом — это профанация, практиковать медитацию или успокоение ума — профанация. Направляя своё внимание на это, думать об этом — профанация, а писать об этом пером по бумаге — ещё большая профанация. Что же мы тогда должны делать для того, чтобы как-то ориентироваться и идти по правильному пути? Драгоценный меч вадхры перед нами и предназначен для того, чтобы отрубить голову. Оставьте человеческие заботы о добре и зле. Все, как оно есть, представляет собой дзен и прямо здесь беритесь за дело. «Дзен — это мир, как он есть, — высшее утверждение».

5. Чувство потустороннего. Терминология может быть в разных религиях разной, однако в сатори всегда есть то, что можно назвать чувством потустороннего: в действительности, это переживание моё личное, но я чувствую, что корнями оно уходит куда-то ещё. Индивидуальная оболочка, которая так сильно ограничивает мою личность, разрывается в момент сатори. Это не обязательно означать того, что я воссоединяюсь с существом более высоким, чем я сам, или поглощаюсь им: это значит, что моя индивидуальность, которая раньше была ограничена строгими рамками существования, отдельного от других индивидуальных существований, начинает каким-то образом выходить из этих узких рамок и растворяться в чём-то неопишемом, в чём-то совершенно отличном от того, к чему я привык. Это состояние сопровождается чувством совершенного освобождения и полного покоя — человек чувствует, что он достиг наконец цели. «Возвращение домой и спокойный отдых» — это выражение обычно используется последователями дзена. История блудного сына в «Саддхарма-пундарике», «Баджра-самадхи», а также в «Новом Завете» указывает на то же

самое чувство, которое человек испытывает во время сатори.

Что касается психологии сатори, то все, что можно о ней сказать, сводится к чувству потустороннего: назвать это потусторонним, абсолютом, богом или высшей личностью — означает пойти дальше самого переживания и погрузиться в метафизику. Даже сказать «потустороннее» — это уже больше, чем следует. Когда учитель дзена говорит: «У меня нет абсолютно никакой крыши над головой и ни пяди земли под ногами» — то он, кажется, выражается довольно удачно.

6. Безличный характер. Вероятно, самым замечательным аспектом этого переживания в дзене является то, что в нём совершенно отсутствует личный оттенок в противоположность мистическим переживаниям христиан.

Тибэн, великий государственный деятель династии Сун, был учеником Хосэна на Тянь-Лань. Однажды по окончании своих служебных обязанностей он случайно задержался в своем учреждении и сидел, отдыхая, как вдруг совершенно неожиданно его оглушил удар грома и он достиг состояния сатори.

Не думая ни о чём, я спокойно сидел за столом
в своей рабочей комнате,
Мой порывистый разум становился невозмутимым,
спокойным, как вода;
Внезапный удар молнии — и двери разума распахнулись.
И, о чудо! — там сидит старик во всём
своём домашнем уюте.

7. Чувство экзальтации. То, что это чувство неизбежно сопровождает сатори, вызвано тем обстоятельством, что оно представляет собой устранение ограничений индивидуального существования и такое устранение — не простое отрицательное явление, но весьма положительное, имеющее огромную важность, так как оно означает безграничное расширение индивидуальности.

...Поэтому освобождение от этого противопоставления приводит прежде всего к интенсивной экзальтации. Отверженный бродяга, с которым дурно обращались не только другие, но и он сам, обнаруживает, что он стал обладателем всего богатства и власти, которых только может достичь смертный в этом мире. Если не это, что ещё может вызвать у него чувство самовосхваления? Один учитель дзена говорит: «Когда вы достигаете сатори, вы будете в состоянии увидеть дворец из драгоценных камней на одной травинке, но если вы не испытали

сатори, то сам дворец будет скрыт от вас за простой травинкой». Чувство экзальтации в дзене — это скорее чувство тихой самоудовлетворенности, в нём вовсе отсутствует демонстративность: после первой вспышки оно становится спокойным.

8. Мгновенность. Сатори наступает внезапно и является непродолжительным переживанием. Фактически, если оно не внезапно и кратковременно, это и не сатори.

3. Факторы, определяющие опыт дзена

Я хочу выделить следующие основные факторы, относящиеся к внутреннему миру дзена: 1) наличие предвзвешенной умственной подготовки, способствующей созреванию нового сознания; 2) присутствие сильного желания превзойти самого себя, что означает стремление дзена превзойти все ограничения, наложенные на него как на индивидуальное существо; 3) на помощь борющейся душе, указывая ей путь, обычно приходит учитель; 4) в конечном итоге происходит переворот, который уходит корнями в неизвестную область, и который называется «сатори».

1. То, что содержание мироощущения в дзене носит в основном умственный характер, легко понять.

...По сравнению с христианскими выражениями, типа «божественная слава», «божественная любовь», «божественная невеста» и т. п., дзен должен быть, судя по всему, совершенно лишён человеческих эмоций. Наоборот, в нём присутствует нечто, что может быть названо холодной деятельностью или фактичностью. Таким образом, мы почти с полной уверенностью можем сказать, что в дзене отсутствует то, что соответствует пылким чувствам христиан к личному богу. Последователи дзена, кажется, не озабочены «прегрешениями», «покаянием», «прощением» и т. п. Их умственная конституция ближе к физическому типу, но их метафизика состоит не из абстракций, остроты логики и тщательного анализа, а из практической мудрости и конкретных «осязаемых» фактов.

2. Этот упорный поиск является движущей силой дзена. «Просите и даётся вам, ищите и обрящете, стучите и отверзнется». Это — также практическое наставление, ведущее к дзёну.

Здесь вполне уместным будет сказать несколько слов о самовнушении, с которым часто путают дзен. В самовнушении нет никакой умственной предыстории, а также

никакого упорного поиска чего-либо, сопровождающегося острым чувством беспокойства.

3. Когда происходит раскрытие сознания в дзене, помощь учителя оказывается полезной, так как она вызывает конечный взрыв.

Что касается указания, то это вовсе не указание с точки зрения разума. Обаку нанёс Риндзаю «тридцать ударов», учитель из Лун-тани потушил свечу, а Эно сказал Ме-дзедзо, что ему следует увидеть свой первоначальный облик, который был у него ещё до рождения. С точки зрения логики, все эти указания не имеют смысла, они являются чем-то потусторонним, так как не дают нам никакого ключа, указывающего, с чего мы можем начать наши рассуждения. Но поскольку дзен не имеет ничего общего с рациональностью, то указание не обязательно должно быть указанием в обычном смысле. Пощёчина, удар по плечу, или какое-нибудь изречение, несомненно, исполнит роль указания, когда сознание практикующегося дзена достигнет определённой стадии зрелости.

Поэтому зрелость, с одной стороны, и указание, с другой стороны, должны быть своевременны. Если один не созреет, а другой не укажет, то желаемый результат может никогда не быть достигнут. Когда цыплёнок готов вылупиться из скорлупы, мать чувствует и проделывает клювом отверстие, и — о чудо! — на свет появляется другое поколение куриной семьи.

Мы можем, вероятно, сказать в этой связи, что это указание и руководство, наряду с предварительным более или менее философским снаряжением йога-дзен-буддиста, определяет содержание его опыта в дзене, и что, когда этот опыт достигает стадии полной зрелости, он неизбежно прорывается, принимая форму переживания, имеющего место в дзене. В этом случае можно сказать, что само переживание, если мы можем его получить в чистейшей и первоначальной форме, представляет собой нечто, совершенно лишённое какой-либо окраски, буддистской, христианской, даосистской или ведантистской. Таким образом, это переживание можно рассматривать всецело как психологический фактор, который не имеет ничего общего с философией, теологией или с каким-нибудь особым религиозным учением. Но могло ли это переживание иметь место просто как факт сознания при отсутствии философской предыстории, религиозного чувства или духовного беспокойства?

4. Если раскрытие сознания в дзене не кончается состоянием сатори, то можно сказать, что это раскрытие ещё не достигло кульминационной точки, так как когда это происходит, то ничего другого сознанию не остаётся, как прийти к конечной развязке, называемой сатори. Этот факт, как мы уже видели, был особо отмечен Дайэ как характеризующий опыт дзена, так как, по его словам, нет дзена без сатори.

То, что сатори, таким образом, стали признавать как опыт в дзене, в особенности во времена Дайэ, и даже раньше, и что Дайэ и его школа должны были так упорно отстаивать свою точку зрения в борьбе с некоторыми тенденциями, развивающимися среди последователей дзена и угрожавшими подорвать саму жизнь дзена, доказывает, что развитие упражнения коан было чем-то неизбежным в истории дзена — до такой степени неизбежным, что если бы оно не имело места, то сам дзен перестал бы существовать.

4. Психологические предпосылки и содержание опыта дзена

С начала существования дзена многие совершали ошибку, считая практику дзена простым каистизмом или своего рода техникой успокоения разума. Высшая форма практики дзена ограничивается тем, что человек сидит, скрестив ноги, тогда как внутренняя работа сводится к доведению сознания до зрелости. В опыте дзена имеется определённый элемент разума. Это обстоятельство определяет весь курс практики дзена.

То, что сатори или основное переживание в дзене не является продуктом размышления или простой пассивности, с которыми часто путают практику дзена даже сами его последователи, может стать ясно из высказываний или жестов, которые сопровождают это кульминационное событие.

...Сенти Кокуси, основатель монастыря Тофукидзи, советует «представить себе, что вы находитесь на дне старого глубокого колодца: тогда единственной вашей мыслью будет мысль о том, как оттуда выбраться, и вы с отчаянием будете выскидывать пути спасения: с утра и до вечера эта единственная мысль будет занимать всё ваше сознание». Когда ум человека так сильно сосредоточен на одной-единственной мысли, странным и удивительным образом происходит внезапное внутреннее про-

буждение. Все «поиски и раздумья» прекращаются и появляется чувство, что то, чего вы хотели, находится здесь, что вы и мир остались на том же самом месте, и что проблема теперь впервые и успешно решена. У китайцев есть поговорка: «Когда вы в тупике, имеется выход». Христиане же говорят: «Что для человека крайность, для бога — возможность».

5. Сатори

Сатори имеет место, когда вечность выливается во время или приходит в столкновение со временем: другими словами, что в конце концов то же самое, когда время появляется из вечности. Но поскольку дзен интересуется не столько умозрительностью, сколько так называемым «экзистенциальным мышлением», сатори, как утверждают, имеет место тогда, когда сознание достигает состояния «одной мысли». Санскритское слово «коана» означает как мысль, так и мгновение. Когда время сводится к абсолютной точке без протяженности, мы имеем «абсолютное настоящее» или «вечное теперь». С точки зрения экзистенциального мышления это «абсолютное настоящее» не является абстракцией или логическим «ничто»: наоборот, это есть живая, творческая реальность.

Сатори — постижение этого факта. Учёные-буддисты часто определяют «итэн» — одну мысль, как точку зрения, не имеющую ни прошедшего, ни будущего, другими словами «итэн» начинается там, где вечность выливается во время, когда происходит это мимолетное событие, его называют сатори.

Излишне говорить о том, что сатори — это не прекращение работы сознания, как некоторые иногда по ошибке считают. Эта ошибка объясняется тем, что «самадхи» считают предварительной стадией «сатори» и путают также «самадхи» с прекращением умственной деятельности — психологическое состояние абсолютной пустоты, что иначе называется смертью. Вечность также имеет аспект смерти, пока она остается в себе, то есть пока она остаётся абстракцией подобно другим обобщенным понятиям.

Для того, чтобы обрести жизнь, вечность должна снизить до времени, где она может исчерпать все свои возможности, тогда как время, предоставленное самому себе, не имеет сферы действия. Время должно слиться с вечностью, чтобы обрести своё значение. Время само по

себе не существует, точно так же, как вечность пассивна без времени. Понятие времени действительно только в рамках нашего относительного существования. Каждый момент жизни отмечает ступень вечности. Поэтому, чтобы постичь, сознание должно пробудиться в тот же самый момент, когда оно ставит ногу на ступень времени. Этот момент представляет собой то, что называют «абсолютным настоящим» или «вечным теперь». Эта абсолютная точка времени, где нет прошлого, ни будущего впереди. Сатори находится в этой точке. В ней потенциалы только собираются реализоваться. Сатори не появляется из смерти, оно имеет место в момент вышеупомянутой реализации. Фактически это и есть тот самый момент, что означает жизнь саму по себе.

...В статье, озаглавленной «Наше чувство Настоящего», которая была напечатана в апрельском номере журнала «Хибберт джернал» за 1964 год, её автор Этель М. Роуэлл упоминает о «неподвижности», которая обитает в настоящем, и которую мы можем испытать «прямо сейчас». Эта «неподвижность», это время, не имеющее времени, есть «мгновение, превращенное в вечность», то есть это может быть растянутый до бесконечности «один момент, единый и бесконечный». Такая характеристика чувства настоящего, которую даёт нам этот автор, очень интересна в связи с сатори, которому посвящена эта глава. Но автор в основном ограничивается только описанием самого чувства: «В конечном счёте чувство Настоящего является, может быть, отражением в нас присутствия Того, кто всегда присутствует, кто сам по себе есть вечность в чреве Настоящего, «неподвижная точка вращающегося мира». Научиться пребывать есть, может быть, первый шаг к «практике слияния с богом».

Учитель школы Винайя спросил однажды адепта дзена: «Как вы дисциплинируете себя в повседневной жизни?».

Адепт ответил: «Когда я голоден, я ем, когда устаю — ложусь спать».

«Но это делает вообще каждый. Тогда о каждом можно сказать, что он так же, как вы, занимается самодисциплиной?».

«Нет, это совсем другое».

«А почему не то же самое?»

«Когда они едят, они не смеют есть, их ум наполнен всякого рода планами. Поэтому я говорю, что это совсем другое».

...Чтобы совершенно удалить из сознания всякую привязанность к умозрительности, дзен предлагает различные практические методы, одним из которых, по мнению Дайдзю Экайя, ученика Васо, является следующий: «Если вы хотите постичь природу разума, который вообще не имеет убежища, вы можете это сделать в тот самый момент, когда сидите и должным образом медитируете, тогда вы можете увидеть, что разум совершенно лишён мыслей, что в нём нет идей, связанных с добром и злом. То, что было, то уже прошло, и если вы не будете следовать в прошлое, разум, связанный с ним, исчезнет сам собой вместе с его содержанием. Что касается того, что должно свершиться, то не заботьтесь о нём, не рисуйте его себе в своём воображении. Тогда разум, связанный с будущим, также исчезнет вместе со всем своим содержанием. То, что в данный момент предстаёт перед вашим разумом, уже здесь. Важно, чтобы вы вообще ни к чему не привязывались. Когда разум ни к чему не привязан, он не порождает мыслей любви или ненависти, и разум, связанный с настоящим, также исчезнет вместе со своим содержанием.

Когда ваш ум освобождается таким образом, от трёх категорий времени (прошедшего, будущего и настоящего), то можно сказать, что он — вне времени, то есть он в состоянии, лишённом аспекта времени.

Если разум возбудится, не обращайтесь внимания на это возбуждение, и разум, следящий за возбуждением, исчезнет сам собой.

Когда разум пребывает в себе, не цепляйтесь за это состояние, и разум, пребывающий в себе, сам собой исчезнет. Таким образом, когда мы получаем разум, не пребывающий нигде, то это будет убежище, которого нет.

Когда это состояние разума станет устойчивым, он будет просто обитать где-то, и в то же самое время у него не будет никакого определённого убежища. Когда он нигде не обитает, он не осознаёт никакого конкретного убежища, которое известно, как отсутствие убежища. Когда вы постигнете сущность состояния сознания, которое нигде не обитает (то есть, когда оно не направлено ни на какой определённый предмет или идею), то можно будет сказать, что вы достигли глубокого проникновения в сущность первозданного разума. Это также называется познанием самого себя. Разум, который нигде не имеет убежища, есть ничто иное как разум Будды».

В другом месте своей книги «Внезапное пробуждение» Дайдзю говорит, что «когда разум сливается с Этим Моментом, тогда то, что было, что будет, сразу открывается этому разуму. Тогда все сразу будды прошлого как бы встречаются со всеми буддами будущего: тогда, как говорят сутры, «десять тысяч событий происходит одновременно». Там, где все вещи познаются в одной мысли, находится царство духа, где достигается все знание».

Дзен выбрал совершенно другой путь, диаметрально противоположный логическому или философскому методу. Не то чтобы дзен был очень враждебно настроен по отношению к последнему (так как дзен также готов признать практическую пользу, которую можно извлечь из интеллекта и отвести ему то место, которое он заслуживает), просто дзен придерживается другого метода достижения высшей реальности, где дух покоится в самом себе, находясь в гармонии со всем миром. Он советует нам углубиться в наше внутреннее «я», в котором ещё не произошло никакого раздвоения.

Дзен придерживается противоположного курса и идёт, так сказать, назад, чтобы достичь самой недифференцированной целостности. Он ищет точку, в которой мир со своей двойственностью только начинает возникать. Это означает, что дзен хочет, чтобы мы увидели мир, в который ещё не вторгались острые клыки пространства и времени. Что это за переживания? Наш опыт обуславливается логикой, пространством и временем. При отсутствии этих условий вообще никакой опыт невозможен. Вы скажете, что говорить об опыте, лишённом этих условий, бессмысленно. Может быть, если мы будем считать время и пространство реальностью, а не продуктом умозрительности. Но даже тогда, когда эти основные условия отрицаются, дзен говорит об определенном роде опыта. Если предположить, что это возможно, то это бы означало, что свой опыт дзен черпает в безвременности абсолютного настоящего.

Не спрашивайте, возможно ли это, так как возможность такого опыта все время демонстрировалась дзеном. Мы должны помнить, что царство дзена там, где бессильно всякое рациональное мышление.

Неведение — это начало знания, и истина не может быть постигнута при помощи умножения знания, которое представляет собой нечто иное, как умноженное Неведение.

Исходя из этой точки зрения буддистов, христиане постоянно умножают неведение, думая, что они увеличивают запас знаний при помощи проницательной логики и утонченного анализа. Буддисты хотят, чтобы мы увидели свой первозданный лик, который мы имели ещё до рождения, слышали карканье вороны ещё до того, как она откроет клюв, увидели бога, который существовал ещё до того, как он сказал: «Да будет свет».

Сатори, или «постижение внутренней природы человека», часто путают с «ничто» или пустотой, что является чисто негативным состоянием. С первого взгляда это кажется, оправданным, так как мысля логически, разум, пробужденный до безвременности времени, не имеет содержания и не передает никакого ощущения действительного переживания. Что касается «постижения своей собственной природы», то если это означает состояние сознания, где нет ни постигающего субъекта, ни постигаемого объекта, оно не может быть ничем иным, как состоянием абсолютной пустоты, которая не имеет никакого значения для нашей жизни, полной горя, надежд и тревог.

Это всё привело к тому, что некоторые поверхностно мыслящие люди вообразили, что дзен — это постижение пустоты, что это погружение в созерцание, не приносящее никакой пользы в нашей повседневной практической жизни.

В буддизме принято различать две формы знания: первая — «праджия», а вторая — «виджняна». Праджия есть всезнание (сармаджия), или трансцендентальное знание, то есть недифференцированное знание. Виджняна — это наше относительное знание. В него включено как знание конкретных вещей, так и знание абстрактное и универсальное. Праджия лежит в основе всякой виджняны, но виджняна не осознает праджии, и всегда довольствуется только собой, считая, что этого достаточно, что нет никакой нужды в праджии. Но духовное удовлетворение мы черпаем не из виджняны, относительного знания. Сколько бы не накопили виджняны, мы в ней никогда не найдём мирного убежища.

...Сэтте, живший во времена династии Сун и собравший сто дзен-мондо для Хэкиган-Сю, написал к этому мондо стихотворение-комментарий, которое в точном переводе гласит:

«Совершенный путь нетруден,
Он в каждом слове и в каждой фразе.

Множественность одного,
Отсутствие двойственности в двух.

Когда на небе восходит солнце, луна заходит:
Перед оградой высокие горы и освежающие воды.
Когда сознание полностью исчезнет в вашем высушенном
чреве,

Где чувство радости?

Однако пение дракона не совсем умолкло в мёртвом
лесу.

Трудно, трудно,

Отбор и выбор не прозрачная пустота — пользуйтесь
Своими глазами, чтобы видеть».

...Стихотворение Еки:

«Разум — это орган мышления,
А объекты ему противопоставляются.
Оба походят на пятна на поверхности зеркала,
Когда грязь устраняется, свет начинает сиять.
Когда ум и объекты забыты, Высшая Природа
Раскрывает свои тайны».

...«Не будь привязан.

Абсолютно ни к чему.

Даже тогда, когда ты придёшь туда,

Где уже никакая привязанность невозможна.

Будь всё-таки не привязан, и еще раз не привязан».

«Будь не привязан, будь не привязан.

Будь совершенно не привязан.

И что тогда?

Сосна зелёная,

А снег белый».

6. Некоторые аспекты дзен-буддизма

Здесь я хочу сказать несколько слов о том, что может быть названо методологией дзена, известной как «мондо». Этот метод особенно продуктивен при выявлении истины дзена. Мондо буквально означает «вопрос и ответ». Учитель или ученик задаёт вопрос или делает замечание, которое принимается другой стороной. Мондо может после этого внезапно оборваться. В связи с тем, что оно не ставит своей целью диалектическое развитие смысла, содержащегося в вопросе или утверждении, такой внезапный конец — вполне естественное явление. Иногда мондо идёт немного дальше этого, но редко превышает четыре или пять вопросов-ответов. Что касается самой истины, то иногда достаточно бывает поднять палец или кашлянуть, чтобы продемонстрировать её. Но демонстрация всегда идет за пределы себя самой, указывая на нечто ещё, и мондо базируется на этом факте. Колесо истины никогда нельзя познать в его

сущности, пока оно «вращается», и с самого этого вращения начинается вопрос-ответ. Когда это первоначальное движение осознано, вся истина раскрывается, включая само «колесо». Но если она останется неосознанной у источника своего вращения, то любой диалог будет простым поверхностным обменом мышления. Поэтому дзен предпочитает мондо, а не диалог.

Ключ к пониманию мондо нужно, естественно, искать в сатори, посредством которого раскрывается истина «бедо соку сябну», но не при помощи метафизики или интеллекта, как может показаться, в связи с употреблением этих абстрактных терминов, а самым конкретным и практическим путём.

...Риндзай прочёл однажды следующую короткую проповедь: «Существует некий истинный человек без титула, что скрывается за розовой плотью вещей. Он всё время ходит и выходит через ваши органы чувства, те, кто не нашёл его в себе, смотрите, смотрите!».

Монах вышел и спросил: «Кто этот человек без титула?»

Риндзай поднялся со своего соломенного стула и, схватив монаха, сказал: «Говори, говори!».

Монах не знал, что сказать, и учитель отпустил его, сказав: «Какой чурбан этот истинный человек без титула».

После этого учитель пошёл к себе.

То же самое говорит Уммон: «У каждого есть свет изнутри. Но как только вы увидите его, наступает абсолютная темнота».

...Не каждый из нас может быть философом, в то время как учеником дзена может быть каждый, если он только будет работать усердно, руководствуясь своим внутренним стремлением найти истину.

Хиант, не имеющая значения и цели,— вот что характеризует весь курс практики дзена, всего лишь потому, что «совершенный путь», как говорят, вовсе не труден.

Но существует ещё одно обстоятельство, которое мы должны вспомнить, это то, что дзен является искусством познания сущности человека. Поскольку жизнь его не имеет никакой определенной цели и никакого определенного смысла, это искусство несовершенно: мы никогда не сможем исчерпать его глубины. Даже если мы придём к пониманию, мы можем вскоре обнаружить, что оно нуждается в развитии потому, что может прогрессировать без конца.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ДИСЦИПЛИНА И ПРАКТИКА ДЗЕНА

«Если вы пытаетесь достичь совершенства Будды любым сознательным методом, ваш Будда будет вечно уходить от вас».

Гиндзай

Зал для медитации и идеалы монашеской жизни

Зал для медитации является частью системы обучения, весьма характерной для секты дзен. Большинство монастырей имеют залы для медитации, и в этом жизнь монаха дзен-буддиста, как нигде в другом месте, походит на жизнь буддистского братства (самгха) в Индии.

Хякудзе выдвинул основной принцип, на котором должна строиться жизнь и духом которого должен быть пропитан зал для медитации: «Кто не работает, тот не ест». Когда, по мнению общины, он стал слишком стар, для того, чтобы работать в саду (его ежедневное занятие, кроме чтения лекций и обучения монахов дзену), ученики спрятали весь его садовый инвентарь, так как он и слушать не хотел их бесконечные увещания. Тогда он отказался принимать пищу, сказав, что «кто не работает, тот не ест».

Таким образом, работа считается во всех учреждениях, где практикуется медитация, существенным элементом жизни монаха.

То, что спасло дзен-буддизм от вырождения и превращения в квистизм, или простую умственную гимнастику (что в той или иной степени постигло другие школы буддизма), было несомненно обусловлено этим евангелием труда. Кроме своей психологической ценности, труд оказался эффективным средством сохранения здоровья и трезвости ума в дзен-буддизме на протяжении всей долгой истории его развития.

Хякудзе не хотел сказать своей идеей «кто не работает, тот не ест», что никакой человек не заслуживает своего хлеба, если он не добыл его в поте лица.

...Это делалось для того, чтобы уберечь монахов от умственной пассивности или от неуравновешенного развития ума, к которым очень часто приходит созерцательная жизнь монахов.

Экхарт говорит: «То, что человек получает в созерцании, он должен вернуть в любви». На языке дзена это прозвучало бы так: «Излей ее в работе», где под работой подразумевается активное и конкретное воплощение любви.

Все это выражает дух дзена в его практическом аспекте. Таким образом, мистики — это в большинстве своем практические люди, они далеки от мечтателей, чьи души настолько поглощены неземным или потусторонним миром, что они не заботятся о своей повседневной жизни. Следует внести поправку в общепринятое представление о мистиках как о мечтателях и фантазерах, поскольку это совершенно не соответствует действительности. Фактически, существует самая тесная и глубокая психологическая связь между практическими наклонностями ума и определенным родом мистицизма. Эта связь, однако, не носит умозрительного или метафизического характера. Если мистицизм верен, его истина должна быть практической и отражаться на всех наших поступках. Истина, конечно, не должна быть следствием простого логического вывода, который верен только в теории.

Не следует считать аскетизм жизненным идеалом дзена. Что касается его высшей цели, то она не связана с аскетизмом или с какой-либо иной этической системой. Если создается впечатление, что дзен проповедует доктрину самообуздания или отречения, то оно весьма поверхностно и обусловлено тем, что дзен как школа буддизма в той или иной степени наследует некоторые уродливые формы индусской дисциплины.

Однако главный смысл монашеской жизни — не изнурять себя, а максимально использовать то, что нам дано. Это согласуется также с общим духом буддизма. По правде говоря, интеллект, воображение и другие качества ума наряду с окружающими нас физическими объектами даны нам для усовершенствования и накопления высших сил, которыми мы обладаем как духовные сущности, а не для простого удовлетворения наших личных прихотей, желаний, которые обязательно приходят в конфликт с интересами и правами других людей и ограничивают их. Вот какие идеи открываются за простотой и бедностью монашеской жизни.

...Когда заходит речь о принципах дзена, можно удивиться, насколько глубока и утонченна их метафизика, если она вообще существует, насколько серьезны эти бледнолицые, изнуренные и отрешенные от мира мыслители. Но в повседневной жизни — это в конце концов обыкновенные смертные, занимающиеся физическим трудом, причем это жизнерадостные люди, не лишенные чувства юмора, помогающие друг другу и не считающие никакой работу ниже достоинства образованного человека. Идеалы Хякудзэ вечно живут в их сердцах.

...Лекция — торжественное событие. Ее монотонность, подчеркиваемая деревянным метрономом, называемым «мокуго» (деревянная рыба), соответственно психически настраивает аудиторию, подготавливая ее к предстоящему событию. После дхараны, которая читается три раза, монахи, как правило, хором читают какую-нибудь назидательную проповедь, составленную основателем монастыря.

В отличие от школьного образования, пребывание в дзене не связано с определенным сроком обучения. Для некоторых окончание обучения может не иметь места даже после двадцати лет пребывания в нем. Но обладая средними способностями и большим упорством, человек в состоянии постичь все тонкости учения дзен за десять лет.

Однако воплощать принципы дзена в каждое мгновение жизни — то есть всецело проникнуться его духом — это другой вопрос. Одной жизни поистине может быть недостаточно для этого.

...Идею страдания не следует понимать в том смысле, какой придают ей христиане, считая, что человек должен посвящать все свое свободное время молитве и умертвлению плоти с целью избавления от греха. У дзенбуддистского монаха нет никакого желания избавляться от греха, так как в этом избавлении еще присутствует идея «я» или «эго», а дзен свободен от эгоизма. Дзенбуддистский монах желает спасти мир от рабства неведения, а что касается его собственного греха, он предоставляет его самому себе, так как знает, что он чужд его природе. По этой причине он может стать человеком, о котором говорят, что он «плачет так, как если бы не плакал, и радуется так, как если бы не радовался; обладает, не присваивая, и живет в этом мире так, как будто он не от мира сего».

Иисус Христос говорит: «Когда ты творишь добро, пусть твоя левая рука не знает того, что делает правая, дабы добро твое осталось в тайне».

Это и есть «тайная добродетель» буддизма. Но, продолжая, Христос говорит, что «отец твой, незримо наблюдающий за тобою, вознаградит тебя».

Здесь мы видим существенные расхождения между буддизмом и христианством.

Цель практики дзена — достижение состояния, которое названо термином «не приобретение». Всякое знание — это приобретение и накопление, тогда как дзен предлагает отказаться от всякой собственности. Задача состоит в том, чтобы сделать человека бедным и скромным, полностью очистить его от внутренней грязи. Познание, наоборот, делает человека богатым и надменным потому, что оно синоним материального успеха. Чем учение человек, тем он богаче, а потому в «океане мудрости — океан горя, и тот, кто расширяет познание, увеличивает горе». В конце концов, это «суета или борьба с ветром». Дзен охотно соглашается с такой точкой зрения. Лао-цзы говорит: «Ученые каждый день обретают, а даосисты каждый день теряют».

Дзен с самого начала своей истории в Китае заявлял, что он передает дух Будды, а не «букву». Под этим следует понимать, что дзен, независимый от традиционной философии, ее терминологии и образа мышления, соткал себе собственную одежду из себя самого, подобно тутовому шелкопряду.

УМ ДЗЕН— УМ НАЧИНАЮЩЕГО

«Настоящая мудрость ищет мудрости».

Для ученика роси Судзуки эта книга станет как бы умом самого учителя Гекудзюна Со-он Дайосе, умом Догена-дзендзи, умом всей цепи (прерывающейся или непрерывной, исторической и мифической) учителей, патриархов, монахов и мирян, которая протянулась со времен Будды до наших дней; это будет ум самого Будды, ум практики дзен. А для большинства читателей книга явится примером того, как учит и ведет свои беседы мастер дзен. Она окажется наставлением о том, как практиковать дзен, какой должна быть практика дзен, в чем заключается отношение к делу и пониманию, которые дают возможность практиковать дзен. Любому читателю эта книга окажет поддержку в постижении собственной природы, собственного ума дзен.

«Ум дзен» — это одна из тех загадочных фраз, которыми пользуются мастера дзен, чтобы заставить вас обратить внимание на самого себя, выйти за пределы слов и задуматься над тем, что же это такое — ваш собственный ум и ваше существо. Такова цель всего учения дзен — заставить вас задуматься и найти ответ на свои вопросы в глубочайшем выражении собственной вашей природы.

Иероглиф на обложке читается «нейрай», по-японски это означает то же самое, что в санскрите «татхагата» — название Будды, смысл которого: «тот, кто следует пути, кто вернулся от сущности, кто сам есть сущность тот — бытие, пустота, полностью завершённое существо». Это и есть основной принцип, который делает возможным появление Будды, это ум дзен. Для каллиграфической надписи роси Судзуки вместо кисти взял расщепленный конец одного из крупных саблевидных листьев юкки, растущей на горах вокруг Горного Центра дзен. Сделав надпись, он сказал: «Это значит, что Татхагата являет собой тело всей земли».

Практика ума дзен — это и есть ум начинающего. Простота его первого вопроса — что такое «Я»? — необходима на протяжении всей практики дзен. Ум начинающего пуст, в нем нет еще привычек, свойственных уму опытного человека, он готов к тому, чтобы принять неч-

то, готов к сомнению и открыт для всех возможностей.

Это ум особого рода, способный видеть вещи такими, каковы они есть, который может шаг за шагом или мгновенно постигнуть первоначальную природу всего существующего. Мы находим это практическое проявление ума дзен во всей книге. Каждый ее раздел — иногда прямо, а иногда косвенно касается вопроса о том, как поддерживать такое отношение и во время медитации и во всей своей жизни. Это древний способ обучения, где используется самый простой язык и приводятся примеры из повседневной жизни. Такой способ означает, что ученик должен сам учить себя.

«Ум начинающего» — это было любимым выражением Догена — дзен-каллиграфическая надпись на фронтисписе, также выполненная роси Судзуки, читается «сесин», или «ум начинающего». Дзенский способ каллиграфии состоит в том, чтобы писать как можно быстрее и проще, как если бы вы были новичком и не старались писать искусно или красиво, а просто выписывали бы знаки с полным вниманием, как бы впервые узнавая то, что пишете, тогда в вашей почерке проявится вся ваша природа. Таков способ практики дзен в течение каждого мгновения.

Эта книга была задумана и начата Мэриэн Дарби, близкой ученицей роси Судзуки и организатором группы дзен в Лос-Альтосе. Два или три раза в неделю роси Судзуки принимал участие в совместных медитациях дзадзен этой группы, а по окончании периода каждой медитации он беседовал с участниками, поощряя их практику и помогая им разрешить их проблемы. Мэриэн записывала эти беседы на магнитофоне, вскоре она заметила, что по мере роста группы беседы приобрели повествовательность и определенное направление и что эти качества как раз подошли бы для книги, где будут выражены замечательный дух, учение роси Судзуки. Такая книга была весьма нужной. И вот из своего переложения бесед, проводившихся в течение нескольких лет, она составила книгу, вернее ее пробный первый вариант.

Затем Труды Диксон, другая близкая ученица роси Судзуки, имевшая большой опыт в изданиях печатного органа центра дзен «Колокол ветра», отредактировала рукопись и подготовила ее к печати. Издать книгу подобного рода — нелегкая задача, и объяснение причин этой трудности поможет читателю лучше понять саму книгу. Роси Судзуки избирает наиболее трудный, но за-

то убедительный способ изложения буддизма, пользуясь терминологией обыденной человеческой жизни, он пытается передать всю целостность учения в таких простых фразах, как, например, фраза: «Выпей чашку чаю». Издатель должен понимать подтекст всех подобных выражений, чтобы ради ясности или грамматической правильности не выбросить на лекции их подлинный смысл. Кроме того, не будучи знакомым с роси Судзуки и не имея опыта совместной работы с ним, легко устранить из текста — в силу тех же самых причин — его глубинное значение, в котором выражена личность роси, его энергия и воля. Нетрудно также упустить из виду более глубокий ум и самого читателя, который для познания себя нуждается в повторениях, в кажущейся запутанной логике, в поэзии. Те места, которые представляются непонятными или, наоборот, самоочевидными, зачастую приносят более ясное понимание, именно при очень внимательном чтении, когда мы удивляемся тому, как мог этот человек сказать такую речь.

Далее, подготовка книги к изданию осложнилась тем обстоятельством, что английский язык в своих основных предпосылках обладает глубокой двойственностью, и у него не было тех возможностей выработать особые способы для выражения строго определенных буддийских терминов, какие на протяжении столетия имелись в японском языке. Роси Судзуки пользуется словарями обеих культур вполне свободно, выражая свои мысли при помощи сочетания японского чувственно-атрибутивного образа мышления со свойственным Западу специфическим мышлением идеями, и его изложение приобретает для слушателя совершенный поэтический и философский смысл. Но в письменной передаче обязательно исчезнут паузы, ритм речи, ударения, которые придают его словам более глубокое содержание и скрепляют мысли. Поэтому Труды работала много месяцев и самостоятельно, и вместе с роси Судзуки, чтобы сохранить его подлинные выражения и их аромат, тем не менее, подготовить при этом текст на понятном английском языке.

Соответственно смысловому упору Труды разделила книгу на три части: правильная практика, правильное отношение, правильное понимание, что приблизительно соответствует функциям тела, чувств и ума. Она также подобрала заголовки для бесед и следующие за ними эпитафии, последние, обычно, брались из текстов самих лекций. Конечно, их подбор оказался в некоторой степени

случайным, но Труды поступила так для того, чтобы создать своеобразное напряжение между целыми разделами, заготовками, эпитафиями и самими беседами. Взаимоотношения между беседами и этими добавочными элементами помогают читателю в исследовании лекций.

Единственная беседа, которая дана не в первоначальной форме, — это беседа в Лос-Альтосе, составляющая эпилог, она представляет собой как бы конденсат двух бесед, проведенных с группой в то же время, когда центр дзен переезжал в свою новую штаб-квартиру в Сан-Франциско.

Вскоре, после завершения работы над книгой, Труды в возрасте тридцати лет умерла от рака. После нее осталось двое детей, Сани и Уилл и их отец Майк, художник. Ему принадлежит рисунок мухи на странице 65 настоящей книги, который по техническим причинам в переводе не приведен. Майк был учеником дзен в течение многих лет. Когда ему пришлось оказать помощь в издании книги, он сказал: «Я не умею рисовать в стиле дзен; я не могу рисовать, делать рисунки с какой-нибудь целью, кроме той, чтобы просто рисовать. И, конечно, я не терплю работы над рисунками дзафу (подушки для медитации), над лотосами и прочими эрзацами. Все же я могу понять эту идею». На рисунках Майка часто попадаетея вполне реалистическая муха. Роси Судзуки очень любит лягушку. Она сидит так тихо, что можно подумать, что она спит, однако, она достаточно насторожена, чтобы увидеть любое насекомое, которое окажется поблизости. Может быть, муха в книге ожидает свою лягушку.

Мы с Труды работали над книгой многими способами, и Труды просила меня довести дело до конца, написать введение и проследить за опубликованием текста. Взвесив достоинства нескольких издательств, я пришел к заключению, что издательство Джон Уэзерхилл Инкорпорешед, со своими агентами Меридитом Уэзером и Оди Вок способны отшлифовать текст, художественно оформить книгу и издать именно так, как нужно. Перед выходом в свет рукопись была прочтена профессором Когэном Мидзуко, возглавлявшим отдел исследований в области буддизма Камадзанского университета. Этот выдающийся исследователь индийского буддизма оказал нам великодушную помощь в транслитерации санскритских и японских буддийских терминов.

Роси Судзуки никогда не рассказывает о своем прошлом, но вот то небольшое, что мне удалось собрать по ку-

сочкам. Он был учеником Гоудзена Соон — Дайосе, в то время одного из руководящих мастеров Сото дзен. Конечно, у Судзуки имелись и другие учителя, в частности, один из них подчеркнул важность глубокого и основательного понимания сути. Отец роси Судзуки тоже был мастером дзен, и Судзуки еще мальчиком стал учеником Гекудзюна, собрата его отца по учению. Сравнительно молодым человеком, полагаю в возрасте около тридцати лет, Судзуки получил признание в качестве мастера дзен. Его деятельность в Японии охватывала несколько храмов и один монастырь, и под его руководством велась перестройка этих храмов. Во время второй мировой войны он возглавлял пацифистскую группу в Японии. Еще в молодости его привлекала возможность посетить Америку, но осуществление этой идеи пришлось надолго отложить, пока один приятель не попросил его приехать на год или два в Сан-Франциско и взять там на себя руководство буддийской конгрегацией Сото дзен.

Он приехал в Америку в 1958 году в возрасте пятидесяти трех лет. После этого он несколько раз откладывал свое возвращение на родину и, наконец, решил остаться в Америке. Остался он там потому, что обнаружил у американцев «ум начинающего» — лишь незначительную предубежденность по отношению к дзен, открытый подход и искреннее убеждение в том, что их способ исследования придает дзен жизнеспособность. Вскоре после того, как Судзуки приехал в Америку, к нему пришли несколько человек и спросили, нельзя ли им изучать дзен под его руководством. Он ответил, что ежедневно рано утром занимается дзадзеном, так что они при желании могут присоединиться к нему. С тех пор вокруг него собралась довольно большая группа учеников, которая теперь располагается в шести населенных пунктах Калифорнии. В настоящее время роси проводит большую часть своего времени в центре дзен в Сан-Франциско (Пейдж-стрит, 300), где имеет около шестидесяти учеников, еще большее их число регулярно занимается там дзадзеном. Судзуки живет также и в горном центре дзен в Тасса харе Спринге над Кармел Вали. Здесь находится первый в Америке монастырь дзен, в нем живет еще около шестидесяти учеников, практикующих дзадзеном в течение трехмесячных или более длительных периодов.

Труди ощущала, что понимание того, какие чувства испытывали ученики дзен к своему учителю, могло бы более всего прочего помочь читателю проникнуть в смысл

этих бесед. То, что учитель в действительности предлагает ученику, — это буквально живое свидетельство того, как в течение одной этой жизни можно осуществить все содержание бесед и кажущиеся невозможными задачи. Чем глубже вы идете в своей практике, тем глубже проникаете в ум своего учителя, пока, наконец, не поймете, что его ум и ваш ум — это ум Будды. И вы найдете, что медитация дзадзеном есть наиболее совершенное выражение вашей действительной природы. Следующие слова выражают похвалу Труди своему учителю, в них очень хорошо передается суть взаимоотношений между учителем дзен и его учениками.

«Роси — это личность, воплотившая в жизнь ту совершенную свободу, которая является потенциальной возможностью для всех живых существ. Он пребывает в свободе, во всей полноте своего бытия. Поток его сознания — не установившийся и однообразный стандарт нашего обычного эгоцентрического мышления, этот поток как бы возникает самопроизвольно из действительных обстоятельств данного момента. И, с точки зрения качества его жизни, результаты такого подхода необыкновенны — это жизнерадостность, энергия, открытость, простота, скромность, невозмутимость, радость, сверхъестественная пронизательность и неизмеримое страдание. Все это существенно наглядно показывает, что значит жить в реальности настоящего момента. Без каких бы то ни было слов или действий, один лишь импульс встречи с личностью подобного развития может оказаться достаточным, чтобы изменить весь образ жизни другого человека. Но в конце концов, дело совсем не в необыкновенных качествах учителя и не они озадачивают и интригуют ученика, углубляя его понимание. Главное — это крайняя обыденность учителя. Так как он остается просто самим собою, он становится зеркалом для своих учеников. Находясь в его обществе, мы ощущаем собственные силы и недостатки, без всякого выражения похвалы или порицания с его стороны. В его присутствии мы видим свое первоначальное лицо и то необычайное, что является нашим взором, есть всего лишь наша истинная природа. Когда мы научимся освобождать свою собственную природу, границы между учителем и учеником исчезнут в глубоком потоке бытия и радости, в раскрытии ума Будды».

РИЧАРД БЕЙКЕР.

КИОТО, 1970 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРАВИЛЬНАЯ ПРАКТИКА

«Практика дзадзен — непосредственное выражение нашей истинной природы. Строго говоря, для человека не существует иной практики, кроме этой; и нет иного образа жизни, кроме этого».

1. Поза

«Эти формы — совсем не средство достижения правильного состояния ума. Принять такую позу само по себе означает иметь правильное состояние ума. Нет необходимости стараться достичь какого-то особого состояния».

Сейчас мне хотелось бы поговорить о нашей позе для дзадзен. Когда вы сидите в позе лотоса, левая ступня лежит на правом бедре, а правая — на левом. И вот, когда мы скрещиваем таким образом ноги, они становятся как бы одной ногой, хотя у нас остается и левая и правая нога. Это положение выражает единство двойственности, не два и не один. Здесь заключено важнейшее учение, не два и не один. Наше тело и ум — это не два и не один. Если вы думаете, что ваше тело составляет двойственность, это неправильно, если же вы думаете, что они составляют единство, это тоже неверно. Наше тело и ум одновременно и одно, и два. Обычно мы думаем, что, если нечто не одно, то оно больше одного, если это не единственное число, значит у нас множество. Но в действительности опыт показывает, что наша жизнь — не только множественность, но также и единство. Каждый из нас в одно и то же время зависим и независим.

Через несколько лет мы умрем. Если мы просто подумаем, что это будет концом нашей жизни, такое понимание окажется ошибочным. Но, с другой стороны, если мы вообразим, что мы не умрем, это тоже неправильно. Мы умрем, и мы не умираем. Вот правильное понимание. Возможно, некоторые люди скажут, что умирает только тело, а наш ум или душа существуют вечно. Однако, и это не вполне правильно, потому что и тело, и ум имеют конец. И в то же время одинаково верно сказать, что они существуют вечно. И даже несмотря на то, что мы

называем их умом и телом, они в действительности суть две стороны одной монеты. Это и будет правильным пониманием. Так что, когда мы принимаем такую позу, она символизирует истину. Когда моя левая ступня находится на правой стороне тела, а правая — на левой, я не знаю, какая из них правая, а какая — левая. Также и любую из сторон тела можно считать правой или левой.

Самое важное в позе дзадзен — это держать позвоночник выпрямленным. Наши уши и плечи должны находиться в одной плоскости. Расслабьте плечи и поднимите темя к потолку, необходимо также втянуть подбородок. Когда подбородок свешивается вперед, в вашей позе нет силы, вы, вероятно, дремлете. Кроме того, для придания своей позе силы, отожмите диафрагму к «хара», нижней части живота. Это поможет вам поддерживать физическое и духовное равновесие. Когда вы попытаетесь удерживать эту позу, вам сначала может показаться немного трудным сохранять естественный ритм дыхания, но после того, как вы к ней привыкнете, вы будете в состоянии дышать естественно и глубоко.

Ваши руки должны образовать так называемую «космическую мудру» — если вы положите левую руку на правую, чтобы средние суставы пальцев касались друг друга, и слегка соедините при этом большие пальцы, как бы держа между ними листок бумаги, ваши пальцы составят красивый овал. Вы должны с большой тщательностью удерживать эту универсальную мудру, как будто у вас в руках находится что-то весьма драгоценное. Руки следует поместить перед туловищем, расположив большие пальцы приблизительно на высоте пупка. Держите руки свободно и легко на небольшом расстоянии от тела, как если бы вы в каждой подмышке имели по яйцу и старались не разбить их.

Вам не следует наклоняться в стороны, вперед или назад, нужно сидеть прямо, как бы подпирая головой небеса. Это не просто особая форма положения тела, это не просто какой-то способ дыхания, здесь выражается главная мысль буддизма. Поза является выражением вашей природы Будды — совершенным ее выражением. Если хотите достичь правильного понимания буддизма, вам нужно практиковать именно эту позу. Эти формы — совсем не средство достижения правильного состояния ума. Понятие такой позы, само по себе, является целью нашей практики. Когда вы находитесь в этой позе, вы обладаете правильным состоянием ума, так что при ней нет

необходимости стараться достичь какого-то особого состояния. Когда вы пытаетесь чего-то достичь, ваш ум начинает странствовать по каким-то другим местам. Когда же вы стремитесь к достижениям, ваши собственные ум и тело находятся именно здесь. Мастер дзен сказал бы: «Убери Будду! Убейте Будду, если он существует где-то в другом месте. Убейте Будду, потому что вы должны восстановить свою собственную природу Будды».

Когда мы что-нибудь делаем, мы выражаем свою собственную природу. Мы и существуем только ради этого, ради самих себя. Это фундаментальный принцип, выразившийся в соблюдаемых нами формах. У нас есть и некоторые правила, подобные правилам для сидения, которые указывают, как нужно стоять в дзадзен, но цель этих правил состоит не в том, чтобы сделать всех одинаковыми, а в том, чтобы дать каждому из нас возможность выразить собственное «Я». Например, у всякого человека есть свой собственный способ стояния, так что поза, в которой мы стоим, основана на пропорциях нашего тела. Когда вы стоите, ваши пятки должны отстоять друг от друга на ширину кулака, большие пальцы ног следует поместить в одной плоскости с сосками. Как и при дзадзен, вложите некоторую силу в живот. И здесь также руки должны выражать вашу сущность. Прижмите левую руку к груди, охватив большой палец четырьмя другими, а правую руку положите поверх нее. Большой палец правой руки должен быть направлен вниз, а предплечье держаться параллельно полу; чувствуете, как будто бы охватили какую-то круглую колонну, скажем большую круглую колонну в храме, так что вы не можете согнуться в сторону или сгорбиться.

Самое важное заключается в том, чтобы владеть собственным физическим телом. Если ваша посадка тяжела, вы утратите свое «я», ваш ум станет где-то бродить, и в вашем теле не будет вас. Так не годится! Мы должны существовать вот здесь, именно сейчас. Это и есть главный пункт. Вам необходимо владеть своим телом и своим умом. Все должно существовать в нужном месте и правильным образом, тогда нет никаких проблем. Если вот этот микрофон, которым я пользуюсь при беседе, будет существовать где-то в другом месте, тогда он не станет служить своей цели. Когда наши тело и ум будут в порядке, все прочее окажется в нужном месте и будет существовать правильным образом.

Но обыкновенно мы, сами того не сознавая, стараем-

ся изменить что-то внешнее, но не самих себя. Мы пытаемся расположить внешние предметы в ином порядке. Однако, невозможно упорядочить обстановку, если вы сами не находитесь в порядке. Когда вы делаете нечто должным образом и в нужное время, все остальное находится само собой. Вы — как бы «хозяин». Когда руководитель предприятия спит, каждый работник тоже спит, а когда он делает что-нибудь правильно, каждый станет делать свое дело правильно и в нужное время. В этом заключается секрет буддизма.

Поэтому старайтесь всегда принимать правильную позу — не только тогда, когда вы практикуете дзадзен, но и во всех своих занятиях. Принимайте правильную позу тогда, когда вы ведете автомашину, когда читаете. Если вы читаете сгорбившись, вы не сможете долго оставаться внимательным. Вы увидите, как важно сохранять правильную позу. Это и есть подлинное учение. Записанные учения — своего рода пища для мозга. Конечно, для нашего мозга необходима некоторая пища, но более важно быть самим собою, благодаря практике правильного образа жизни.

Вот почему Будда не мог принять существовавшие в его время религии. Он изучил многие религии, но их практика его не удовлетворяла: он не смог найти ответа для себя ни в аскетизме, ни в философии. Его интересовало не какое-то метафизическое существование, а собственное ум и собственное тело здесь и сейчас. И, когда он нашел самого себя, он обнаружил, что все существующее обладает природой Будды. Это и было его просветлением. Ибо просветление — не какое-нибудь доброе чувство или какое-то особенное состояние ума. То состояние ума, которое имеет место, когда вы сидите в правильной позе, само по себе и есть просветление. Если вы не можете удовлетвориться тем состоянием ума, какое бывает у вас в дзадзен, это значит, что ваш ум все еще бродит по сторонам. Наше тело и наш ум не должны раскачиваться из стороны в сторону, не должны где-то странствовать. В этой позе нет необходимости говорить о правильном состоянии ума, у нас оно уже есть. Это и есть результат буддизма.

2. Дыхание

«То, что мы называем «я», есть просто вращающаяся дверь, которая движется, когда мы вдыхаем и выдыхаем».

Когда мы практикуем дзадзен, наш ум всегда следует за дыханием. Когда мы делаем вздох, воздух входит во внутренний мир, а при выдохе он выходит во внешний мир. Внутренний мир безграничен, и внешний мир также не имеет пределов. Мы говорим: «Внутренний мир» или «внешний мир», но в действительности существует лишь один целостный мир. И в этом безграничном мире наше горло подобно вращающейся двери. Воздух входит и выходит, как будто кто-то проходит в двери. Если вы думаете: «Я дышу», то «я» здесь лишнее. Нет вас того, что может говорить «я». То, что мы называем «я», есть просто вращающаяся дверь, которая, когда мы вдыхаем и выдыхаем, движется. Она просто движется, вот и все. Когда ваш ум достаточно чист и спокоен, чтобы следить за этим движением, ничего больше нет. Нет ни «я», ни мира, ни ума, ни тела, есть просто вращающаяся дверь.

Поэтому во время практики дзадзен существует только одно движение дыхания и мы осознаем это движение. Вы не должны быть рассеяны. Но осознавать движение не значит осознавать свое малое «я»: нет, здесь речь идет скорее о вашей всеобъемлющей природе, о природе Будды. Осознавание подобного рода весьма важно, потому что обыкновенно мы бываем столь односторонни. Наше обычное понимание жизни двойственно: это «ты» и «я», «это» и «то», «хорошее» и «плохое». Однако, на самом деле такие различия суть формы осознания всеобщего существования. «Вы» означает осознание вселенной в форме «вас», а «я» осознание вселенной в форме «меня». Но и «вы» и «я» — только вращающиеся двери. Понимание такого рода необходимо и его не следует даже называть пониманием. По-настоящему, это подлинное переживание жизни, полученное благодаря практике дзен.

И потому, когда вы практикуете дзадзен, не существует идеи времени или пространства. Вы можете сказать: «Мы начинаем сидеть в этой комнате без четверти шесть». Таким образом, у нас есть некоторая идея времени («без четверти шесть») и некоторая идея пространства («в этой комнате»). Однако, на самом деле,

все, что вы делаете — просто сидите и осознаете эту всеобщую деятельность. Но вот и все. В данное мгновение вращающаяся дверь открывается в одну сторону, а в следующий миг она будет открываться в противоположную сторону. Мгновение за мгновением каждый из нас повторяет эти действия, и здесь нет никакой идеи времени и пространства. Время и пространство едины. Вы можете сказать: «Сегодня днем мне необходимо сделать то-то и то-то». Но в действительности этого «сегодняшнего» дня не существует. Мы делаем одно дело за другим, вот и все. Такого времени, как «сегодня» или «час дня» нет. В час дня вы будете есть свой второй завтрак, и эта еда и есть час дня. Вы можете находиться в каком-то месте, но это место неотделимо от часа дня. Для того, кто по-настоящему понимает нашу жизнь, это одно и то же. А когда эта жизнь утомляет нас, мы можем сказать: «Не стоило приходить сюда, было бы гораздо лучше, если бы я пошел завтракать в какое-нибудь другое место, здесь не очень-то хорошо». В своем уме вы создаете идею места, отдельного от действительного времени.

Или вы, возможно, скажете: «Это плохо, и потому я не должен так поступать». В действительности же когда вы говорите «я не должен так поступать», вы в этот самый момент осуществляете неделание. Так что для вас нет никакого выбора. Когда вы отделяете идею времени и пространства, вы чувствуете, как будто бы у вас есть какой-то выбор, но на самом деле вам приходится или что то делать, или осуществлять неделание. Не делать чего-то, есть уже некоторое действие. Хорошее или дурное находится только в вашем уме. Поэтому нам не следует говорить: «это хорошо» или «это плохо». Вместо того, чтобы называть нечто плохим или хорошим, нужно сказать: «не делать!» Если же вы думаете, что вот это плохо, такая мысль создает для вас некоторую путаницу. И так в области чистой религии нет путаницы пространства и времени, хорошего или плохого. Все, что от нас требуется — это просто что-то делать по мере того, как возникают те или иные обстоятельства. **Что-то делать!** Что бы это ни было, нам нужно делать нечто даже, если бы это означало не сделать чего-то. Мы должны жить в данном моменте. И потому, когда мы сидим в дзадзен, мы сосредоточиваемся на своем дыхании, мы становимся вращающейся дверью и делаем то, что нам нужно делать. Это и есть практика дзен. В ней

нет путаницы. И, если вы установите для себя такой образ жизни, в вашей жизни не будет неразберихи.

Тодзак, знаменитый мастер дзен, сказал: «Голубая гора — мать белого облака, белое облако — дитя голубой горы». Целый день они находятся в зависимости один от другого и в то же время независимы друг от друга. Ибо белое облако — это всего белое облако, а голубая гора — всегда голубая гора. Таково и ясное объяснение жизни. Может существовать множество вещей: подобных белому облаку и голубой горе — мужчина и женщина, учитель и ученик. Они зависят друг от друга. Но белое облако не будет потревожено голубой горой. Голубая гора не должна быть потревожена белым облаком. Они совершенно независимы — и все же взаимно зависимы. Вот как мы живем, вот как мы практикуем дзен.

Когда мы становимся действительно самим собою, мы делаемся просто вращающейся дверью, мы совершенно независимы от всего, и в то же время зависимы от всего. Например, мы не можем дышать без воздуха. Мы находимся в центре целого мириада миров, мы всегда пребываем в центре мира каждое отдельное мгновение. Поэтому мы полностью независимы и целиком зависимы. Если вы обладаете абсолютной независимостью, вас ничто не беспокоит. Так что, когда вы будете практиковать дзадзен, ваш ум должен быть сосредоточен на дыхании. Деятельность подобного рода — это фундаментальная деятельность бытия, и без такого переживания, без такой практики невозможно достижение абсолютной свободы.

3. Контроль

«Пустить овцу или корову в обширный, просторный луг — вот как нужно смотреть за ней».

Жить в сфере природы Будды — значит ежесекундно умереть, как малое отдельное существо. Когда мы теряем свое равновесие, мы умираем, но вместе с тем мы также и развиваемся, мы живем. Все, что мы видим, развивается, теряя равновесие. Причина того, что видится таким прекрасным, заключается в том, что оно вышло из равновесия, однако, в его глубинной основе всегда царит совершенная гармония. Вот так и все пребывает в сфере природы Будды, утрачивая равновесие на основе совершенной устойчивости. Поэтому, если вы видите

вещи, постигая при этом глубинно основы природы Будды, вам покажется, что все существует в форме страдания. Если же вы понимаете глубинную основу существования, вы постигаете, что и само страдание — это способ нашей жизни, характер ее протекания. Поэтому иногда в дзен мы подчеркиваем неустойчивость жизни, ее беспорядочность.

В наши дни традиционная японская живопись стала в достаточной мере формальной и безжизненной. Вот почему получило развитие современное искусство. Древние живописцы писали свои картины, располагая в художественном беспорядке пятна на бумаге. Это довольно трудно. Даже, если вы стараетесь действовать таким образом, обычно сделанное вами, расположено в некотором порядке. Вы думаете, что можете контролировать свои действия, но это не так, расположить ваши пятна в беспорядке почти невозможно. То же самое происходит и с заботами в повседневной жизни. Хотя бы вы и старались поставить людей под некоторый контроль, это невозможно, вы не в состоянии этого добиться. Лучший способ смотреть за людьми — это побуждать их к непослушанию. И тогда они окажутся под контролем в более широком смысле этого слова. Пустить овцу или корову на обширный, просторный луг — вот как нужно смотреть за ней. То же самое и с людьми, сначала разрешите им делать то, что они хотят, затем наблюдайте за ними. В этом заключается наилучшая политика. Не обращать на них внимания — плохо, такая политика будет не наилучшей. Попытаться контролировать их — несколько лучше, однако, самая лучшая политика состоит в том, чтобы наблюдать за ними, всего лишь наблюдать, не пытаясь ими управлять.

Точно такой же способ действителен и по отношению к вам самим. Если вы желаете достичь в дзадзен совершенного спокойствия, вас не должны тревожить различные заразы, которые вы обнаружите внутри своего ума. Пусть они приходят и уходят, тогда они будут под контролем. Но эта политика не такая легкая, сказанное звучит просто, однако здесь требуется некоторое особое усилие: как совершать усилие этого рода — секрет практики. Предположим, вы сидите в дзадзен при каких-нибудь необычных обстоятельствах. Если вы попытаетесь успокоить свой ум, вы не сумеете усидеть, а если вы будете стараться избавиться от беспокойства, это усилие не будет правильным. Единственное усилие,

которое вам поможет — это считать дыхание, т. е. сосредоточиться на вдохе и выдохе. Мы говорим — сосредоточение ума на чем-нибудь не является подлинной целью дзен. Подлинная цель состоит в том, чтобы видеть вещи такими, каковы они есть, и позволить всему идти своим путем. Вот, что значит взять все под контроль в самом широком смысле слова. Практика дзен заключается в том, чтобы открыть наш малый ум. Поэтому сосредоточение — это всего лишь вспомогательное средство, чтобы помочь вам постичь «большой ум», тот ум, который охватывает собою все. Если вы хотите открыть истинное значение дзен в своей повседневной жизни, вам нужно понять, в чем заключается смысл удерживания ума на процессе дыхания, а тела — в правильной позе, когда вы практикуете дзадзен. Вы должны следовать правилам практики, и ваши занятия должны стать более тщательными и искусными. Только таким путем вы сможете ощущать жизненную свободу дзен.

Доген-дзэндзи сказал: «Время идет от настоящего к прошлому». Это абсурдно, однако в нашей практике его слова оказываются иногда верными. Время движется назад, от настоящего к прошлому, вместо того, чтобы идти вперед, от прошлого к настоящему. В средние века в Японии жил знаменитый воин Иосицунз. Вследствие сложившегося в то время в стране трудного положения, его направили в северные области, где он был убит. Прежде, чем пуститься в путь, он распрощался с женой, а вскоре после того, она написала стихи: «Как вы разматываете клубок нити, так и я хочу, чтобы прошлое стало настоящим». Говоря эти слова, она в действительности делала прошлое настоящим. В ее уме прошлое оживало и было настоящим, как сказал Доген: «Время шло от настоящего к прошлому». Для нашего логического ума это не так, но в действительности переживаний превращения прошлого в настоящее дело состоит именно так. В этом поэзия, в этом человеческая жизнь.

Когда мы переживаем истину подобного рода, это означает, что мы нашли подлинный смысл времени. Время постоянно идет от прошлого к настоящему и от настоящего в будущее. Это правильно, но правильно также и то, что время идет от будущего к настоящему и от настоящего к прошлому. Один мастер дзен как-то сказал: «Пройти милою на восток — пройти милою на запад». Здесь истинная свобода, мы должны приобрести совершенную свободу такого рода.

Но совершенную свободу не найти без некоторых правил. Люди, особенно молодые, думают, что свобода просто означает возможность делать то, что им захочется, что дзен не нуждается в правилах. Однако, иметь некоторые правила нам необходимо. Это не означает всегда пребывать под контролем. Когда вы имеете правила, у вас есть возможность свободы. Попытаться обрести свободу не означает никаких правил не иметь — это бессмысленно. И именно для того, чтобы обрести ее, эту совершенную свободу, мы практикуем дзадзен.

4. Волна ума

«Поскольку мы радуемся всем аспектам жизни, как раскрытие большого ума, мы не стремимся к какой-то чрезмерной радости. И потому мы обладаем невозмутимым спокойствием».

Когда мы практикуем дзадзен, не старайтесь остановить свое мышление. Пусть оно прекратится само собой. Если что-то войдет в ваш ум, пусть оно войдет. Да оно и не останется там надолго. Когда вы пытаетесь остановить свое мышление, это значит, что вы им обеспокоены. Не будьте же обеспокоены чем бы то ни было. Вам кажется, как будто нечто приходит в ваш ум извне, но на самом деле это только волны вашего ума, и, если вы не будете ими встревожены, они постепенно станут более и более спокойными. Через пять-десять минут ваш ум приобретет невозмутимость и спокойствие, и к тому времени дыхание совсем делается медленным, а пульс немного ускорится.

Потребуется очень много времени, пока вы найдете в своей практике свой спокойный, невозмутимый ум. Проходят разнообразные ощущения, возникает большое количество мыслей или образов; обыкновенно мы думаем, что наш ум воспринимает впечатления и переживания извне, но такое понимание ума неправильно. Правильное понимание состоит в уяснении того факта, что ваш ум включает в себя все, когда вы думаете, что нечто приходит извне, это означает лишь то, что в вашем уме появляется нечто. Что-либо внешнее по отношению к вам не в состоянии причинить вам какие бы то ни было затруднения. Вы сами создаете в своем уме волны. Если же вы ум оставите таким, каков он есть, он успокоится. Этот ум называют большим умом.

Если ваш ум связан с чем-то, находящимся вне вас, этот ум — малый ум, ограниченный ум. Если он ни с чем не связан, тогда в деятельности вашего ума нет двойственности понимания. Вы понимаете деятельность просто, как волны своего ума, и большой ум переживает все внутри самого себя. Понимаете ли вы различие между этими двумя умами — ум, который включает в себя все, и ум, который с чем-то связан. В действительности они представляют собой одно и то же, но их понимание различно, и ваше отношение к жизни также будет различным, в зависимости от того, каким пониманием вы обладаете.

Сущность ума состоит в том, что в него включено все. Ощутить это — значит обладать религиозным чувством. Даже, несмотря на возникновение воли, сущность вашего ума чиста: она вполне напоминает чистый водоем с немногими волнами. В действительности в воде всегда есть волны. Волны — практика воды. Говорить о волнах, отдельных от воды, или о воде без волн — заблуждение. Вода и волны одно и то же. Малый ум и большой ум — едины. Когда вы поймете, таким образом, свой ум, в ваших чувствах появится известная уверенность. Поскольку ваш ум ничего не ждет извне, он всегда полон. Ум, в котором содержатся волны — это не встревоженный ум, на самом деле это расширенный ум. И, что бы вы не переживали, это будет переживанием большого ума.

Деятельность большого ума заключается в том, чтобы расширяться благодаря разнообразным переживаниям. В одном понимании наши переживания, которые приходят одно за другим, всегда новы и свежи, но в другом понимании, они суть ничто иное, как непрерывное, повторяющееся развертывание большого ума. Например, если у вас на завтрак какое-то вкусное кушанье, вы скажете: «Это хорошо». «Хорошо» здесь употреблено как нечто пережитое когда-то раньше, хотя вы можете и не помнить, когда именно. Большим умом мы воспринимаем каждое из своих переживаний, как если бы, глядя в зеркало, мы узнали в нем собственное лицо. Для нас не существует опасности утратить этот ум. Невкуда приходиться, некуда уходить, нет страха смерти, нет страдания старости или болезни. И поскольку мы радуемся всем аспектам жизни, как раскрытие большого ума, мы не стремимся к какой-то чрезмерной радости. И потому мы обладаем невозмутимым спокойствием боль-

шого ума и с этим невозмутимым спокойствием большого ума мы практикуем дзадзен.

5. Сорняки ума

«Вам, пожалуй, следует быть благодарными за те сорняки, которые существуют в вашем уме, ибо они в конечном счете обогатят вашу практику».

Когда рано утром звонит будильник и вы встаете с постели, я думаю, вы чувствуете себя не слишком хорошо. Не легко идти и сидеть и даже после того, как вы пришли в дзадзен и начали дзадзен, вам приходится подбадривать себя, чтобы сидеть, как следует. Это — всего лишь волны ума. При чистой форме дзадзен, у вас в уме не должно быть никаких волн. Когда вы сидите, волны становятся все меньше и меньше и ваше усердие превращается в некоторое едва уловимое учувство.

Мы говорим: «Вырывая сорняки, мы даем питание растению». Мы выдергиваем сорные травы и закапываем их около растения, чтобы дать ему питание. Так что даже, если в нашей практике и существуют известные трудности, даже несмотря на то, что при сидении у вас в уме имеется некоторое количество волн, сами эти волны окажут вам помощь. Поэтому вы не должны беспокоиться по поводу своего ума. Вам, пожалуй, следует быть благодарным за те сорняки, которые существуют и в вашем уме, ибо они, в конечном счете, обогатят вашу практику. Если вы хоть немного почувствуете, как сорные травы вашего ума преобразуются в питание для него, ваша практика достигает прогресса. Вы ощутите этот прогресс. Вы ощутите, как волны ума превращаются в питание души. Конечно, дать вашей практике то или иное философское или психологическое толкование не так трудно, но этого недостаточно. Нам необходимо иметь подлинное ощущение того, как наши сорняки превращаются в питание.

Строго говоря, любое совершаемое нами усилие вредно для нашей практики, ибо оно создает в уме волны. Однако, добиться абсолютного спокойствия ума без каких бы то ни было усилий невозможно. Мы должны совершать некоторые усилия, но в этих усилиях мы должны забыть себя. В этой сфере нет ни субъекта, ни объекта. Наш ум просто спокоен, даже без всякого осознания спокойствия. В неосознанном состоянии исчезает любое

усилие, любая идея, любая мысль. Поэтому нам необходимо понуждать себя к совершению усилий до самого последнего момента, когда всякое усилие исчезнет. Вам следует удерживать ум на дыхании, пока вы не перестанете осознавать само это дыхание.

Вам нужно стараться постоянно продолжать усилия, но не следует ожидать, что мы достигаем какой-то стадии, когда совершенно о них забудем. Надо просто стараться удерживать ум на дыхании. В этом — наша действительная практика. По мере того, как вы сидите, усилие становится все более и более утонченным. Сначала совершаемое вами усилие совсем грубо и нечисто, но силой практики оно становится все чище и чище. И когда оно делается совсем чистым, чистым делаются ум и тело. Вот как мы практикуем дзен. Раз вы поняли нашу внутреннюю способность самоочищения и очищения своего окружения, вы можете действовать правильно, вы научитесь от окружающих, вы будете проявлять дружелюбие по отношению к другим людям. В этом — заслуга практики дзен. Но сам способ практики заключается в том, чтобы просто сосредоточиться на дыхании, соединив это с правильной позой и большим чистым усилием. Именно так мы практикуем дзадзен.

6. Глубочайшая сущность дзен

«В позе дзадзен ваши ум и тело обладают большой силой, чтобы принимать вещи такими, каковы они есть, — приятные или неприятные».

В нашем писании, Самьюктагема — сутра, т. 33, сказано, что существует четыре вида лошадей: превосходные, хорошие, слабые и плохие. Наилучшая из них, по желанию кучеров, побежит медленно или быстро, направо или налево прежде, чем увидит тень бича; хорошая побежит так же скоро, как и первая, как раз перед тем, как бич коснется ее шкуры, третья побежит, когда почувствует боль в теле; четвертая побежит после того, как боль проникнет до мозга ее костей. Можете себе представить, как трудно для четвертой лошади научиться бежать! Когда мы слышим эту историю, почти каждый из нас желает быть наилучшей лошастью, если это невозможно, мы хотим стать просто хорошей лошастью. Я полагаю, таково обычное понимание этой истории, обычное понимание дзен. Вы можете подумать, что, сидя за дзен,

вы узнаете, какой лошастью вы являетесь — лучшей или одной из худших.

Однако, именно тут заключается ошибочное понимание дзен. Если вы станете думать, что целью практики дзен является обучить вас, как сделаться лучшей лошастью, перед вами возникнет большая проблема. Такое понимание неверно. Если вы правильно практикуете дзен, неважно, какая вы лошадь — лучшая или худшая. Когда вы вспомните о милосердии Будды, как вам покажется, что почувствует Будда по отношению к четырем видам лошадей? Он почувствует полную симпатию к худшей лошади, а не к лучшей.

И, когда вы решите практиковать дзадзен с большим умом Будды, вы найдете, что худшая лошадь — наиболее ценная. В самих своих несовершенствах вы найдете основания для твердого, ищущего пути ума. Тем людям, кто в совершенстве владеет позой физического тела для дзадзен, обыкновенно требуется больше времени, чтобы достичь подлинного пути дзен, обрести настоящее чувство дзен, проникнуть в глубочайшую сущность дзен. Но те, кто найдет в практике дзен большие трудности, обнаружит в ней и больший смысл. Поэтому, я думаю, что лучшей лошастью иногда может оказаться наихудшая, а наихудшей может быть лучшая.

Если вы станете изучать каллиграфию, вы найдете, что наилучшими каллиграфами обыкновенно делаются не очень умные люди. Очень умные люди, достигнув известной стадии, нередко сталкиваются с большими затруднениями. Это справедливо и по отношению к искусству и по отношению к дзен. Это верно и по отношению к жизни. Поэтому, когда мы говорим о дзен, мы не можем сказать себе в обычном смысле слова: «он хорош» или «он плох в практике». Поза, которую мы принимаем в дзадзен, не одинакова для каждого из нас. Некоторые позы со скрещенными ногами могут многим вообще оказаться не под силу. Но хотя бы вы даже и не могли принять правильную позу, когда вы пробудили свой истинный, ищущий путь и ум, вы можете практиковать дзен в его настоящем смысле. На самом деле пробудить этот истинный, ищущий пути ум легче для тех, кто испытал трудности при сидении, чем для тех, кто может сидеть без затруднения.

Когда мы, поразмыслив над тем, что мы должны своей повседневной жизни, нам всегда бывает стыдно за самих себя. Один из моих учеников написал мне следую-

щие слова: «Вы прислали мне календарь, и я стараюсь следовать прекрасным приемам, которые встречаются там на каждой странице. Но год только успел начаться, а я уже потерпел неудачи». Доген-Дзензи сказал: «Сесяку дзюсяку». Сяку означает «ошибка», «неверный поступок». Сесяку дзюсяку — значит «совершать ошибку за ошибкой», т. е. смысл этого выражения — одна продолжающаяся ошибка. Согласно Догену, одна продолжающаяся ошибка тоже может быть путем дзен. Можно сказать, что жизнь мастера дзен представляет собой многие годы «сесяку дзюсяку» — это значит многие годы одного целеустремленного усилия.

Мы говорим: «Хороший отец — это плохой отец». Понимаете? Тот, кто считает себя хорошим отцом, не является таковым, тот, кто считает себя хорошим мужем, не бывает хорошим мужем. А тот, кто думает, что он — один из худших мужей, может быть хорошим мужем, если он старается быть хорошим от всего сердца. Если вы найдете невозможным сидеть из-за боли в ногах или какого-то физического неудобства, тогда вы должны сесть как угодно, пользуясь толстой подушкой или стулом. Даже, если вы представляете собой на худшую лошадь, вы доберетесь до глубочайшей сути дзен.

Предположим, ваши дети больны какой-то неизлечимой болезнью. Вы не знаете, что делать, вы можете заснуть. В нормальном состоянии самым подходящим местом для вас была бы теплая, удобная постель, однако, сейчас вы не способны заснуть из-за душевных мучений. Вы можете шагать взад и вперед по комнате, но это не поможет. На самом же деле наилучшим способом облегчить ваши страдания будет сидение в дзадзен, даже в таком смятенном состоянии ума и в плохой позе. Если вы не имеете опыта сиденья в трудных ситуациях подобного рода, вы не ученик дзен. Никакая другая деятельность не утешит вашего страдания. В случае, если вы воспользуетесь другим положением тела, которое не дает покоя, вы не будете иметь силы принять свои трудности, но в позе дзадзен, которой вы достигли, благодаря долгой и трудной практике, ваше тело и ум обладает большой силой, чтобы принимать вещи такими, каковы они есть, приятные или неприятные.

Когда у вас возникли затруднения или неприятности, вам лучше сидеть. Нет другого способа принять свою проблему и работать над ней. Вопрос не в том, лучшая

ли вы лошадь или худшая, хорошая ваша поза или плохая. Каждый человек может практиковать дзадзен — и таким образом работать над своими проблемами и принимать их.

Когда вы сидите в окружении собственных проблем, что для вас является более реальным: ваша проблема или вы сами. Осознание того, что вы находитесь здесь, вот сейчас, это основной факт. Это и есть то главное, что вы постигаете, благодаря практике дзадзен. В непрерывной практике среди чередующихся приятных обстоятельств вы осуществите глубочайшую сущность дзен и приобретете его подлинную силу.

7. Никакой двойственности

«Остановить свой ум — не означает прекратить его деятельность: смысл здесь в том, чтобы ваш ум наполнил собой все ваше тело. С полным сознанием вы складываете руками мудру».

Мы говорим, что в нашей практике не должно быть идеи приобретения, никаких ожиданий, даже ожиданий просветления. Однако, это не значит, что мы должны просто сидеть без всякой цели. Такая практика, свободная от идеи приобретения, основана на «Праджан-парамита сукра», но если вы не будете осторожны, сама эта сутра внушит вам идею приобретения. Она говорит: «Форма — это пустота, а пустота — это форма». Если вы привяжетесь к этому утверждению, вы можете попасть под влияние дуалистических идей, здесь вы форма и здесь пустота, которую вы стараетесь постичь. Так что выражение «форма — это пустота, а пустота — это форма» все еще дуалистично. Но, к счастью, наше учение идет дальше и говорит: «форма есть форма, и пустота есть пустота». И здесь уже нет никакой двойственности.

Когда вы находите, что нам во время сиденья трудно остановить ум, а вы все еще пытаетесь остановить его, это и будет стадией: «форма есть пустота, а пустота есть форма». Но пока ваша практика идет таким путем двойственности, вы все больше и больше будете ощущать единство со своей целью. И когда ваша практика станет свободной от усилий, вы сможете остановить свой ум. Это и будет стадией, где «форма есть форма и пустота есть пустота».

Остановить свой ум не означает прекратить его дея-

тельность: смысл здесь в том, чтобы ваш ум наполнил собой все ваше тело. Он следует за вашим дыханием. С полным сознанием вы складываете руками мудру. Вы сидите с целостным умом, и боль в ногах не отвлекает вас. Это значит сидеть без какой бы то ни было идеи приобретения. Сначала вы ощущаете в своей позе некоторую стесненность, но когда эта стесненность перерастет и перестанет вас беспокоить, вы нашли смысл выражения: «пустота есть пустота, а форма есть форма». Итак, найти собственный путь, испытывая некоторое стеснение,— это путь практический.

Практика не означает, что все то, что вы делаете, даже лежите, представляет собой дзадзен. Такое состояние, когда ваша стесненность не ограничивает вас,— вот что мы понимаем под практикой. Когда вы говорите: «Что бы я ни делал — это проявление природы Будды, поэтому не важно, что я делаю; мне нет нужды в практике дзадзен», — это уже является двойственным пониманием нашей повседневной жизни; если бы это в самом деле было не важно, тогда вам даже не требовалось бы говорить такие слова. Пока же вас не беспокоит то, что вы делаете, вы так не скажете, когда вы станете садиться, вы сядете, когда начнете есть — будете есть вот и все. Пока вы озабочены тем, что делаете, двойственность еще налицо. А, если вы говорите: «это не важно», значит вы как-то по-своему извиняетесь малым умом за то, что делаете. И это означает, что привязаны к какой-то частной вещи или к какому-то частному способу. Мы имеем в виду совсем не то, когда говорим «достаточно просто сидеть» или «что бы вы ни делали, это дзадзен». Конечно, все, что мы делаем, представляет собой дзадзен, но в таком случае нет необходимости вообще об этом говорить.

Когда вы сидите, вам нужно просто сидеть, не тревожась из-за боли в ногах или сонливости. Это и есть дзадзен. Но вначале очень трудно принимать вещи такими, каковы они есть. Ваши ощущения во время практики станут вам неприятны. И, когда вы сможете делать все хорошее и плохое, не отвлекаясь и не испытывая чувства досады, это будет на самом деле то, что мы подразумеваем, когда говорим «форма есть форма, а пустота есть пустота».

Когда вы заболите какой-нибудь болезнью, например, раком, и вам станет ясно, что вы не можете прожить более двух или трех лет, тогда в поисках какой-либо

опоры вы можете начать практику. Один человек, возможно, решит положиться на волю Бога, а другой решит начать практику дзадзен. Его практика будет сосредоточена на приобретении пустоты ума. Это означает, что он старается освободиться от страданий, вызванных двойственностью. Такая практика соответствует выражению: «форма есть пустота, а пустота есть форма». Усмотрев истину пустоты, он желает получить подлинное ее постижение в своей жизни. Если он станет практиковать, дзадзен таким образом, с верой и усилиями, это, конечно, принесет ему помощь, но такая практика не является совершенной.

Зная, что наша жизнь коротка, все же наслаждаться ею день за днем, мгновенье за мгновеньем — вот что такое жизнь по принципу: «Форма есть форма, и пустота есть пустота». Когда придет Будда, вы встретите его приветствием, когда придет демон, вы будете приветствовать его. Знаменитый китайский мастер дзен Уммон говорил: «Солнцеокий Будда и лунноликий Будда». Такова жизнь в истине: «Форма есть форма, и пустота есть пустота». Здесь нет никаких проблем: один год жизни хороши, хороши и сто лет жизни. Если вы будете продолжать нашу практику, вы достигнете этого уровня.

Сначала у вас станут возникать различные проблемы, и для того, чтобы продолжать практику, вам окажется необходимым совершать некоторые усилия. Для начинающего практика без усилий — это ненастоящая практика. Практика начинающего требует большого усилия. Молодым людям в особенности нужно очень упорно стараться, чтобы достичь чего-то. Вы должны тянуться руками и ногами так далеко, как это только возможно. «Форма есть форма». Вы должны оставаться верным своему пути, пока не придете к тому пункту, где увидите, что необходимо полностью забыть о себе. А до тех пор, пока вы придете туда, будет совершенно ошибочно полагать, что все то, что вы делаете, есть дзен, что неважно, практикуете вы дзадзен или нет. Но, если вы не по-настоящему приложите усилия к тому, чтобы просто продолжать практику всей душой без мысли о приобретении, то все, что вы будете делать, окажется истинной практикой. Итак, просто продолжать практику вот что должно быть вашей целью. Когда вы примитесь за какое-нибудь дело, только оно должно быть вашей целью: форма есть форма, а вы — это вы. И в вашей практике будет осуществлена подлинная пустота.

8. Поклоны

«Поклоны — это очень серьезная практика. Вы должны быть готовы к тому, чтобы отдать поклон даже в самое последнее мгновение. И даже несмотря на то, что избавиться от эгоистических желаний невозможно, мы должны это сделать: этого требует от нас наша истинная природа».

После дзадзен мы девять раз совершаем земной поклон. Этими поклонами мы отказываемся от своего «я». Отказываться от своего «я» — значит отказаться от своих дуалистических идей, так что между дзен и поклонами нет различия. Обычно поклониться — означает выразить свое уважение по отношению к чему-то более достойному уважения, чем вы сами. Но, когда вы склоняетесь перед Буддой, единым со всем существующим, вы найдете истинный смысл бытия. Когда вы забудете все свои дуалистические идеи, все окружающее станет вашим учителем, все сможет сделаться объектом поклонения.

Когда все существует внутри вашего большого ума, отпадают все двойственные взаимоотношения. Нет различия между небесами и землей, мужчиной и женщиной, учителем и учеником. Иногда мужчина отдает поклон женщине, иногда женщина склоняется перед мужчиной. Иногда ученик склоняется перед учителем, а учитель перед учеником. Мастер, который не в состоянии отдать поклон ученику, не сможет склониться и перед Буддой. Иногда мы не можем поклониться собаке или кошке.

В нашем большом уме все имеет одинаковую ценность. Ибо все — это сам Будда. Вы что-то видите, вы слышите какой-то звук и вот перед вами все, как оно есть. В своей практике вам следует принимать все таким, каково оно есть, относиться к каждой вещи с таким же уважением, какое вы оказываете Будде. Здесь и проявляется состояние Будды. Тогда Будда отдает поклон Будде и вы кланяетесь самому себе. Это — настоящий поклон.

Если в своей практике вы не обладаете твердой убедительностью большого ума, ваш поклон окажется двойственным. Когда вы — это только вы сами, вы склоняетесь перед самим собою в полном смысле слова и вы едины со всем окружающим. И лишь тогда, когда вы — это вы, для вас возможно склониться перед чем угодно,

в полном смысле слова. Поклоны — это очень серьезная практика.

Вы должны быть готовы к тому, чтобы отдать поклон в свое последнее мгновение, когда вы не будете в состоянии сделать ничего, кроме поклона, вы должны поклониться. Убеждение такого рода необходимо. Кланяйтесь с таким духом и вы обретете все заповеди и все поучения, вы получите все внутри своего большого ума.

Сен-но Рикью, основатель японской чайной церемонии, в 1591 году по приказу своего господина Хидойоси совершил хакари. Как раз перед тем, как лишить себя жизни, Рикью сказал: «Когда со мной этот меч, нет ни Будды, ни патриарха». Он имел в виду то обстоятельство, что когда мы обладаем мечом большого ума, мира двойственности не существует. Единственно, что тогда существует — это дух. Невозмутимый дух такого рода всегда присутствовал в чайной церемонии Рикью. Он никогда ничего не делал наполовину; он был готов умереть в любую минуту. И он умер, во время церемонии, после церемонии, обновившись. В этом дух чайной церемонии, и вот как мы кланяемся.

У моего учителя от поклонов образовалась на лбу мозоль. Он знал, что является упрямым и упорным человеком, потому он кланялся, кланялся, кланялся. Причина его поклонов заключалась в том, что внутренним слухом он постоянно слышал порицающий голос своего мастера. Он вступил в орден Сото тридцати лет, а для японского священника это довольно поздно. Ибо, когда мы молоды, мы не так упрямы и нам легче избавиться от своего эгоизма. Поэтому мастер всегда называл моего учителя: «Эй ты, поздно вступивший!» — и ругал его за то, что он вступил в орден так поздно. На самом же деле, мастер любил его за упрямый характер. Когда моему учителю было семьдесят лет, он сказал: «В молодости я был похож на тигра, а сейчас похож на кота». Ему было очень приятно, что он похож на кота.

Поклоны помогают устранить наши эгоистические идеи. Это не так легко. Избавиться от них трудно и поклоны — очень ценная практика. Дело здесь не в результатах, именно усилие улучшить себя. Этой практике нет конца.

Каждый поклон выражает один из четырех буддийских обетов. Вот они: «Хотя живые существа бесчисленны, мы даем обет спасти. Хотя наши дурные желания бесконечны, мы даем обет избавиться. Хотя безгранично

учение, мы даем обет усвоить его. Хотя состояние Будды недостижимо, мы даем обет достичь его». Если оно недостижимо, как мы можем достичь его? А мы должны! Этого требует наша природа, это есть буддизм.

Думать: «Мы сделаем это, потому что это возможно» — это не буддизм. Даже несмотря на то, что это невозможно, мы должны сделать то, что требует от нас наша истинная природа. Но в действительности дело не в том, возможно нечто или невозможно. Но в глубочайших недрах внутренней природы мы желаем избавиться от эгоцентрических идей, мы должны это сделать, и, когда мы совершаем такое усилие, наше внутреннее желание утихает и наступает нирвана. Прежде, чем вы решили сделать усилие, у вас имеются трудности, но, когда вы его начали, у вас их нет; усилие успокаивает ваше глубочайшее внутреннее желание. Нет иного способа достичь спокойствия. Спокойствие ума не означает, что вы должны прекратить свою деятельность. Истинное спокойствие следует найти в своей деятельности. Мы говорим: «Легко обладать спокойствием в бездействии, трудно быть спокойным в деятельности — это истинный покой».

После того, как вы занимались практикой в течение некоторого времени, вы поймете, что совершить быстрый прогресс невозможно. Даже несмотря на то, что вы будете стараться изо всех сил, достигаемый вами прогресс всегда приходит понемногу. Это не то, что вы, попав под дождь, чувствуете, что промокли. А в тумане вы этого не ощущаете, но, продолжая идти в тумане, постепенно намокните. Если в вашем уме существует идея прогресса, вы, может быть, скажете: «О, такой темп ужасен!» Но в действительности это не так. Когда вы двигаетесь в тумане, намокните, простудиться очень трудно. Поэтому нет нужды беспокоиться насчет прогресса. Это похоже на изучение иностранного языка, вы не можете научиться ему внезапно, но вы его осваиваете при помощи все новых и новых повторений. Таков способ практики Сото. Мы можем сказать, или что мы достигаем прогресса лишь понемногу, или что мы даже не рассчитываем на прогресс. Достаточно быть искренним и совершать максимальное усилие в каждый данный момент.

Нет нирваны вне нашей практики.

9. Ничего особенного

«Если вы будете ежедневно продолжать эту простую практику, вы приобретете некую чудесную силу. Пока вы ее не достигли, она кажется чем-то чудесным, но после того, как вы ее приобрели, в ней нет ничего особенного».

Я не склонен говорить после дзадзен. Я чувствую, что достаточно самой практики дзадзен. Если я должен что-то сказать, мне хотелось бы поговорить о том, как это чудесно — практиковать дзадзен. Наша цель состоит лишь в том, чтобы всегда придерживаться этой практики. Она появилась со времен, не имеющих начала, и она будет продолжаться в бесконечном будущем. Строго говоря, для человека не существует иной практики, кроме этой, и нет другого образа жизни, кроме этого. Практика дзадзен есть прямое выражение нашей истинной природы.

Конечно, все то, что мы делаем, является выражением нашей истинной природы, но понять это без практики трудно. Наша человеческая природа, как природа любого другого существа, состоит в том, чтобы пребывать в деятельности. Пока мы живы, мы всегда что-то делаем. Но пока вы думаете: «Я сделаю вот это» или «нужно сделать то-то», или «я должен достигнуть чего-то особенного», вы в сущности, ничего не делаете. Когда же вы отбрасываете все, когда вы ничего более не хотите и не пытаетесь сделать что-то особенное, тогда-то вы и делаете нечто. Вы совершаете что-то в том случае, если в ваших действиях нет идеи приобретения. То, что вы делаете в дзадзен; совершается не ради чего бы там ни было. Возможно, вы чувствуете, что делаете что-то особенное, но в действительности это просто выражение вашей истинной природы, это деятельность, которая успокаивает ваше глубочайшее внутреннее желание. Но пока вы полагаете, что практикуете дзадзен ради чего-то, это не будет подлинной практикой.

Если вы будете ежедневно продолжать эту простую практику, вы приобретете некую чудесную силу. Пока вы ее не достигли, она кажется чем-то чудесным, но после того, как вы ее приобрели, в ней нет ничего особенного. Это просто вы сами, ничего особенного. Как говорится в китайском стихотворении:

«Я уходил и я вернулся. Ничего особенного...

Вот Родзам и его прославленные туманные горы...

Вот и Секко с ее знаменитыми водами...

Люди думают, что это так чудесно — видеть знаменитую цепь гор,

Скрытых в тумане, и воду, которая, как говорят, покрывает всю землю.

Но, если вы отправитесь туда, вы увидите просто горки, воду — ничего особенного.

Это своеобразная тайна: для людей, не обладающих опытом просветления, последнее представляется чудесным. Но, если они достигают его, оказывается, что это ничто. И все же не ничто! Понимаете? Для матери с детьми то, что у нее есть дети, не представляется чем-то особенным, тем не менее, это нечто. Вы можете говорить «вселенная природа», «природа Будды», «просветление». Вы можете назвать это состояние различными именами, но для человека, обладающего им, это ничто — и нечто...

Когда мы выражаем его истинную природу, мы бываем людьми. Когда мы ее не выражаем, мы не знаем, кто мы такие. Мы не звери, ибо ходим на двух ногах, мы в чем-то отличаемся от них, но кто же мы? Возможно, мы какие-то духи, мы сами не знаем, как называть себя. Такое сознание в действительности не существует. Это — иллюзия. Мы более не люди, однако мы существуем. Когда дзен — не дзен, тогда не существует ничего. С точки зрения интеллекта, моя беседа не имеет смысла, но если вы пережили истинную практику, вы понимаете, что я хочу сказать. Если нечто существует, оно обладает своей собственной природой, своей природой Будды. В Парнирване-сутре Будда говорит: «Все обладает природой Будды». А Доген читает эти места по своему: «Все есть природа Будды». Здесь разница, если вы говорите: «Все обладает природой Будды», это означает, что природа Будды имеется в каждом существовании, стало быть, природа Будды в каждом существовании различна. Но, когда вы говорите: «Все есть природа Будды», это означает, что все и есть сама природа Будды. Когда нет природы Будды, вообще ничего нет. Нечто вне природы Будды есть просто заблуждение, иллюзия. Оно может существовать в нашем уме, но в действительности такие вещи не существуют.

Итак, быть человеком — значит быть Буддой. Природа Будды — это лишь другое название для человеческой природы — нашей истинной человеческой природы.

Таким образом, хотя бы мы даже ничего не делали, мы фактически делаем что-то. Вы выражаете себя, выражаете свою истинную природу. Ее выразят наши глаза, ее выразит наша манера держаться. Важнее всего выразить свою истинную природу самым простым, самым точным образом и усматривать ее в малейшем существовании.

И по мере того, как вы неделю за неделей, год за годом будете продолжать эту практику, ваше переживание станет все более и более глубоким и оно покроет собой все то, что вы делаете в повседневной жизни. Самое важное это забыть все идеи приобретения, идеи двойственности. Иными словами, просто практикуйте дзадзен в определенной позе. Не думайте ни о чем, только оставайтесь на своей подушке, ничего при этом не ожидая. Тогда в конце концов вы вновь обретете свою истинную природу, вернее, ваша истинная природа вновь обретет себя.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПРАВИЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ

«Главное, на что мы обращаем особое внимание, — это твердое доверие к нашей первоначальной природе».

1. Путь целеустремленности

«Даже, если бы солнце взошло на Западе, у будхисаттвы только один путь».

Цель моей беседы в том, чтобы дать вам какое-то интеллектуальное понимание, я просто хочу выразить свою высокую оценку нашей практики дзен. Иметь возможность сидеть вместе с вами в дзадзен — это весьма и весьма необычно. Разумеется, все, что мы делаем, необычно, потому что так необычна сама наша жизнь. Будда сказал: «Правильно оценить вашу человеческую жизнь — это такая же редкость, как земля на ногте». Вы знаете, грязь почти никогда не пристает к ногам. Наша челове-

ческая жизнь, это такое редкое чудо, когда я сижу, мне хочется вечно продолжать сидеть, но я заставляю себя заниматься и другой практикой, например, повторять сутры или кланяться. И кланясь, я думаю: «Это чудесно». Но мне опять необходимо менять практику, чтобы читать сутры. Итак, цель моей беседы — выразить мою высокую оценку, это и все. Наш путь не в том, чтобы сидеть и приобрести нечто, он в том, чтобы проявить нашу истинную природу. Такова вся наша практика.

Если вы желаете выразить себя, свою истинную природу, для этого должен существовать какой-то естественный и подходящий способ выражения. Даже, когда вы садитесь для дзадзен и встаете после него и качаетесь при этом вправо и влево, это есть выражение вашей природы — не подготовка к практике, не отдых после нее, а часть самой практики. Поэтому вы не должны относиться к этой части так, как если бы она была подготовкой к чему-то другому. То же самое справедливо и по отношению к вашей повседневной жизни. Как говорит Доген: «Работать на кухне или готовить какую-нибудь еду — это не подготовка, а практика». Ибо работать на кухне не значит просто готовить еду для себя или для кого-то другого, это значит выражать свою искренность. И поэтому, когда вы что-то готовите, вам необходимо выражать себя в своей работе на кухне. Вы должны обеспечить себя для работы на длительное время, вы должны работать, ничего не держа в уме, ничего не ожидая. Вам нужно просто готовить еду! И это тоже есть выражение нашей искренности, часть нашей практики. Таким же точно образом необходимо и сидеть в дзадзен, но для вас сиденье — не единственный путь. Все, что вы делаете, должно быть выражением той же самой глубинной деятельности. Мы должны ценить то, что делаем; наша работа — это не подготовка к чему-то иному.

Путь бодхисаттвы называется «путем целеустремленности» или «железнодорожным полотном, длиной в тысячи миль». Железнодорожное полотно всегда одно и то же. Если бы оно то суживалось, то расходилось, это вызвало бы бедствие. Куда бы вы ни направлялись, железное полотно всегда одно и то же. Такой путь бодхисаттвы. Так что даже если бы солнце взошло на западе, у бодхисаттвы только один путь. И его путь заключается в том, чтобы в каждое мгновение выразить свою природу и свою искренность.

Мы говорим о железнодорожном полотне, однако, в

действительности подобной вещи нет: сама искренность и есть такое полотно. Виды, открывающиеся нам из окна поезда, будут меняться, но мы все время едем по тем же самым рельсам, причем у дороги нет ни начала, ни конца. Здесь нет ни отправного пункта, ни пункта назначения; здесь нет ничего такого, чего мы должны достичь. Наш путь — только ехать по рельсам. Такова природа нашей практики дзен.

Но, когда вы начинаете проявлять любопытство по отношению к железнодорожному полотну, налицо опасность. Вы не должны его видеть. Если вы станете смотреть на него, у вас закружится голова. Просто наблюдайте виды, открывающиеся из окна. Таков наш путь. Пассажирам нет необходимости любопытствовать насчет полотна — об этом позаботится кто-то другой — об этом позаботится Будда. Однако, иногда мы пытаемся дать объяснение железнодорожному полотну потому, что нам интересно узнать, действительно ли нечто остается неизменным. Мы удивляемся: «Как возможно для бодхисаттвы всегда быть одинаковым? В чем его тайна?!» Но тут нет никакой тайны. Все обладает одной и той же природой, как железнодорожное полотно.

Некогда жили двое хороших друзей Текей и Хофуку. Они беседовали о пути бодхисаттвы, и Текей сказал: «Даже, если бы у архата были дурные желания, все же Татхагат не имеет слов двух родов. Я говорю, что Татхагата имеет слова и эти слова — не двойственны». Хофуку отвечал: «Мы уже достаточно обсудили этот вопрос, давайте выпьем чашку чая». Хофуку не дал другу ответа, потому что дать словесное истолкование нашего пути невозможно. Тем не менее, обсуждение вопроса о пути бодхисаттвы было частью практики двух добрых друзей, хотя они и не ожидали найти для него новое объяснение. Поэтому Хофуку и ответил: «Наш разговор окончен. Давайте выпьем чашку чаю!»

Очень хороший ответ, не правда ли? То же самое и насчет моей беседы — когда она окончилась, вы кончили слушать. Нет необходимости помнить то, что я говорю, нет необходимости понимать это. Вы понимаете, внутри вас есть полное понимание. Нет никакой проблемы.

2. Повторение

«Если вы утратите дух повторения, ваша практика станет очень трудной».

Индийская мысль и практика, с которой столкнулся Будда, были основаны на идее, что человек есть соединение духовных и физических элементов. Индийцы думали, что физическая сторона человека сковывает духовную его сторону, и потому их религиозная практика имела целью ослабления физического элемента, дабы освободить дух, и укрепить его. Таким образом, практика, которую нашел в Индии Будда, делала упор на аскетизм. Но, практикуя аскетизм, Будда нашел, что нет предела стараниям очистить себя физически, и это делает религиозную практику весьма идеалистичной. Такого рода война с телом может окончиться только нашей смертью, но согласно той же индийской мысли, мы вернемся на землю в другой жизни и еще к другой, чтобы еще и еще продолжать эту борьбу, никогда не достигая совершенного просветления. И даже, если вы решили, что сумели в достаточной степени ослабить свою физическую природу, чтобы освободить духовную силу, это будет действительным лишь до тех пор, пока вы продолжаете аскетическую практику. Если же вы возвратитесь к повседневной жизни, вам придется укреплять свое тело, но затем вам потребуются снова ослабить его, чтобы восстановить духовную силу. И далее этот процесс надо будет повторять еще и еще. Возможно, я слишком упрощаю индийскую практику, с которой встретился Будда, и нам можно посмеяться над таким изложением, но в действительности даже сейчас подобную практику продолжает множество людей. Иногда они не осознают того, что за фасадом их ума присутствует идея аскетизма, хотя и скрытно. А практика подобного рода не даст никакого прогресса.

Путь Будды был совершенно иным. Сначала он изучал современную ему индийскую практику, принятую там, где он жил, и сам занимался аскезой. Однако, его не интересовали элементы, из которых состоят человеческие существа, равно, как и метафизическая теория существования. Его более занимал вопрос о том, как он сам существует в данный момент. Именно в этом было все дело. Хлеб изготавливается из муки. Каким образом мука, попадая в печь, становится хлебом,— вот что было для

Будды самым важным. Его интересовало то, как мы делаемся просветленными. Просветленный человек — это некий совершенный характер, желательный для себя и для других. Будда хотел выяснить, как люди развивают в себе этот идеальный характер, как различные мудрецы прошлого стали мудрецами. Чтобы выяснить, каким образом дрожжи стали превосходным хлебом, он снова и снова продолжал выпекать хлеб, пока не добился полного успеха. Такой была его практика. А нам, возможно, покажется не столь интересным ежедневно готовить одну и ту же пищу. Вы можете счесть это утомительным. Если вы утратите дух повторения, ваша практика станет очень трудной. Однако, она не вызовет затруднений, если вы будете полны силы и жизненности. Как бы ни было, мы не можем оставаться в покое, нам нужно что-то делать. И потому, если вы что-нибудь делаете, вам нужно быть весьма наблюдательным, внимательным, бдительным. Наш путь состоит в том, чтобы поставить тесто в печь и тщательно за ним следить. И, когда вы узнаете, как тесто становится хлебом, вы поймете просветление. Итак, наш главный интерес заключается в том, чтобы узнать, как это физическое тело становится мудрецом. Мы не слишком озабочены тем, что такое мука, что такое тесто, что такое мудрец. И мудрец есть мудрец. Всякое метафизическое объяснение природы человека — это не то, что нам нужно.

Поэтому практика подобного рода, на которой мы настаиваем, не может таким образом стать чересчур идеалистичной. Если художник станет слишком идеалистичным, он покончит жизнь самоубийством, потому что между его идеалом и его физическими способностями существует большой разрыв. И поскольку не имеется достаточно длинного моста, чтобы перейти через такой промежуток, он впадет в отчаяние. Таков обычный духовный путь. Но наш духовный путь не настолько идеалистичен. Мы должны быть, в некотором смысле, идеалистами, по крайней мере, мы должны быть заинтересованы в том, чтобы выпечь вкусный хлеб, который приятно выглядит! Действительно практика — это многократное повторение, пока вы не узнаете, как самому стать хлебом. В нашем пути нет никакой тайны. Просто практиковать дзадзен, просто самим садиться в печь — вот наш путь.

3. Дзен и возбуждение

«Дзен — это не какой-то вид возбуждения, а сосредоточение на нашей обычной повседневной рутине».

Мой учитель умер, когда мне был тридцать один год. Хотя мне хотелось посвятить себя одной лишь практике дзен в монастыре Эйхэйдэт, мне пришлось заняться делами, заместив учителя в его храме. Я оказался очень занят и, будучи еще так молод, столкнулся со множеством затруднений. Эти затруднения поставили мне некоторый опыт, однако, он ничего не значил в сравнении с истинным, спокойным и невозмутимым образом жизни.

Нам необходимо только поддерживать постоянство пути. Дзен — это не какой-то вид возбуждения, а сосредоточение на нашей обычной повседневной рутине. Если вы становитесь чересчур занятым, чрезмерно возбужденным человеком, ваш ум делается грубым и неаккуратным, это нехорошо. По возможности старайтесь всегда быть спокойным и радостным, удерживайтесь от возбуждения. Обыкновенно мы возбуждены в нашем современном мире. Если мы вновь, после долгого перерыва посетим старые, знакомые места, нас удивляют происшедшие там перемены. Ничего не поделаешь! Но, если мы заинтересованы в каком-то особом возбуждении или в собственных изменениях, мы окажемся целиком поглощенными своей занятостью, мы потеряем себя. Если же ваш ум спокоен и устойчив, вы можете удержаться в стороне от шумного мира, хотя бы вы находились в самом его центре. Среди суеты и перемен ваш ум будет полон стойкости и покоя.

Дзен — это не причина для какого-то возбуждения. Некоторые люди начинают практику дзен просто из любопытства и этим только увеличивают свою занятость. Если ваша практика улучшает ваше положение, это просто смешно. Я думаю, что если вы попытаетесь заполнить дзадзен раз в неделю, то и это сделает вас достаточно занятым. Не проявляйте чрезмерный интерес к дзен. Когда молодые люди приходят в возбуждение по поводу дзен, они зачастую бросают учение и бросаются куда-то в горы или в лес, чтобы там заниматься дзадзен. Интерес такого рода — не подлинный интерес. Продолжайте только свою спокойную, обычную практику и ваш характер будет построен. Если же ваш ум всегда ока-

жется занят, вам не останется времени для того, чтобы строить, и вы потерпите неудачу, в особенности, если вы станете работать над характером слишком упорно. Построение характера подобно выпечке хлеба — вы должны замешивать тесто понемногу, приготавливать его постепенно, а для выпечки необходима умеренная температура. Вы достаточно хорошо знаете себя, вы знаете, какая температура вам необходима, вам в точности известно все это. Но если вы придете в чрезмерное возбуждение, вы забудете о том, какая температура вам требуется, и вы потеряете свой путь. Это очень опасно.

То же самое говорил Будда о хорошем погонщике воллов. Погонщик знает, сколько поклажи может везти вол, и следит за тем, чтобы не перегрузили вола. Вы знаете свой путь и состояние своего ума. Не тащите на себе слишком много! Будда говорил также, что построение характера подобно строительству плотины. Вы должны возводить насыпь с особой тщательностью. Если вы попробуете построить ее сразу, то через нее просочится вода. Устраивайте насыпь осторожно и в конце работы у вас получится прекрасная плотина для водохранилища. Наш способ практики, свободный от возбуждения, может показаться весьма отрицательным. Это не так. Это разумный и действенный способ работы над собой. Все очень просто. Но я нахожу, что людям, особенно молодым, весьма трудно понять данный пункт. С другой стороны, может показаться, что я говорю о постепенном достижении. И это не так. На самом деле это путь внезапного просветления, ибо, когда ваша практика спокойна и обычна, сама повседневная жизнь есть просветление.

4. Правильное усилие

«Если ваша практика идет хорошо, вы, возможно, станете этим гордиться. То, что вы делаете, хорошо, но сюда примешано еще что-то. Гордость здесь лишняя. Правильное усилие состоит в том, чтобы избавиться от чего-то лишнего».

Важнейшим пунктом в нашей практике является наличие правильного, совершенного усилия. Нам необходимо правильное усилие в правильном направлении. Если наше усилие направлено в ложном направлении, особенно, если вы не осознаете этого, такое усилие приведет к

заблуждению. Ваше усилие в практике должно быть направлено к достижению и отказу от достижения.

Обыкновенно, когда вы что-нибудь делаете, вы хотите чего-то достичь, вы привязаны к какому-то результату. А идти от достижения к отказу от достижения, означает избавиться от необязательных и дурных результатов усилия. Если вы делаете нечто в духе отказа от достижений, в этом действии есть хорошее качество. Потому достаточно просто что-то делать, без какого-либо усилия. Когда вы совершаете некое особое усилие, чтобы чего-то достичь, в него включен известный лишний элемент, лишнее качество. Вам следует избавиться от лишних вещей. Если ваша практика идет хорошо, вы бессознательно станете ею гордиться. Вот эта гордость лишняя. То, что вы делаете, хорошо, но сюда примешано еще что-то. Поэтому вам нужно избавиться от того, что является лишним. Этот пункт очень важен. Но чаще всего мы оказываемся недостаточно тонки, чтобы его усмотреть, и ищем в неверном направлении.

Так как все мы делаем одно и то же, совершаем одну и ту же ошибку, мы не понимаем ее, а без понимания мы совершаем множество других ошибок, создаем себе проблемы. Дурное усилие подобного рода называется «лохмотьями дхармы» или «лохмотьями практики». Вы вовлечены в какую-то идею практики или достижения и вы не в состоянии вырваться из нее.

Когда вы вовлечены в какую-то дуалистическую идею, это значит, что ваша практика не является чистой. Под чистой мы понимаем не очищение чего-то, не старание сделать какую-то грязную вещь чистой. Под чистотой мы понимаем просто вещи, каковы они есть. Когда к ним что-то прибавлено, это не чистота. Когда нечто становится двойственным, оно не чисто. Если вы думаете, что вы получите что-то от практики дзадзен, вы уже вовлечены в такую практику. Можно сказать, что существует практика и существует просветление, но вы не должны быть увлечены этим утверждением, не должны быть запяты им. Когда вы практикуете дзадзен, просто практикуйте дзадзен. Если приходит просветление, оно просто приходит. Мы не должны привязываться к достижению. Истинное качество дзадзен всегда налицо, даже если вы не осознаете его, так что забудьте обо всем, что вы, по-вашему, могли бы от него получить. Просто практикуйте дзадзен. Его качество проявится, так что вы будете им обладать.

Люди спрашивают, что значит практиковать дзадзен без идей приобретения, без стяжательства, какого рода усилие необходимо для подобной практики. Ответ таков: усилие удалить из вашей практики как нечто лишнее. Если придет какая-нибудь лишняя идея, вы должны стараться остановить ее! Вам нужно оставаться в чистой практике. Вот к какому пункту направлены ваши усилия.

Мы говорим о том, чтобы услышать звук хлопка одной ладони. Обычно звук хлопка производится двумя ладонями и мы думаем, что хлопок одной ладони совсем не производит звука. Но в действительности одна ладонь — это и есть звук. Звук существует, даже несмотря на то, что вы его не слышите. Если вы хлопнете двумя ладонями, вы сможете услышать звук. Но если бы он не существовал уже до вашего хлопка, вы не могли бы произвести его. Звук существует, прежде чем вы его вызвали. Вы можете произвести его и услышать, потому что он есть. Звук существует повсюду. Если вы просто практикуете дзадзен, в этом есть звук. Не старайтесь слушать его. Если вы к нему не прислушиваетесь, он слышится повсюду. А из-за того, что вы стараетесь его услышать, иногда он есть, а иногда его нет. Понимаете? Даже хотя бы вы ничего не делали, в вас есть свойство дзадзен. Но если вы стараетесь найти его, если вы пытаетесь увидеть это качество, его у вас нет.

Вы живете в этом мире в качестве отдельного индивида, но прежде, чем примете форму человеческого существа, вы уже всегда здесь. Понимаете? Вы думаете, что до того, как вы родились, вас здесь не было. Но, как же возможно, чтобы вы появились в этом мире, если вас нет? Вы можете появиться в мире, потому что вы уже находитесь в нем. И, кроме того, несуществующее не в состоянии исчезнуть. Нечто способно исчезнуть, потому что оно есть. Возможно, вы думаете, что исчезнете после смерти, более не будете существовать. Но хотя бы вы исчезли, нечто существующее не может быть несуществующим. Это магия. Мы сами не можем подействовать на этот мир какими-либо магическими чарами. Мир и есть своя собственная магия. Если мы смотрим на что-то, оно может исчезнуть из наших глаз, но, если мы не стараемся видеть, оно не в состоянии исчезнуть. Оно может скрыться, потому что мы следим за ним, а если нет того, кто следит, как может что-либо исчезнуть? Если кто-то наблюдает за вами, вы можете от него спрятаться, но

если наблюдающего нет, мы не сумеем ускользнуть от самого себя. И поэтому не старайтесь увидеть нечто необычное, не старайтесь совершить нечто особенное. Вы уже обладаете всем в вашем собственном высшем качестве. Если вы поймете этот конечный факт, тогда у вас не будет страха. Понятно, могут быть некоторые трудности, но страха нет. Если имеют затруднения, не понимая, что это трудности, такие затруднения будут настоящими. Эти люди могут казаться очень уверенными, они могут думать, что совершают большое усилие в правильном направлении, но все это они делают из страха, хотя сами этого не осознают. И для них что-то может исчезнуть. Если же ваше усилие устремлено в правильном направлении, но вы создаете это, вы не впадаете в заблуждение. Вам нечего терять. Есть только постоянное, чистое качество правильной практики.

5. Никаких следов

«Если вы что-то делаете, вы должны сжечь себя целиком, как хороший костер, который не оставляет за собой никаких следов».

Когда мы практикуем дзадзен, наш ум спокоен и совершенно прост. Обычно же он бывает весьма занятым и усложненным, и нам трудно сосредоточиться на том, что мы делаем. Это происходит потому, что мы думаем прежде, чем действовать, а мышление оставляет некоторый след. Наша деятельность омрачена какой-то заранее сложившейся идеей. Мышление не только оставляет некоторый след, некоторую тень, но также приносит нам множество других представлений о разных действиях и вещах. Эти следы и представления делают наш ум весьма усложненным. Когда мы заняты каким-то делом, но вполне простым и ясным, у нас нет представлений, нет теней, так что наша деятельность оказывается энергичной, направленной прямо к цели. Но когда мы делаем что-то с усложненным умом, сообразуясь с другими вещами, с людьми, с обществом, наша деятельность становится очень сложной.

Большинство людей в одном действии имеют двойные или тройные представления. Есть пословица: «Убить двух птиц одним камнем». Как раз это люди, обычно, и пытаются сделать. И поскольку они хотят убить слишком много птиц за раз, им бывает трудно сосредоточиться на одном действии, так что случается, что им в конце кон-

цов приходится оставаться с пустыми руками. Мышление подобного рода всегда отбрасывает тень на свое дело. В действительности эта тень — не само мышление. Разумеется, нам нередко бывает нужно поразмыслить перед действием, как-то подготовиться к нему. Но правильное мышление не оставляет никакой тени. А то мышление, которое оставляет тень, след, проистекает из нашего относительного ума, спутанного ума. Относительный ум — это такой ум, который ставит себя в особые отношения с другими вещами и этим себя ограничивает. Именно такой мелкий ум создает идеи приобретения и оставляет свои следы.

Если вы оставите на своей деятельности след своего мышления, вы окажетесь привязанными к этому следу... Например, вы можете сказать: «Вот, что я сделал!» Но в действительности это не так. Припоминая какой-то случай, вы, возможно, скажете: «Я сделал то-то и то-то таким-то образом», однако, на самом деле это никогда не соответствует тому, что произошло. Когда вы так мыслите, вы ограничиваете действительный опыт своего поступка. Поэтому, привязываясь к идее того, что вы якобы сделали, вы оказались вовлеченными в эгоистические мысли.

Часто мы думаем, что сделали нечто хорошее, однако, на самом деле это может быть не так. Когда мы достигаем старости, мы часто гордимся сделанным нами. Но когда другие люди слушают какого-то человека, гордо повествующего о том, что он сделал, им становится смешно, потому что они знают, насколько односторонни его воспоминания, знают, что рассказанное им совсем не то, что он действительно сделал. И далее, если такой человек гордится своими делами, эта гордость создает для него целую проблему, повторяя в таком духе свои воспоминания, он все более и более искажает свою личность, пока не превратится в неприятного упряма. Это пример следов собственного мышления. Нам не следует забывать того, что мы делаем, но при этом не должно быть излишних следов. Оставить след, это не то же самое, что запомнить. Необходимо помнить сделанное нами, но нам не следует привязываться к сделанному, в каком-либо смысле. То, что мы называем «привязанностью», и есть просто эти следы нашей мысли и деятельности.

Чтобы не оставлять никаких следов, когда вы что-то делаете, мы должны действовать всем телом и всей душой, мы должны сосредоточиться на деле. Вам необхо-

димо выполнять свое дело, как хороший мастер, целиком и до конца, не надо походить на дымящийся костер. Вы должны сжечь себя целиком. Если вы не сожжете себя до конца, в сделанном вами останется ваш след, останется нечто, до конца не сгоревшее. Деятельность дзен — это такая деятельность, где не остается ничего, кроме золы. Такова цель нашей практики. Вот что имел в виду Доген, когда сказал: «Зола не превратится снова в дрова». Зола — это зола, и она должна полностью остаться золой, а дрова должны быть дровами. И когда имеет место такая деятельность, один ее вид покрывает собою все.

Итак, наша практика — это не дело одного часа или двух часов, или одного дня, или одного года. Если мы практикуем дзадзен всем телом и всей душой, хотя бы в течение одного мгновения, это будет дзадзен. Поэтому мгновение за мгновением вы должны посвящать себя. Обыкновенно, встречая нечто столь не сложное, мы говорим: «А я это знал! Это так просто! Каждый это знает!» Но если мы сами не найдем его подлинную ценность, оно ничего не значит и подобное положение равносильно незнанию. Чем более вы будете понимать культуру, тем лучше вы поймете, насколько истинно это учение, насколько оно необходимо. Вместо того, чтобы только практиковать свою культуру, вам следует посвятить ум и тело практике такого пути. Тогда из вас вырастут и общество и культура. Возможно, для людей, которые слишком привязаны к своей культуре, быть критичными — в порядке вещей. Их критическое отношение означает, что они возвращаются к этой простой истине, оставленной Буддой. Но наш подход состоит всего лишь в том, чтобы сосредоточиться на простой основной практике, на простом и главном понимании в жизни. В нашей деятельности не должно быть никаких следов. Мы не должны привязываться к каким бы то ни было воображаемым идеям, каким бы то ни было прекрасным вещам. Мы не должны искать чего-то хорошего. Ибо истина всегда находится тут у вас под рукой.

6. Господь дающий

«Отдавать — значит не иметь привязанности. Иными словами, просто ни к чему не привязываться — это отдавать».

Любое существование, будь то существование в природе, в мире людей, какой-то созданный нами труд в области культуры, все это было нам дано, все это нам дается, если подойти к делу с точки зрения относительности. А поскольку с самого начала все является единым, все составляет единство, мы на самом деле все отдаем. Мгновенье за мгновением мы создаем нечто, и в этом заключается радость нашей жизни. Но то «я», которое творит и всегда что-то отдает, это не малое «я», а большое «Я». Хотя вы даже и не осознаете единства этого большого «Я» со всем миром, когда что-то отдаете, вы испытываете радость, потому что в это время ощущаете свое единство с тем, что отдаете. Вот почему отдавать приятнее, чем получать.

У нас есть выражение «дана праджня парамита». «Дана» значит давать, «праджня» — это мудрость, а «парамита» означает пересекать, достигать другого берега. В нашей жизни можно усматривать как бы переход через реку. Целью усилий нашей жизни является достижение другого берега, нирваны. «Праджня парамита», истинная мудрость жизни заключается в том, что с каждым шагом на пути фактически достигается другой берег. Путь истинной жизни в том и заключается, чтобы достигать этого другого берега с каждым шагом, переходя через реку. «Дана праджня парамита» — есть первый из шести путей истинной жизни. Второй — «шила праджня парамита», или заповеди буддизма. Затем существуют «кшанти праджня парамита», или выносливость; «вирья праджня парамита» — рвение и постоянное усилие; «дхьяна праджня парамита» — практика дзен и просто «праджня парамита» или мудрость. На самом деле эти шесть видов едины, но поскольку жизнь можно рассматривать с разных сторон, мы и насчитываем шесть разных видов праджни.

Доген-дзендзи сказал: «Отдавать — значит не иметь привязанности. Иными словами, отдавать это просто ни к чему не привязываться. Неважно, что именно отдано. Отдавать монету или кусочек листка — есть «дана праджня парамита», отдавать одну строку, даже одно слово

учения будет «дана праджня парамита». Поэтому Доген говорил: «Сделать что-то, принять в чем-то участие, разделить какую-то человеческую деятельность — все это также — «дана праджня парамита». Построить для людей паром или мост — «дана праджня парамита». В самом деле, дать кому-то одну сторону учения может оказаться подобным тому, как если бы его перевезли на пароме!

Согласно христианскому учению, всякое существование в природе есть нечто, созданное для нас Богом, данное нам Богом. Вот совершенное выражение идеи отдачи! Однако, если вы будете думать, что Бог создал человека, что вы в какой-то степени отделены от Бога, вы, вероятно, вообразите, что обладаете способностью создавать нечто самостоятельное, нечто такое, что не дано Им. Например, мы создаем самолеты, строим шоссе, дороги. И когда мы повторяем: «Я создаю, я творю, я сооружаю», мы скоро забываем, что в действительности представляет собой «Я», которое создает эти разнообразные вещи, скоро мы забываем о Боге. Тут-то и заключается опасность для человеческой культуры. На самом деле творить «большим «Я» значит отдавать, мы не можем создавать и владеть созданным, ибо все было создано Богом. Об этом пункте не следует забывать. Но в силу того, что мы забываем о том, кто производит творение, забываем о причине творения, мы привязываемся к материальным или денежным ценностям. А они не имеют никакого значения в сравнении с абсолютной ценностью любого творения Божьего. Даже хотя бы ничто не имело никакой материальной или относительной ценности ни для одного из малых «я», оно обладает абсолютной ценностью в самом себе. Не быть привязанным к чему-нибудь — значит сознавать его абсолютную ценность. И все то, что вы делаете, должно быть основано на таком осознании, а не материальных или эгоцентрических принципах ценности. Тогда все, что вы будете делать, явится истинной отдачей «дана праджня парамита».

Когда мы сидим в позе со скрещенными ногами, мы возобновляем свою фундаментальную творческую деятельность. Пожалуй, существует три вида творчества. Первый — это сознание себя по окончании дзадзен. Когда мы сидим, мы — ничто, мы даже не понимаем, что существуем, мы просто сидим. Но когда мы встали, мы здесь! Это первый шаг в процессе творчества. Когда вы находитесь здесь, здесь же пребывает и все остальное,

все оказывается созданным сразу, в одно мгновение. Когда мы появляемся из небытия, мы видим все в новом свежем творении. Это состояние непривязанности. Второй вид творчества — когда вы действуете, что-то делаете или приготавливаете, например, еду или чай. Третий вид творчества заключается в созидании чего-то внутри себя — сюда относятся образование, культура, искусство, какая-то общественная деятельность. Итак, вот три вида творчества. Но если вы забудете первый, самый важный из них, два других окажутся похожими на детей, потерявших родителей, и такое творчество не будет иметь смысла.

Обыкновенно каждый забывает о дзадзен, каждый забывает о Боге. Люди очень упорно трудятся, занимаясь творчеством второго и третьего вида, но Бог не помогает этой деятельности. И как возможно, чтобы Он помогал ей, когда Он Сам не осознал Себя? Вот почему у нас в этом мире так много проблем. Когда мы забываем основной принцип, основной источник нашего творчества, мы подобны детям, потерявшим родителей, не знаем что делать.

Если вы поймете принцип «дана праджня парамита», вы поймете и то, как мы создаем для себя такое множество проблем. Конечно, жить — это и значит создавать проблемы. Если бы мы не появились в этом мире, наши родители не испытывали бы с нами никаких трудностей! Мы создаем для них проблемы одним своим появлением! Все это так. Все существующее создает какие-то проблемы, но люди обычно думают, что когда они умрут, все будет кончено и все проблемы исчезнут. Однако и ваша смерть также может создать проблему. На самом деле, все наши проблемы должны быть разрешены или устранены в этой жизни. А если мы осознаем, что все сделанное или сотворенное нами есть в действительности дар «большого «Я», тогда мы не будем ни к чему привязаны, не станем создавать проблемы для себя и для других.

По мере того, как проходит день за днем, нам нужно забывать, что мы сделали, это и есть отсутствие привязанности. Мы сами должны делать что-то новое. Конечно, нам для этого необходимо знать свое прошлое. Но мы не должны продолжать хвататься за то, что мы сделали, нам нужно только призадуматься над этим. И у нас должна быть некоторая идея того, что мы должны сделать в будущем. Однако, будущее есть будущее, прошлое есть прошлое, а нам сейчас нужно работать над чем-

то новым. Таково наше отношение к делу и так именно нам следует жить в этом мире. Это и есть «дана праджня парамита» — создавая нечто для себя, отдавать его. Итак, снова и снова делать что-то значит возобновлять нашу истинную творческую деятельность. Вот почему мы сидим в дзадзен. Если мы не станем забывать этого пункта, все в этом мире пойдет прекрасно, а если мы его забудем, мир наполнится беспорядком.

7. Ошибки в практике

«Именно тогда, когда вашей практике в какой-то мере свойственно стяжательство, вы ощущаете разочарование в ней. Поэтому вам нужно быть благодарным за этот знак, это предупредительный сигнал, указывающий на слабый пункт в практике».

Есть несколько ошибочных способов практики, которые вам нужно понять. Обычно, практикуя дзадзен, вы делаетесь весьма идеалистичными, ставите перед собой какой-то идеал, какую-то цель, которую стараетесь достичь и осуществить. Но как я часто говорил, это абсурдно. Когда вы идеалистически настроены, внутри вас находится некоторая идея приобретения, а к тому времени, как вы достигнете своего идеала или своей цели, ваша приобретательская идея создаст новый идеал. И вот, пока ваша практика будет основываться на какой-то идее приобретения, пока будете практиковать дзадзен идеалистически, у вас на деле не останется времени для подлинного достижения своего идеала. Сверх того, вам придется жертвовать своим содержанием, своей практикой. Поскольку ваше достижение всегда будет находиться где-то впереди, вы постоянно будете жертвовать собой ради какого-то будущего идеала. И кончите вы ничем. Это нелепо, такая практика совершенно не соответствует действительности. Но есть даже нечто худшее, чем подобное идеалистическое отношение, это практика дзадзен в соревновании с кем-то другим. Практика такого рода будет жалкой и убогой.

Наш путь Сото делает упор на «сикан тадзя», на то, чтобы «просто сидеть». В действительности у нас нет какого-нибудь особого названия для практики, когда мы практикуем дзадзен, мы просто сидим, мы всего лишь делаем свое дело, независимо от того, находим мы в этом счастье или нет. Даже несмотря на то, что хочется спать,

невзирая на усталость от дзадзен, от повторения день за днем одного и того же, несмотря на все это, мы продолжаем практику. Мы просто сидим и нам все равно, одобряет кто-нибудь нашу практику или нет.

Даже в том случае, когда вы будете практиковать дзадзен в одиночестве, без учителя, вы, как мне думается, найдете какой-нибудь способ выяснить, насколько действительна ваша практика. Когда вас утомляет сидение или практика, вообще вызывает у вас неприятные ощущения, вам следует рассматривать это как предупредительный сигнал. Вы разочаровываетесь в своей практике, когда она оказывается идеалистической. В вашей практике есть идея приобретения, и она недостаточно чиста. Именно тогда, когда вашей практике в какой-то мере свойственно стяжательство, вы ощущаете разочарование в ней. Поэтому вам нужно быть благодарным за этот знак или предупредительный сигнал, указывающий на слабый пункт в практике. В такое время, забыв полностью о своей ошибке, заново вступив на путь, вы можете возобновить свою первоначальную практику. Это очень важный пункт. Итак, пока вы продолжаете свою практику, вы находитесь вне опасности, но поскольку продолжать ее очень трудно, вам необходимо найти какой-то способ одобрить себя. А так, как весьма нелегко одобрить себя и не впасть при этом в заблуждение, не исказить практику до некоего жалкого подобия, оказывается, что продолжать самостоятельно практику дзадзен в чистом виде довольно тяжело. Вот почему у нас есть учитель. С учителем вы исправите свою практику. Конечно, с ним у вас возникнут очень тяжелые минуты, но даже если это и так, вы всегда будете избавлены от ошибочной практики.

Большей частью дзен-буддистские священники переживали со своими мастерами тяжелые времена. Вы, возможно, думаете, что когда говорят о трудностях пути дзен, имеется в виду, что без тягот подобного рода для вас невозможна практика дзадзен. Но это неверно. Независимо от того, есть в вашей практике трудности или нет, пока вы ее продолжаете, вы обладаете чистой практикой в ее подлинном смысле. Вы обладаете ею даже тогда, когда этого не осознаете. Поэтому Доген-дзендзи сказал: «Не думайте, что вы обязательно осознаете собственное просветление. Сознаете вы это или нет, но внутри своей практики вы обладаете собственным подлинным просветлением».

Другой ошибкой будет практика ради той радости, которую вы в ней находите. На самом деле, когда ваша практика связана с чувством радости, это тоже не является слишком хорошей ее формой. Конечно, такая практика не будет плохой, но по сравнению с истинной практикой она не так уж хороша. В буддизме хинаяны практика классифицируется по четырем видам. Лучший способ — просто выполнять ее, не ощущая в ней никакой радости, даже духовной. Этот способ состоит в том, чтобы просто сидеть, забыв во время практики о своих физических и духовных чувствах, вообще совершенно забыв о себе. Это четвертая, наивысшая стадия. Ниже ее — иметь в практике только физическую радость. На этой стадии вы испытываете в своей практике лишь некоторое удовольствие и будете заниматься ею ради этого удовольствия. На следующей ниже ступени вы испытываете духовную и физическую радость, приятное ощущение. Эти две средние стадии представляют собой такие уровни практики, когда вы практикуете дзадзен, потому что хорошо себя при этом чувствуете. И на первой, низшей стадии в вашей практике нет ни мышления, ни любопытства. Эти четыре стадии применимы равно и к нашей практике махаяны, также и здесь наивысшая из них заключается в том, чтобы просто практиковать дзен.

Если вы обнаруживаете в своей практике некоторые затруднения, это предупреждение о том, что у вас имеется какая-то ошибочная идея, так что вам следует быть осторожным. Но не прекращайте практики, продолжайте ее, осознавая свою слабость. Здесь нет идеи приобретения, нет фиксированной идеи достижения. Вы не говорите: «Это просветление» или «это неверная практика». Даже в неверной практике, когда вы поняли ее неверность и продолжаете работу, даже в ней есть правильная практика. Наша практика не может быть совершенной, и нам следует продолжать ее, не будучи обескураженным этим обстоятельством... В этом и заключается ее секрет. И если вы хотите найти некоторое одобрение или ободрение в своем разочаровании, знайте, что утомление от практики само по себе действует ободряюще. Вы ободряете себя, когда вы утомлены. А когда вы не нуждаетесь в ободрении, это будет сигналом опасности. Утомление подобно зубной боли при испорченных зубах. Ощувив боль, вы идете к врачу. Таков наш путь.

Причина конфликта — это какая-то фиксированная или односторонняя идея. Когда каждый узнает ценность

чистой практики, у нас в нашем мире будет мало конфликтов. В этом состоит секрет нашей практики и пути Догена-дзендзи. Доген повторяет этот пункт в своей книге «Себо гендзо», или «Сокровище истинной дхармы». Если вы поймете, что причиной конфликта является какая-то односторонняя, установившаяся идея, вы сможете найти смысл в различных видах практики, не будучи захвачены ни одним из них. Если же вы не поймете этого пункта, вы легко окажетесь уловлены каким-то особым путем и скажете: «Это просветление! Это особая практика! Это наш путь! Остальные пути несовершенны. Это путь наилучший!» Здесь скрывается большая ошибка. Ибо в подлинной практике нет особого пути. Вам необходимо найти свой собственный путь, и вы должны знать, какого рода практикой вы обладаете в данную минуту. Зная преимущества и недостатки какой-то особой практики, вы можете пользоваться этим специальным путем без опасения. Но если ваше отношение будет односторонним, вы не обратите внимания на недостатки этой практики и станете подчеркивать только ее хорошие стороны. В конце концов вы откроете наихудшие ее стороны и разочаруетесь в ней, когда будет уже слишком поздно. Это глупо. Следует быть благодарным древним учителям за то, что они указали на такую ошибку.

8. Ограничение своей деятельности

«Обыкновенно, когда человек верит в какую-то частную религию, его позиция становится все более и более похожей на острый угол, направленный от него. А в нашем пути острие угла всегда направлено на нас самих».

В нашей практике мы не имеем какой-то особой цели, особых намерений, нет в ней и особого объекта поклонения. В этом отношении она несколько отличается от обычных видов религиозной практики. Великий китайский мастер дзен Дзесю говорил: «Главный Будда не сможет пройти через кузнечный горн, а деревянный Будда — сквозь огонь». Что бы там ни было, если ваша практика направлена на какой-то объект поклонения, такой как глиняный, бронзовый или деревянный Будда, она не всегда

окажется действенной. И потому, пока в вашей практике есть какая-то частная цель, такая практика не окажет вам полной помощи. Она может помогать вам до тех пор, пока вы устремлены к этой цели, но когда вы возобновите свою повседневную жизнь, эта практика не будет действовать.

Возможно, вы подумаете, что если в нашей практике нет намерений, нет цели, мы не будем знать, что нам делать. Но существует некоторый путь, путь к практике, в котором нет цели, и он состоит в том, чтобы ограничить свою деятельность, то есть сосредоточиться на том, что вы делаете в данный момент. Вместо того, чтобы держать в уме какой-то частный объект, вы должны ограничить свою деятельность. Когда ваш ум странствует где-то далеко, у вас нет возможности выразить себя. Если же вы ограничиваете свою деятельность тем, что можете выполнять вот сейчас, в данный момент, тогда вы сумеете полностью выразить свою истинную природу, которая и есть вселенская природа Будды. Это и есть наш путь.

Когда мы практикуем дзадзен, мы ограничиваем свою деятельность до минимальных размеров. Лишь сохранять правильную позу и сосредоточиться на сиденье — вот как мы выражаем вселенскую природу Будды. Итак, вместо того, чтобы искать какой-то объект поклонения, мы просто сосредоточиваемся на той деятельности, которой заняты в каждое мгновение. Когда вы кланяетесь, вы должны просто кланяться, когда вы сидите, вам нужно просто сидеть, когда вы едите, следует всего лишь есть. Если вы так и поступаете, в этом проявляется вселенская природа Будды. По-японски, мы называем это «итиге дзаммай» или «одноактное самадхи». «Дзаммай» или «самадхи» — это сосредоточение. «Итиге» — одна практика.

Я думаю, что некоторые из вас, практикующих здесь дзадзен, возможно, исповедуют какую-нибудь другую религию, но для меня это не имеет значения. Наша практика не имеет ничего общего с каким-либо частным религиозным верованием. И для нас нет необходимости относиться к практике нашего пути с сомнением из-за того, что он не связан ни с христианством, ни с синтоизмом, ни с индуизмом. Наша практика для каждого. Обычно, когда человек верит в какую-то частную религию, его позиция становится все более и более похожей на острый угол, направленный от него. Но наш путь не таков. В нашем пути острые углы всегда направлены на

нас самих. Поэтому нам нет нужды беспокоиться по поводу различий между буддизмом и той религией, которую вы исповедуете.

Слова Дзесю о разных Буддах относятся к тем, кто в своей практике устремляется к какому-то отдельному Будде. Будда одного рода не послужит целиком нашей задаче. Когда-то вам придется отбросить его прочь, или, по крайней мере, не обращать на него внимания. Но если вы уясните себе тайну нашей практики, вы останетесь «хозяином», куда бы вы ни направлялись. Неважно, что это будет за ситуация, вы сможете пренебречь Буддой, потому что вы сами Будда. И только этим Будда окажет вам полную помощь.

9. Изучайте себя

«Главный пункт не в том, чтобы испытывать какое-то глубокое чувство по отношению к буддизму: мы просто делаем то, что нам следует делать, подобно тому, как мы ужинаем и ложимся спать. Это и есть буддизм».

Цель изучения буддизма не в том, чтобы изучать буддизм, а в том, чтобы изучать самих себя. Но изучать себя без какого-то учения невозможно. Если вы желаете узнать, что такое вода, вы нуждаетесь в науке, а для ученого необходима лаборатория. В лаборатории имеются разные способы изучить вопрос — что такое вода. Так можно узнать, какого рода элементы ее составляют, каковы формы ее существования в природе. Но благодаря этому невозможно узнать воду саму по себе. То же самое и по отношению к нам. Нам нужно некоторое учение, при помощи только учения узнать, что такое «я», тоже само по себе невозможно. При помощи учения мы можем понять нашу человеческую природу. Но учение — это не мы сами, это какое-то объяснение нас. Потому, если вы привязаны к учению или учителю, это большая ошибка. В тот момент, когда вы встретили какого-то учителя, вы должны оставить другого учителя и вы должны оставаться независимыми. Вам учитель и нужен-то для того, чтобы вы могли стать независимым. И если вы не привязаны к нему, учитель укажет вам путь к самому себе. Ваш учитель для вас, а не вы для учителя.

Древний китайский мастер Риндзай анализирует четыре пути обучения своих учеников. Иногда он говорит о самом ученике, иногда о самом учении, иногда он дает объяснение, касающиеся ученика или учения, наконец, иногда он не дает своим ученикам вообще никаких указаний. Он знал, что ученик есть ученик, даже если ему не дают никаких наставлений. Строго говоря, вообще нет необходимости учить ученика, потому что сам ученик есть Будда, даже несмотря на то, что он может и не осознавать этого. Но даже, если он и не осознает свою истинную природу, его привязанность к этому осознанию уже ошибочна. Когда он не осознает ее, он обладает всем, но начиная осознавать, он принимает осознанное за самого себя, и здесь заключена большая ошибка.

Когда вы ничего не слышите от учителя, а просто сидите, это называется учением без учителя. Однако, иногда этого недостаточно, поэтому мы слушаем лекции и устраиваем дискуссии. Но нам следует помнить, что цель практики в каком-то особом месте состоит в том, чтобы изучить себя, мы изучаем себя, чтобы обладать независимостью. Подобно ученому, мы должны иметь для этого какое-то средство. Нам нужен учитель, потому что невозможно изучить себя самостоятельно. Но вы не должны допускать ошибку, вам нельзя принимать то, чему учитель научил за самого себя. То, что вы изучаете с учителем, есть часть вашей повседневной жизни, часть вашей непрекращающейся деятельности. В этом смысле нет различия между практикой и вашей деятельностью в обыденной жизни. Поэтому найти смысл жизни в дзадзен, значит найти смысл в своей повседневной деятельности. И чтобы понять смысл своей жизни, вы практикуете дзадзен.

Когда я находился в монастыре Эйхейдзи в Японии, там каждый делал только то, что ему следовало делать. Это и все. Здесь то же самое, что и при вставании по утрам: мы должны вставать. Когда в монастыре нам нужно было сидеть, мы сидели, когда нужно было кланяться Будде, мы кланялись. Вот и все. И когда мы занимались практикой, мы не чувствовали ничего особенного. Мы даже не ощущали, что мы ведем монашескую жизнь. Для нас эта монашеская жизнь была обычной жизнью, а люди, приходившие из города — необычными людьми. Когда мы их видели, мы чувствовали: «О, пришли необычные люди».

Но вот однажды я на некоторое время покинул мо-

настырь, а когда вернулся, все оказалось иным. Я услышал разные звуки практики — звон колоколов, голоса монахов, повтогравших сутру, и меня охватило глубокое чувство. Из глаз у меня полились слезы, они заполнили нос и рот. Именно люди, не живущие в монастыре, чувствуют его атмосферу. Те же, что занимаются практикой, в действительности ничего не ощущают. Я думаю, это правильно для всех случаев. Когда мы слышим звук сосен в ветренный день, это, возможно, просто дует ветер, а сосны всего лишь стоят на ветру — вот и все, что они делают. Но люди, которые слышат звук ветра в деревьях, напишут об этом стихи или почувствуют нечто необычное. Так, я думаю, состоят дела везде.

Поэтому главный пункт не в том, чтобы испытывать какое-то глубокое чувство по отношению к буддизму. Вопрос не в том, хорошее это чувство или плохое, мы не обращаем на это внимание. Буддизм не хорош и не плох. Мы делаем то, что нам следует делать. Это и есть буддизм. Конечно, необходимо и некоторое ободрение — не более, чем поощрение, и не в нем заключается подлинная цель практики. Это всего лишь лекарство, когда мы чувствуем себя обескураженным, нам нужно какое-то лекарство. А когда мы бываем в хорошем настроении, нам не нужно никакого лекарства. И вы не должны ошибочно принимать лекарство за пищу. Иногда лекарство нужно, однако, оно не должно стать нашей пищей.

Итак, из четырех путей практики по Риндзаю самый совершенный состоит в том, чтобы не давать ученику никаких объяснений в нем самом, не давать ему никакого поощрения. Если мы представим себе самих себя в виде тел, тогда можно вообразить, что учение — как бы наша одежда. Иногда мы говорим об одежде, иногда о своем теле. Но в действительности, ни тело, ни одежда — это не мы сами. Мы сами — это большая деятельность, а мы выражаем всего лишь самую малую часть этой большой деятельности. В этом все дело. Поэтому в беседах, касающихся пашей природы, нет ничего дурного, но настоящему в них нет никакой надобности. Еще не раскрыв рта, мы уже выражаем большое существование, включающее нас самих. Поэтому цель бесед, относящихся к нашей природе, состоит в том, чтобы исправить ошибочное понимание, возникающее у нас, когда мы привязываемся к какой-то отдельной временной форме или окраске большой деятельности. Необходимо говорить о том, что такое наше тело, что такая наша деятель-

ность, так чтобы не могли мы совершить по отношению к ним ни единой ошибки. Таким образом, говорить о себе — означает в действительности забывать о себе.

Доген-дзендзи сказал: «Изучать буддизм значит изучать самих себя. Изучать самих себя значит забывать самих себя». Когда вы становитесь привязанным к какому-то временному проявлению своей истинной природы, тогда беседы о буддизме необходимы, ибо иначе вы примите за него это временное выражение. Но такое частное выражение буддизма не есть буддизм. И однако, в то же самое время, оно **есть** буддизм! В течение какого-то промежутка, в течение какой-то мельчайшей частицы времени это так. Но «так» бывает не всегда — и уже в ближайшее мгновение это — «не так». Вот для того-то, чтобы вы уяснили для себя данный факт, необходимо изучать буддизм. А цель буддизма — изучать самих себя и забывать о себе. Когда мы забываем о себе, мы в подлинном смысле являем собой истинную деятельность большого существования или самой реальности. И когда мы постигли этот факт, в мире нет более никаких проблем, а мы можем наслаждаться своей жизнью, не испытывая никаких затруднений. В осознании именно этого факта и заключается задача нашей практики.

10. Шлифовка кирпича

«Когда вы становитесь самим собой, дзен становится дзен. Когда вы — это вы, и вы видите вещи такими, каковы они есть, и вы делаетесь едины со своим окружением».

История дзен, или коана, очень трудна для понимания, пока вы не знаете, что мы делаем в каждое мгновение. Но если вы будете в точности знать, что мы делаем в любое данное мгновение, вы найдете коаны не столь уж трудными. Существует множество коанов. Я часто рассказывал вам о лягушке, и каждый раз все смеются. Но лягушка очень интересна. Знаете, и она сидит подобно нам! Однако, она не думает о том, что совершает что-то особенное. Когда вы идете в дзадзен и сидите, вы, возможно, думаете, что делаете что-то особенное. В то время, как дома спит ваш муж или жена, вы практикуете дзадзен! Вы делаете нечто необычное, а ваш супруг столь ленив! Может быть, таково ваше понимание дзадзен. Но взгляните на лягушку. Она тоже сидит, как и

мы с вами, но у нее нет мысли о дзадзен. Понаблюдайте за ней, если ее что-то беспокоит, она сделает гримасу, если с ней окажется какое-то съедобное существо, она прыгнет, схватит его и съест, а ест она сидя. В самом деле, это наш дзадзен — это не какая-то особая вещь.

Вот вам образец такого «лягушечьего» коана. Васо был знаменитым мастером дзен, его называли «объезчиком лошадей». Он был учеником Ненгаку, одного из учеников шестого патриарха. Однажды, учась у Ненгаку, Васо сидел в дзадзен. Он был человек крупного физического склада, когда он говорил, его язык доходил до носа, голос гремел, и его дзадзен, должно быть, оказался очень хорошим. Ненгаку увидел, как он сидит, возвышаясь подобно высокой горе или подобно лягушке. «Что вы делаете?» — спросил Ненгаку. «Я практикую дзадзен», — ответили Васо. «Зачем же вы практикуете дзадзен?» — спросил учитель. «Я хочу достичь просветления, я хочу стать Буддой», — сказал ученик. И знаете, что сделал учитель? Он подобрал кирпич и стал его тереть. В Японии, когда мы вынимаем кирпич из печи после обжига, мы полируем их, чтобы придать красивую форму. И вот Ненгаку взял кирпич и принялся его полировать. «Что вы делаете?» — спросил Васо, его ученик. «Я хочу превратить этот кирпич в драгоценный камень», — ответил Ненгаку. «Как же это возможно сделать кирпич драгоценным камнем?» — опять спросил Васо. «А как можно стать Буддой, практикуя дзадзен?» — возразил Ненгаку. «Вы хотите достичь состояния Будды? Но нет состояния Будды вне вашего обычного ума. Когда повозка не двигается, что вы стегаете кнутом, повозку или лошадь?» — задал вопрос учитель.

Смысл этих слов Ненгаку состоит в том, что все, что вы делаете — это дзадзен. Истинный дзадзен превыше лежания в постели или сидения в дзэндо. Если ваш муж или жена лежат в постели, это и есть дзадзен. Если вы думаете: «Вот я сижу здесь, а моя супруга лежит в постели», тогда это не настоящий дзадзен, хотя бы даже сидели в дзадзен тут со скрещенными ногами. Вы всегда должны быть похожи на лягушку. Это и будет подлинный дзадзен.

Доген-дзендзи, комментируя этот коан, сказал: «Когда объезчик лошадей становится объезчиком, дзен становится дзен. Когда Васо станет Васо, его дзадзен станет подлинным дзадзен и дзен сделается дзен. Что такое подлинный дзадзен? Когда вы — это вы, и что бы вы

тогда не делали — все будет дзадзен. Даже лежа в постели, вы, возможно, не бываете самим собой большую часть времени. Даже хотя бы вы и сидели в дзандо, я не уверен в том, что вы являетесь самим собой, в полном смысле этого слова.

Вот другой известный коан. Был такой мастер дзен. Имя его было Дзункан. Он всегда обращался к самому себе: «Дзункан», — говорил он и затем отвечал: «Да! Дзункан? Да!» Конечно, он жил совсем один в своем небольшом дзэндо, конечно, он знал, кто он такой, но иногда забывался и, когда бы это не случилось, он обращался к себе: «Дзункан? Да!».

Если мы похожи на лягушку, мы всегда бываем сами собой, но даже и лягушка иногда забывается и тогда ее морда принимает кислое выражение. Если кто-то проползает вблизи, она прыгает на пего и съедает. Поэтому я думаю, что лягушка всегда обращается к себе. Я думаю, что и вам следует тоже так поступать. Вы забываетесь даже в дзадзен. Когда вы становитесь сонным, или когда ваш ум принимается бродить по сторонам, вы забываетесь. Когда у вас начинают болеть ноги и вы думаете: «Почему моим ногам так больно? — вы забываетесь. И поскольку вы забываетесь, ваша проблема будет оставаться для вас проблемой. Если же вы не станете забывать, тогда даже при наличии трудностей у вас в действительности не останется никаких проблем. Вы просто сидите в самой середине проблемы, и когда вы представляете собой часть проблемы или проблема является частью вас самих, тогда проблемы уже нет, потому что вы и есть сама проблема. Проблема — это вы сами и, если это так, нет никакой проблемы.

Когда ваша жизнь постоянно является частью вашего окружения, когда вы в каждый отдельный момент как бы окликаете самого себя, тогда нет никакой проблемы. Когда же вы принимаетесь где-то странствовать, погружаясь в какие-нибудь заблуждения, которые являются внешними по отношению к вам, тогда ваше окружение более не является реальным и ваш ум тоже более не реален. Если вы сами пребываете в заблуждении, тогда и ваше окружение становится неясным, туманным заблуждением. И коль скоро вы очутились среди заблуждений, им не будет конца. Одна за другой вас опутают ошибочные идеи. Большая часть людей живет в заблуждении, люди поглощены своими проблемами и стараются их решить. Но просто жить — это на самом деле жить в проб-

лемах. А разрешить проблему — значит быть ее частью, быть единым с нею.

Итак, что же вы ударите, повозку или лошадь? Что вы ударите, себя или свои проблемы? Если вы начнете спрашивать себя, что вам следует ударить, вы уже начали блуждать, но, когда вы по-настоящему ударите по лошади, повозка двинется вперед. На самом деле, повозка и лошадь — одно и то же. Когда вы — это вы, тогда нет проблемы, нет вопроса о том, что ударить — лошадь или повозку. Когда вы — это вы, дзадзен становится подлинным дзадзен. Поэтому, когда вы будете практиковать дзадзен, будет практиковать его и ваша проблема, равно как и все прочее. И даже, если ваш супруг находится в постели, он тоже практикует дзадзен, когда практикуете его вы, но когда вы не практикуете подлинного дзадзен, тогда существует и ваш муж и вы сами, и все это совершенно различно, совершенно отдельно друг от друга. Итак, если вы сами обладаете истинной практикой, то все прочее, одновременно с вами, погружено в практику вашего метода.

Вот почему мы должны всегда обращаться к себе, отстаивать себя, подобно врачу, который сам себя выстукивает. Это очень важно. Практика такого рода должна продолжаться непрестанно, мгновение за мгновением. Мы говорим: «Когда наступила ночь, приходит рассвет». Смысл здесь в том, что между ночью и рассветом нет промежутка. Прежде, чем окончилось лето, приходит осень. Так мы должны понимать и нашу жизнь. С этим пониманием нам следует продолжать практику и именно таким образом разрешать наши проблемы. В действительности, если вы просто работаете над собой над проблемой с целеустремленным усилием, этого достаточно. Вам нужно только полировать кирпич, это и есть наша практика. Цель практики не в том, чтобы сделать из кирпича драгоценный камень, всего лишь продолжайте дзадзен, это и есть практика в ее подлинном смысле. Дело не в том, возможно или нет, превратить кирпич в драгоценный камень. Самое важное — работать и жить в этом мире с таким пониманием, это и есть наша практика, это и есть настоящий дзадзен. Поэтому мы говорим: «Когда вы едите, ешьте!» Знаете, вам нужно есть то, что находится перед вами. Иногда вы этого не делаете. Хотя бы вы даже ели, ваш ум находится где-то в другом месте. Вы не ощущаете вкуса того, что у вас во рту. А пока вы умеете есть во время еды — все в поряд-

ке. Не беспокойтесь ни о чем, это значит, что вы — это вы.

Когда вы — это вы, вам видны все вещи таковыми, какие они есть, и вы становитесь едины со своим окружением. Тогда существует ваше истинное Я, тогда у вас есть настоящая практика, практика лягушки. Лягушка представляет собой хороший пример нашей практики. Когда лягушка становится лягушкой, дзен становится дзен. Когда вы глубже и глубже понимаете лягушку — вы достигаете просветления, вы — Будда. И вы также добры к другим — к жене, к сыну, к дочери. Это и есть дзадзен!

11. Постоянство

«Люди, знающие состояние пустоты, всегда смогут растворить свои проблемы при помощи постоянства».

Весть сегодняшнего дня гласит: «Развивайте собственный дух!» — что значит не устремляться в своих поисках куда-то за пределы самого себя. Это очень важный пункт — и это единственный способ практики дзен. Конечно, изучение священных писаний или способов практики дзен, повторение сутр — каждый из этих видов деятельности должен быть частью дзен. Но если ваше усилие или практика не обладают правильной ориентацией, оно не принесет пользы. А если оно и принесет, то, возможно, испортит вашу чистую природу. Тогда, чем больше вы будете знать о дзен, тем более вы будете испорчены. Ваш ум окажется заполнен пустяками, окажется загрязненным.

Для нас стало вполне привычным делом собирать информацию по частям из обычных источников, и мы полагаем, что таким образом увеличиваем свои знания. В действительности же, следуя по такому пути, мы приходим к полному незнанию. Наше понимание буддизма не должно быть просто собранием множества различных сведений с целью приобретения знаний. Вместо того, чтобы собирать знания, вам надобно очистить свой ум. Если ваш ум чист, истинное знание уже принадлежит вам. Когда вы будете слушать наше учение, и простым умом вы сумеете воспринять его, как если бы вы слушали что-то уже вам известное. Это состояние называется пустотой, или всемогущим Я, или всеведением. Когда вы знаете все, вы подобны небу. Иногда на нем промелькнет молния, когда она исчезнет, вы полностью забудете о ней и не

останется ничего, кроме темного неба. Небо никогда не испытывает удивления при внезапном раскате грома. И когда действительно сверкнет молния, можно увидеть замечательное зрелище. Когда мы обладаем пустотой, мы всегда готовы к тому, чтобы увидеть вспышку молнии.

В Китае известны своими туманами горы Родзан. Я не был в Китае, но тамошние горы, должно быть, прекрасны. И когда белые облака или клочья тумана приближаются к горам и проходят мимо, это, вероятно, чудесное зрелище. Но хотя все это и замечательно, одно китайское стихотворение говорит: «Родзан знаменит своими туманами, дождливыми днями, а большая река Секко известна приливами. Они приходят и уходят. Вот и все». Это все, но это великолепно, вот как мы оцениваем вещи.

Поэтому вам необходимо принимать знания, как если бы вы слушали нечто уже вам известное. Но это не значит получать различные сведения просто, как эхо собственных мнений. Здесь имеется в виду, что вас не должно удивлять то, что вы слышите или видите. Если вы будете получать вещи лишь как собственное эхо, вы в действительности их не увидите, вы не воспримите их такими полностью, каковы они есть. Так что, когда мы говорим: «Родзан знаменит своими туманами, дождливыми днями», это не означает, что нам нужно оценивать это зрелище, припоминая какой-нибудь виденный нами ранее пейзаж. «Это не так уж удивительно, я это видел раньше», или «Я написал гораздо более прекрасные картины! Родзан — ничто в сравнении с ними». Наш путь не таков. Если вы готовы принять вещи такими, каковы они есть, вы примите их, как старых друзей, хотя бы вы и оценили их со свежим чувством.

И нам не следует накапливать знания, мы должны быть свободны от своего знания. Если вы коллекционируете различные сведения, это может быть очень хорошей коллекцией, но это не наш путь. Мы не должны стараться удивлять людей своими замечательными сокровищами. Нам не следует проявлять интерес к чему-то специальному. Если вы хотите полностью проникнуть в нечто, вам необходимо забыть самого себя. Вы должны воспринять это, как блеск молнии в крошечной тьме небес.

Иногда мы думаем, что нам невозможно понять нечто невозможное, на самом деле нет ничего такого, что было бы для нас незнакомым. Некоторые люди могут сказать:

«Мы почти не в силах понять буддизм, потому что корни глубокие нашей культуры так отличаются от него. Как можем мы понять восточную мысль? Конечно, буддизм не отделим от культурной среды, это верно, но если японский буддист приезжает в США, он уже более не японец. Я живу в вашей культурной среде, я ем почти ту же самую пищу, что и вы, я общаюсь с вами на вашем языке. Даже если вы и не понимаете меня полностью, я хочу понять вас. И возможно, я понимаю вас лучше, нежели любой другой человек, который говорит по-английски. Это верно. Даже, если бы я совершенно не мог понимать английского языка, я думаю, я сумел бы общаться с людьми. Всегда имеется возможность понимания, пока мы существуем среди кромешной тьмы ночного неба, пока мы живем в пустоте.

Я постоянно говорил, что вы должны быть очень терпеливыми, если хотите понять буддизм, но мне хотелось бы найти лучшее слово, чем «терпенье». Обычно, японское слово «нин» переводят словом «терпение», но пожалуй, лучшим словом будет «постоянство». Вам необходимо принуждать себя быть терпеливым, но в постоянстве не заключается никаких особых усилий — есть только одно неизменное умение принимать вещи такими, каковы они есть. Людям, которые не обладают идеей пустоты, это умение может показаться терпением, но на самом деле терпенье бывает и неприятием. Те люди, которые знают состояние пустоты, которые ощутили его, хотя бы лишь интуитивно, всегда обладают открытой способностью воспринимать вещи такими, каковы они есть. Они могут прочувствовать все. Во всем, что они делают — пусть даже это будет нечто весьма трудное, они всегда сумеют растворить свои проблемы при помощи постоянства.

«Нин» есть способ развития нашего собственного духа. «Нин» — это наш путь непрерывной практики. Мы должны жить в пустоте темного неба. Небо — это всегда небо. Оно не волнуется, даже если приходят тучи и молнии. Даже, если придет проблеск просветления, наша практика полностью это забывает. Тогда она готова для другого просветления. Нам необходимо получать одно просветление за другим, если можно, то в каждое мгновение. Вот что мы называем просветлением — и до и после того, как мы его достигнем.

12. Общение

«Выражать себя таким, каков вы есть, не прибегая при этом к каким бы то ни было намеренным, надуманным способам приспособиться, — это самое важное».

В практике дзен общение весьма важно. Я все время ищу какой-то способ общения с вами, потому что не умею хорошо говорить на вашем языке. Я думаю, что такого рода усилие даст свои результаты. Мы говорим: «Если вы не понимаете слова своего учителя, тогда вы не являетесь его учеником». Понимать слова мастера, понимать его язык, значит понимать самого мастера. И, когда вы его понимаете, вы находите, что его язык — это не просто обычный язык, а язык в более широком смысле. В языке мастера вы понимаете больше того, что фактически говорят его слова.

Когда мы что-то говорим, мы всегда подразумеваем или наши субъективные намерения или данную обстановку. Потому не существует совершенной речи, в любом утверждении всегда налицо некоторое искажение. Тем не менее, в утверждении своего мастера мы должны понять объективный факт сам по себе, — конечный факт. Под конечным фактом мы понимаем не что-то вечное, неизменное, мы имеем в виду вещи, каковы они есть в каждый момент. Вы можете называть это «бытием» или «реальностью».

Понимать реальность, как непосредственное переживание — вот причина, почему мы практикуем дзадзен, почему мы изучаем буддизм. Благодаря изучению буддизма, вы понимаете свою человеческую природу, свои интеллектуальные способности, а также истину, присутствующую в вашей человеческой деятельности. И вы сможете принимать во внимание эту вашу человеческую природу, когда будете стараться уяснить реальность. Но только благодаря действительной практике дзен, сумеете вы непосредственно пережить реальность и проникнуть в истинный смысл различных утверждений вашего учителя или самого Будды. В строгом смысле слова невозможно говорить о реальности. Тем не менее слова, точно так же и его поведение, представляют собой способ самовыражения. В дзен мы обращаем особое внимание на манеры или поведение. Под поведением мы подразумеваем не особый способ вести себя, а

скорее естественное ваше выражение. Мы подчеркиваем прямо. Вы должны быть правдивым в своих чувствах и в мыслях, выражаясь без каких бы то ни было оговорок. Это помогает слушателям легче нас понять.

Когда вы кого-нибудь слушаете, вам необходимо отбросить все свои предвзятые идеи и субъективные мнения, вы должны просто слушать, просто наблюдать за тем, что является путем вашего собеседника. Мы обращаем очень мало внимания на правильное или неправильное, хорошее или дурное. Мы просто видим вещи такими, какими они оказываются у него, и принимаем их. Вот как мы общаемся друг с другом. Обыкновенно, когда вы слушаете какое-либо утверждение, вы слышите в нем своеобразное эхо самого себя. В действительности, вы прислушиваетесь к собственному мнению и, если слова согласуются с ним, вы принимаете их, если они противоречат ему, вы их отбрасываете, или, возможно, даже не услышите. Это одна опасность, которая возникает, когда вы кого-нибудь слушаете. Другая заключается в том, что вы можете быть уловлены утверждением. Если вы не понимаете утверждений своего мастера в его истинном смысле, вы легко будете уловлены чем-то таким, что связано с вашим субъективным мнением или особым способом выражения данного утверждения. Вы примите то, что говорит ваш собеседник, только как заявление, не поняв духа, заключенного в слова. Опасность такого рода всегда налицо.

Трудно установить хорошее общение между родителями и детьми, т. к. у родителей постоянно существуют особые намерения. Эти намерения почти всегда хороши, однако, то, как говорят родители, их способ выражения, зачастую недостаточен свободен, обычно он бывает односторонним и нереалистическим. Каждый из нас имеет собственный способ выражения, и изменить его в зависимости от обстоятельств нелегко. Если бы родителям удавалось устроить дело таким образом, чтобы они могли выражаться по-разному, соответственно каждой ситуации, тогда в воспитании детей не было бы никаких опасностей. Это, однако, довольно затруднительно. Даже мастер дзен имеет свой собственный способ выражения. Когда Нисяри-дзендзи бранил своих учеников, он всегда говорил: «Убирайся вон!» Один из них понял его буквально и покинул храм. Но мастер, говоря эти слова, не имел в виду изгнать своего ученика. Это просто был его способ выражения, вместо того, чтобы сказать: «Будь ос-

торожен!», он говорил: «Убирайся». Если у ваших родителей есть подобные привычки, вы наверняка поймете их неправильно. Эта опасность всегда существует в вашей повседневной жизни. Поэтому вам, как слушателю или ученику, необходимо очистить свой ум от разнообразных искажений.

Ум, наполненный предвзятыми идеями, субъективными намерениями или привычками, не бывает открыт для того, чтобы воспринять вещи такими, каковы они есть. Вот зачем мы практикуем дзадзен, чтобы очистить свой ум от того, что относится к чему-то другому.

Быть вполне естественным с самим собой и вместе с тем наилучшим образом следовать тому, что говорят или делают другие, весьма трудно. Если мы будем стараться как-то преднамеренно приспособляться к этим требованиям, для нас окажется невозможным оставаться естественным. Если мы попытаемся особым образом к чему-то приспособиться, вы потеряете себя. Поэтому, не прибегая к каким бы то ни было намеренным, надуманным способам приспособиться, выражать себя открыто, таким, каков вы есть,— это самое важное для того, чтобы сделать себя счастливым и других. Практикуя дзадзен, вы приобретаете такого рода способность. Ибо дзен — это не какое-то фантастическое, особое искусство жизни. Наше учение заключается в том, чтобы просто жить, пребывая всегда в реальности, в точном смысле этого слова. Наш путь состоит в том, чтобы делать усилие мгновенье за мгновеньем. По настоящему единственная вещь, которую мы действительно в состоянии изучать всю свою жизнь, это то, над чем мы работаем в каждый данный момент. Мы не можем даже изучать слова Будды, изучать их точный смысл означает изучать их при помощи какой-то деятельности, которая предстает перед вами мгновенье за мгновеньем. Поэтому нам следует сосредоточиваться на том, что мы делаем, всем своим умом и всем телом. И мы должны быть верны себе и субъективно и объективно, в особенности своим чувствам. Даже если вы чувствуете себя не слишком хорошо, лучше выразить это чувство, но без какой-либо особой привязанности или особого намерения. Так, вы можете сказать: «О, сожалею, я чувствую себя нехорошо!» И этого достаточно, не следует добавлять: «Мне плохо, потому что вы меня довели до этого». Это будет уже чересчур. Можно также сказать: «Мне жаль, но я так сержусь на вас!» Нет необходимости говорить, что вы не сердитесь, если

вы рассержены. Вам нужно просто сказать: «Я сержусь», и этого достаточно.

Истинное общение зависит от нашей прямоты в отношениях друг с другом. Мастера дзен весьма непосредственны. Если вы не понимаете реальности прямо со слов своего мастера, он может испытывать на вас свой посох и спросить: «А что это такое?» Наш путь весьма прямой, но в действительности, как вы знаете, это не дзен. Это не наш традиционный путь, однако, когда мы желаем выразить его, иногда для нас оказывается легче выражаться именно таким способом. Все же наилучший способ общения — это просто сидеть, не говоря ни слова. Тогда-то вы будете обладать полным смыслом дзен. Даже, если я стану колотить вас посохом до тех пор, пока вы не умрете или пока я не выйду из себя, этого все-таки будет недостаточно. Наилучший путь — это просто сидеть.

13. Отрицательное и положительное

«Большой ум — это нечто такое, что нужно выразить, а не вывести. Большой ум — это нечто такое, что вы имеете, а не то, что нужно искать».

Чем лучше вы понимаете наше мышление, тем более находите трудным говорить о нем. Цель моих бесед заключается в том, чтобы дать вам некоторую идею нашего пути, но по-настоящему это не такая вещь, о которой следует говорить, а нечто такое, что следует практиковать. Лучший способ — только практика и никаких слов. Когда мы говорим о нашем пути, постоянно существует склонность к неправильному пониманию, потому что истинный путь всегда имеет, по крайней мере, две стороны: отрицательную и положительную. Когда мы говорим об отрицательной стороне, как-то пропадает сторона положительная, а когда мы говорим о положительной стороне, мы упускаем из виду отрицательную. Говорить же одновременно о положительной и отрицательной мы не умеем. Поэтому мы просто не знаем, что говорить, разговаривать о буддизме почти невозможно. Следовательно, ничего не говорить, только практиковать буддизм и есть наилучший способ. Может оказаться пригодным и такой прием, как показать один палец, очертить вокруг человека окружность или просто поклониться.

Если мы поймем этот пункт, нам станет ясно и то, как говорить о буддизме, и общение между ними станет совершенным. Беседа о чем-нибудь станет одним из видов нашей практики, равно как и умение слушать беседу. Когда мы практикуем дзадзен, мы просто практикуем его, без какой бы то ни было идеи приобретения. Когда же мы говорим о чем-то, мы просто говорим на данную тему, только о положительной или отрицательной стороне предмета, не пытаюсь выразить какую-либо интеллектуальную, одностороннюю идею. А слушаем мы, не стремясь вывести некоторое интеллектуальное понимание, не стараясь понять сказанное только с одной точки зрения. Вот как мы говорим о своем учении, как мы слушаем беседу о нем.

Путь Сото всегда имел двойной смысл — положительный и отрицательный. И наш путь является одновременно и путем хинаяны и путем махаяны. Я всегда говорю, что наша практика весьма близка к практике хинаяны: фактически у нас практика хинаяны сочетается с духом махаяны — строгая формальная практика соединена с неформальным духом. Хотя наша практика выглядит весьма формальной, наши умы не формальны. Хотя мы каждое утро одинаковым способом практикуем дзадзен, это не причина для того, чтобы называть нашу практику формальной. Только наше различие делает ее формальной или неформальной, а внутри салонны, попытаться подsunуть слушателю наше собственное учение или силой навязать ему наши идеи. Но среди учеников дзен нет особых целей при разговорах или в слушании. Иногда мы слушаем, иногда беседуем, вот и все. Это похоже на приветствие: «Доброе утро!» В общении подобного рода мы можем раскрыть свой путь. Когда мы ничего не говорим, это может оказать очень хорошее действие, но нет причины, по которой мы должны были всегда молчать. Что бы вы ни делали, включая и неделанье, это будет вашей практикой, выражением большого ума. Итак, большой ум — это нечто такое, что нужно выразить, а не вывести. Большой ум — это нечто такое, что вы имеете, а не то, что нужно искать. Большой ум — нечто такое, о чем нужно говорить, что нужно выражать в нашей практике, нечто такое, чем следует пользоваться. Если мы так и поступаем, в нашем способе соблюдения заповедей нет ни пути хинаяны, ни пути махаяны. И только потому, что вы стремитесь получить нечто, при помощи жесткой формальной практики, у вас возника-

ют проблемы. Но, если мы станем рассматривать любую нашу проблему, как выражение большого ума, она более не будет проблемой. Иногда наша проблема состоит в том, что большой ум чересчур усложнен, иногда же он слишком прост для расчетов. Но и это тоже большой ум. А поскольку вы стараетесь высчитать, что это такое, хотите упростить усложненный большой ум, у вас появится проблема. Поэтому наличие в вас какой-то проблемы зависит от вашего соответственного отношения, собственного понимания. Если вы обладаете большим умом махаяны, то не должно возникать никаких проблем, являющихся следствием двойной, парадоксальной природы-истины. Ум такого рода будет приобретен, благодаря подлинной практике дзадзен.

14. Водопад нирваны

«Наша жизнь и наша смерть — это одно и то же. Когда мы постигли этот факт, у нас нет больше страха смерти, нет никаких действительных трудностей в жизни».

Если вы поедите в Японию и посетите монастырь Эйхэйдзи, перед самым входом вы увидите небольшой мост, называемый «Хансяку-ке», что означает «мост половины ковша». Всякий раз, когда Доген-дзендзи черпал воду из речки, он наполнял только половину ковша, возвращая остаток речке, и не выплескивал его. Вот почему мост и называется так. Когда мы в Эйхэйдзи умываем лицо, мы наливаем воду в чашу, заполняя ее лишь на семь десятых ее емкости. И умываясь, мы выливаем воду кпереди от тела, а не в сторону от него. Этим выражается уважение к воде. Практика подобного рода основана не на какой-то идее экономии и может оказаться трудной для понятия, почему Доген-дзендзи возвращал речке половину зачерпнутой воды. Этот вид практики превосходит возможности нашего мышления. Когда мы ощущаем красоту реки, когда мы едины с водой, тогда мы интуитивно поступаем так же, как поступал Доген. В таких поступках проявляется наша истинная природа. Но если эта наша истинная природа закрыта идеями экономии или продуктивности, тогда образ действия Догена не имеет смысла.

Я ездил в Йосемитский национальный парк и видел там несколько огромных водопадов. Самый высокий из них достигает 402 метра и его вода летит вниз подобно

занавесу, брошенному на гору с самой ее вершины. Кажется, вода падает не так быстро, как можно было бы ожидать, из-за большого расстояния, течение представляется очень медленным, и вода льется не одним потоком, а делится на множество мелких струй. Издалека она кажется занавесом, и я подумал, что для каждой капли воды падение с вершины такой высокой горы должно быть очень трудным переживанием. Знаете, нужно время, много времени, чтобы вода, в конце концов, достигла дна водопада. И мне кажется, что наша человеческая жизнь, пожалуй, похожа на это явление. В своей жизни мы имеем много трудных переживаний. Но в то же время, подумал я,— вода сначала не была разделенной, это была одна целая речка. Только тогда, когда она подверглась разделению, она действительно испытывала трудности при падении. Когда вода составляет одну целую речку, она как бы не имеет никаких чувств, и, только разделенная на множество капель, она может начать что-то чувствовать или выражать какие-то чувства. Когда мы видим одну реку, мы не ощущаем живой деятельности воды, но, когда зачерпнув часть ее ковшем, мы особым образом чувствуем воду, и мы ощущаем также ценность человека, который пользуется водой. Почувствовав так себя и воду, мы не можем более употреблять ее только в материальных целях, ибо вода — это нечто живое.

До своего рождения мы не имели чувств, мы были едины со вселенной. Такое состояние называется «только ум», или «сущность ума», или «большой ум». После своего рождения, мы отделяемся от этого единства подобно тому, как вода, летящая вниз в водопаде, разделяется ветром и скалами, и тогда мы имеем чувства. Вы испытываете трудности, потому что у вас есть чувства. Вы привязываетесь к ним, хотя не знаете, как они возникают. Когда вы не уяснили себе свое единство с рекой или вселенной, вы ощущаете страх. Но вода есть вода, будет она разделена на капли или нет. Наша жизнь и наша смерть — это одно и то же. Когда мы постигаем этот факт, у нас нет больше страха смерти, нет никаких действительных трудностей в жизни.

Когда вода возвращается к своему первоначальному источнику, к единству с рекой, она более не испытывает к ней никаких индивидуальных чувств; она восстанавливает свою собственную природу и находит успокоение. Какую сильную радость должна испытывать вода, вер-

пущись в свою первоначальную реку. Если это так, что же мы почувствуем, когда умрем? Я думаю, подобно воде в ковшике. Тогда мы ощутим успокоение, полный покой. Сейчас такое успокоение может казаться нам чересчур совершенным, т. к. мы очень сильно привязаны к своим чувствам, своему индивидуальному существованию. В данную минуту у нас есть некоторый страх смерти, но после того, как мы восстановим свою истинную первоначальную природу, проявится нирвана. Вот почему мы говорим: «Достичь нирваны — значит исчезнуть». Но «исчезнуть» — не вполне подходящее слово, пожалуй лучше будет «перейти», «пойти дальше», «слиться». Не попробуете ли вы найти какое-нибудь лучшее выражение для понятия смерти? Когда вы его найдете, у вас появится совсем новое объяснение вашей жизни. Оно будет похоже на мое переживание, когда я увидел воду в большом водопаде. Представьте себе! Он был высотой в четыреста метров!

Мы говорим: «Все выходит из пустоты». Одна целая река или единый целостный ум есть пустота — достигнув этого понимания, мы находим подлинный смысл жизни. Придя к нему, мы можем увидеть красоту человеческого существования. А пока мы не постигли этого факта, все, что мы видим, есть просто иллюзия. Иногда мы переоцениваем красоту, иногда недооцениваем ее или не замечаем, потому что наш малый ум не находится в соответствии с реальностью.

Вести беседу обо всем этом таким образом очень просто, но по-настоящему прочувствовать все сказанное не так просто. Однако, благодаря своей практике дзадзен, вы сможете развить это чувство. Когда вы сможете сидеть в целостности ума и тела, когда ваш ум и тело едины и пребывают под властью вселенского ума, тогда вы легко сможете достичь такого правильного понимания. Ваша повседневная жизнь окажется обновленной, освобожденной от привязанности к старому, ошибочному объяснению жизни. Когда вы постигнете этот факт, вы откроете, каким бессмысленным было прежнее объяснение, как много бесполезных усилий вы совершили. Вы найдете подлинный смысл жизни, и хотя вам будет нелегко падать прямо с вершины водопада к подножию горы, вы получите наслаждение от своей жизни.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПРАВИЛЬНОЕ ПОНИМАНИЕ

«Наше понимание буддизма — это не просто интеллектуальное понимание. Подлинное понимание есть сама практика в действии».

1. Дух традиции дзен

«Если вы стараетесь достичь просветления, вы создаете увлекающую вас карму, вы просто понапрасну тратите время на своей черной подушке».

Самое важное в нашей практике — это положение физического тела и способ дыхания. Нас не слишком заботит вопрос о глубоком понимании буддизма. Как философия, буддизм — очень глубокая, обширная и прочная система мысли, но дзен не беспокоится о философском понимании. Мы подчеркиваем роль практики. Нам необходимо понять, почему так важны поза физического тела и дыхание. Вместо того, чтобы иметь глубокое понимание учения, мы нуждаемся в сильном доверии к этому учению, которое утверждает, что первоначально мы обладаем природой Будды. На этой вере основана наша практика.

Еще до того, как Бодхидхарма отправился в Китай, почти весь хорошо известный набор терминов дзен уже был в ходу. Например, существовал термин «внезапное просветление». «Внезапное просветление» — не совсем точный перевод, однако, я буду пользоваться этим выражением, как приблизительным. Просветление приходит к нам совершенно неожиданно. Это и есть подлинное просветление. До Бодхидхармы полагали, что внезапное просветление придет после долгой подготовки. Таким образом, практика дзен была своего рода тренировкой для того, чтобы получить просветление. В действительности и сейчас многие люди практикуют дзадзен с этой идеей. Но такое понимание не свойственно традиции дзен. То понимание, которое дошло до нашего времени от Будды, утверждает, что уже тогда, когда вы начинаете дзадзен, имеет место просветление, даже без всякой к нему под-

готовки. Вы обладаете природой Будды независимо от того, практикуете вы дзадзен или нет; и поскольку вы ею обладаете, просветление наличествует уже в нашей практике. Пункты, на которые мы обращаем особое внимание, это не ступень, достигнутая нами, а наше прочное доверие к своей первоначальной природе и искренность практики. Мы должны практиковать дзен с той же искренностью, что и Будда. Если мы с самого начала имеем природу Будды, тогда причина нашей практики дзадзен заключается в том, что мы должны и вести себя так, как Будда. Передать наш путь, значит передать наш дух, идущий от Будды. Поэтому нам следует привести свой дух, физическую позу и деятельность в гармонию с традиционным путем. Конечно, вы можете достичь некоторой отдельной ступени, но дух вашей практики не должен основываться на какой-то эгоистической идее.

Согласно традиционному буддийскому пониманию, наша человеческая природа не имеет «я». Когда у нас идеи «я», мы обладаем буддийским взглядом на жизнь. Наши эгоистические идеи суть заблуждения, и они закрывают нашу природу Будды. Мы всегда создаем такие идеи, постоянно им следуем, этот процесс повторяется вновь и вновь, и наша жизнь целиком заполняется эгоцентрическими идеями. Это называется кармической жизнью или кармой. Жизнь буддиста не должна быть кармической жизнью. Цель нашей практики в том и состоит, чтобы отсечь этот ум, который прядет нить кармы. Если вы стараетесь достичь просветления, это — часть кармы, вы создаете увлекающую вас карму, вы просто тратите время понапрасну на вашей черной подушке. Согласно пониманию Бодхидхарма, практика, основанная на любой стяжательской идее, есть всего лишь повторение вашей кармы. Забыв об этом пункте, многие позднейшие мастера дзен делали особый упор на достижении той или иной стадии при помощи практики. Но важнее любой стадии, которой вы достигаете, ваша искренность, ваше правильное усилие. Правильное усилие должно быть основано на истинном понимании нашей традиционной практики. Когда вы возьмете этот пункт, вы поймете и то, как важно сохранять прямую позу. Если данный пункт вам не понятен, тогда поза и способ дыхания суть всего лишь средства для достижения просветления. Если таков ваш подход к делу, вам будет гораздо лучше принять какое-нибудь наркотическое средство, и не сидеть в положении со скрещенными ногами! Если

наша практика, это только средство для достижения просветления, тогда в действительности нет пути, чтобы его достичь. Мы теряем смысл пути и цели. Но тогда мы твердо верим в ваш путь, мы уже достигли просветления, когда вы верите в свой путь, просветление уже здесь. Но, когда вы не в состоянии поверить в значение выполняемой вами в данный момент практики, вы не можете ничего делать. Вы просто бродите вокруг цели со своим обезьянним умом. Вы всегда что-то ищете, не зная того, что делаете. И если вы желаете что-то увидеть, вам необходимо открыть глаза. Когда вы не понимаете дзен Бодхидхармы, вы пытаетесь посмотреть на что-то с закрытыми глазами. Мы не принимаем идеи достижения просветления, но важнее всего данный момент, а не какой-то день в будущем. Мы должны сделать усилие именно в это мгновение. Для нашей практики это самая важная вещь.

До Бодхидхармы результатом исследования учения Будды явилась глубокая и возвышенная философия буддизма, и люди старались достичь ее высоких идеалов, но это ошибка. Бодхидхарма открыл, что создавать какую-то возвышенную или глубокую идею и затем пытаться достичь ее при помощи практики дзадзен неверно. Если таков наш дзадзен, он ничем не отличается от нашей обычной деятельности, от обезьяннего ума. Он выглядит некой весьма почтенной, возвышенной и святой деятельностью, но на самом деле между ним и нашим обезьянним умом нет никакой разницы. Весь этот пункт и подчеркнул Бодхидхарма.

Прежде чем достичь просветления, Будда совершил ради нас всевозможные усилия, и, наконец, он достиг полного понимания различных путей. Возможно, вы полагаете, что Будда достиг некоторой ступени, где освободился от кармической жизни, но это не так. Будда рассказывал множество историй о своем опыте, после того как он достиг просветления. Он совсем не отличался от нас. Когда его страна воевала с могущественным соседом, он рассказывал ученикам о собственной карме, — как он страдал, когда видел, что его родина вот-вот станет добычей чужого властелина. Если бы он был человеком, достигшим такого просветления, в котором нет никакой кармы, у него не было бы причины для таких страданий. И даже после достижения просветления, он продолжал те же самые усилия, которые совершаем и мы. Но его взгляд на жизнь был свободен от колебаний.

был устойчив, и Будда наблюдал за жизнью каждого человека, включая свою собственную жизнь. Он наблюдал себя и других теми же глазами, какими наблюдал камни, растения и все прочее. Он обладал весьма научным пониманием. Таким был его образ жизни, после того как он достиг просветления.

Когда у нас есть этот традиционный дух,—следовать за истиной в ее движении и практиковать наш путь без всяких эгоистических идей — тогда мы достигнем просветления в его истинном смысле. И тогда мы поймем этот пункт, мы в каждое мгновение будем совершать наибольшее усилие, на которое способны. Это и есть подлинное понимание буддизма. Так что наше понимание его — это не просто интеллектуальное понимание. Наше понимание представляет собой одновременно и свое собственное выражение: это есть сама практика. Не при помощи чтения или философского созерцания, а только благодаря практике, действительной практике, сможем мы понять, что такое буддизм. Мы должны постоянно практиковать дзадзен с твердым доверием к нашей истинной природе, разбивая цепи кармической деятельности и отыскивая свое место в мире действительной практики.

2. Все проходящее

«Нам необходимо найти совершенное существование при помощи несовершенного существования».

Основное учение буддизма это учение о том, что все проходяще, учение об изменчивости. То, что все изменяется, является основной истиной для каждого существования. Никто не в состоянии отрицать эту истину, и в ней как бы сконденсировано все учение буддизма. Учение это предназначено для каждого из нас, куда бы мы не пошли, учение остается верным. Его также понимают и как учение об отсутствии «Я». Поскольку каждое существование пребывает в постоянных изменениях, нет и неизменного «я». Фактически индивидуальная природа каждого существования есть ничто иное, как само изменение, и именно оно представляет собой индивидуальную природу всего существующего. Нет особой, отдельной для каждого существования индивидуальной природы. Этот принцип называют еще и учение об нирване. Ибо, когда

мы постигли вечную истину «все меняется», когда мы нашли в ней свое утешение, мы оказываемся в нирване.

Не приняв того факта, что все изменяется, мы не сможем найти совершенного учителя. К несчастью, хотя это положение и верно, для нас трудно принять данный факт. И поскольку мы не в состоянии принять истину о переходном характере бытия, мы страдаем. Итак, причина страдания — наше неприятие этой истины. Таким образом, учение о причине страдания и о том, что все изменяется, суть две стороны одной медали. Но субъективно, причина вашего страдания — это мимолетность бытия. Объективно же учение представляет собой просто ту основную истину, что все изменяется. Доген-дзэндзи сказал: «Учение, которое не звучит так, как если бы оно силой навязывало нам нечто,— не истинное учение». Само это учение правильно и само по себе ни к чему не принуждает оно нас, но вследствие своих человеческих склонностей, мы принимаем его как навязанное нам силой. Но эта истина существует независимо от того, испытываем мы к ней добрые или враждебные чувства; она не существует лишь тогда, когда вообще ничего не существует. И сам буддизм существует вследствие каждого отдельного существования.

Нам необходимо найти совершенное существование при помощи несовершенного существования, ибо необходимо отыскать совершенство в несовершенстве. Вечно существует благодаря невечному существованию. В буддизме надежда на нечто, пребывающее вне мира, является еретической точкой зрения. Мы ничего не ищем, кроме самих себя. Нам следует найти истину в этом мире в глубине всех наших затруднений, наших страданий,— это и есть основное учение буддизма. Удовольствие не отличается от трудности. Хорошее не отличается от дурного. Хорошее — это и есть дурное, а дурное — это хорошее. Это две стороны одной медали. Поэтому просветление должно пребывать в практике. Таково и правильное понимание практики, таково правильное понимание нашей жизни. Поэтому найти удовольствие в страдании остается единственным путем для того, чтобы принять истину о проходящем характере жизни. Не поняв, как можно принять эту истину, мы не сможем жить в этом мире. Даже хотя бы вы пытались ускользнуть от нее, ваши усилия окажутся напрасными. Если вы думаете, что существует какой-то другой способ принятия вечной истины о всеобщем изменении мира, это ваше заблуждение. Та-

ково основное учение о том, как жить в нашем мире. Какие бы чувства вы не питали бы по отношению к нему, вы должны его принять.

И потому, пока мы не станем достаточно сильными для того, чтобы принимать трудности как удовольствие, мы должны продолжать свои усилия. Но в действительности, если бы вы стали достаточно честными или достаточно прямыми, вам было бы не трудно принять эту истину. Вы можете чуть-чуть изменить свой образ мышления. Это трудно, но данная трудность не делается постоянной. Иногда нам будет очень трудно, а иногда — не слишком. Если вы страдаете, вы найдете некоторое облегчение в доктрине о всеобщей изменчивости. Когда вы находитесь в тяжелом положении, принять такое учение совсем не трудно. Почему же в таком случае не принять его и в другое время? Ведь это одно и то же. Иногда вы можете посмеяться над собой, обнаружив, насколько вы эгоистичны. Независимо от того, что вы чувствуете по отношению к этому учению, для вас очень важно переменить свой образ мысли и принять истину о преходящем характере бытия.

3. Качество бытия

«Когда вы, что-то делая, удерживаете свой ум на действии с известной уверенностью, тогда качество вашего ума — это сама деятельность. Когда вы сосредоточены на качестве своего бытия, вы подготовлены к деятельности».

Цель дзадзен — достижение свободы нашего бытия в физической и душевной сферах. Согласно Догену-дзэндзи, каждое существование — это вспышка внутри огромного феноменального мира. Каждое существование — это иное выражение качества самого бытия. Часто по утрам я вижу множество звезд. Звезда — это нечто иное, как свет, который летит от небесных тел на многие мили с огромной скоростью. Но для меня звезды — это не тела, обладающие скоростью, а спокойные, мирные и устойчивые существа. Мы говорим: «В покое должна быть деятельность, в деятельности должен быть покой». В действительности это одно и то же, сказать «покой» или «деятельность» — просто выразить два различных толкования одного и того же факта. В нашей деятельности есть некоторая гармония, есть и покой. Эта

гармония и есть качество бытия. Но само качество бытия — это ничто иное, как его быстрая деятельность.

Когда мы сидим в дзадзен, мы чувствуем себя спокойными и безмятежными, но на самом деле мы не знаем, какого рода деятельность совершается в это время внутри нашего существа. В деятельности нашей физической системы имеет место полная гармония, и потому во время дзадзен мы ощущаем полный покой. Даже если мы его и не ощутили, это качество есть. Потому нам нет необходимости беспокоиться насчет спокойствия или деятельности, тишины или движения. Если вы, что-то делая, удерживаете свой ум на действии с известной уверенностью, тогда качество вашего ума — это сама деятельность. Когда вы сосредоточены на качестве своего бытия, вы подготовлены к деятельности. Движение — ни что иное, как качество вашего бытия. Когда мы выполняем дзадзен, качество нашего спокойного, твердого, невозмутимого сидения есть качество огромной деятельности самого бытия.

«Все существующее — это лишь вспышка внутри огромного феноменального мира». Эти слова означают свободу нашей деятельности и нашего бытия. Если вы сидите правильно и обладаете правильным пониманием, вы достигаете свободы своего бытия, даже несмотря на то, что ваше существование является лишь временным. Внутри данного мгновения это временное существование не меняется, не движется, оно всегда независимо от других существований. В следующее мгновение возникает другое существование, мы можем измениться в нечто другое. Строго говоря, не существует связи между мной вчерашним и мной данного момента; между нами нет никакой связи. Доген-дзэндзи сказал: «Зола — это зола, она не принадлежит углю, а уголь не становится золой». Она имеет свое собственное прошлое и будущее, свое независимое существование, ибо она — это вспышка внутри огромного феноменального мира. Также уголь и красное, горячее пламя суть два совершенно различные существования. Черный уголь — тоже вспышка внутри огромного феноменального мира. Там, где есть черный уголь, нет угля раскаленного докрасна. Поэтому черный уголь независим от раскаленного угля, зола независима от дров, каждое существование независимо.

Сегодня я сижу в Лос-Альтосе, а завтра утром буду в Сан-Франциско. Нет никакой связи между «мной» в Лос-Альтосе и «мной» в Сан-Франциско. Это два совер-

шенно различных существа. Здесь мы имеем свободу существования. И нет качества, связывающего вас и меня, когда я говорю «вы», не существует «я», когда я говорю «я», нет «вас». Вы независимы, каждый существует в отдельности друг от друга моменты. Однако, это не означает, что мы представляем собой полностью разные существа. В действительности, являем собой одно и то же бытие. Мы — одно и то же, однако мы отличаемся друг от друга. Это весьма парадоксально, но на деле так оно и есть. Поскольку мы — независимые существа, каждый из нас представляет собой завершенную вспышку внутри огромного феноменального мира. Когда я сижу, нет другой личности, но это не значит, что я не обращаю на вас внимания. Я совершенно един с каждым существованием в феноменальном мире. Поэтому, когда я сижу, сидите и вы, все сидят вместе со мной. Таков наш дзадзен. Когда сидите вы, все сидят вместе с вами. И это все составляет качество вашего бытия. Я являюсь частью вас, я вхожу в качество вашего бытия. Поэтому в данной практике мы имеем абсолютное освобождение от всего прочего. Если вы поймете эту тайну, тогда не останется никакой разницы между практикой дзен и нашей повседневной жизни. Вы сможете объяснить все, как пожелаете.

Чудесная картина есть результат ощущения ваших пальцев: «Если вы ощущаете готовность туши, ее плотность в своей кисти, картина уже готова прежде, чем вы начнете ее рисовать. Когда вы окунаете кисть в тушь, вам уже известно, каким будет ваш рисунок, иначе вы вообще и не умеете рисовать. Поэтому, прежде чем вы сделаете что-то, «бытие» уже здесь, результат уже налицо. Хотя бы даже казалось, что вы спокойно сидите, вся ваша деятельность, как прошлая, так и настоящая, заключена в этом сидении; равным образом в нем уже присутствует и его результат. Вы совсем не пребываете в покое, просто вся деятельность заключена внутри вас. Таково ваше бытие. Итак, в вашем сидении заключены все результаты практики. Такова наша практика, таков наш дзадзен.

Доген-дзендзи ощутил интерес к буддизму еще ребенком, он увидел, как струится дым от благовонной палочки, зажженной у тела его умершей матери. И он ощутил мимолетность нашей жизни. Это его внутреннее чувство продолжало расти, в результате Доген в конце концов достиг просветления и разработал свою глубокую философию. Увидев дым благовонной палочки и ощутив ми-

молетность жизни, он почувствовал себя очень одиноким. Это чувство одиночества становилось все сильнее — и из него распустился цветок просветления, когда Догену было 28 лет. В момент просветления он воскликнул: «Нет тела, нет ума!» Когда он произнес эти слова, в это мгновение все его существо стало вспышкой в огромном феноменальном мире, вспышкой, которая заключает в себе все, которая обладает колоссальным внутренним качеством — в ней как бы заключен весь феноменальный мир в виде абсолютно независимого существования. Это и было его просветление. Начав с ощущения одиночества и мимолетности всей жизни, он достиг могучего переживания качества собственного бытия. Тогда он сказал: «Я спросил ум и тело». Вы думаете, что обладаете умом и телом, потому вы и испытываете чувство одиночества. Но, когда вы постигнете, что все существующее это только вспышка внутри огромной вселенной, вы станете очень сильным и ваше существование приобретет глубокую осмысленность. Таким было просветление Доген-дзендзи, и в этом — наша практика.

4. Естественность

«Мгновенье за мгновеньем каждый человек выступает из небытия. В этом истинная радость жизни».

В понимании идей естественности существует крупная ошибка. Большинство из приходящих к нам людей верят в известную естественность или свободу, мы называем их понимание «дзинен кен гедо», или «естественность еретика». «Дзинен кен гедо» означает, что нет необходимости быть формальным и поведение такого рода это просто или нитье, или безразличие ко всем окружающим — «отвяжись!» Но не такова естественность, которую мы имеем в виду. Объяснить ее довольно трудно, я полагаю, что естественность представляет собой некоторое ощущение независимости от всего, или это какая-то деятельность, которая основана на бытии. Нечто, выступающее из небытия — вот что такое естественность, и она подобна семени или ростку, вышедшему из почвы. Семя не имеет идеи о том, что оно станет каким-то от-

дельным растением, однако, оно обладает собственной формой и пребывает в совершенной гармонии с почвой, со своей окружающей средой. И по мере того, как оно растет, с течением времени, оно выражает свою природу. Нет ничего существующего без формы и цвета. Любое существование имеет форму и цвет, а эта форма и цвет находятся в совершенной гармонии с другими существованиями. И здесь никаких затруднений. Вот что мы понимаем под естественностью.

Для растения или камня быть естественным — не проблема. Но для нас это представляет собой некоторую проблему, и проблема эта действительно велика. Быть естественным — нечто такое, над чем необходимо работать. Когда то, что вы делаете, просто выступает из небытия, у вас имеется совсем новое чувство. Например, когда вы голодны, съесть что-нибудь — это естественно, и вы чувствуете себя естественно, но, когда вы ожидаете слишком многого, съесть что-нибудь уже не будет естественным, у вас не окажется подлинного ощущения еды, у вас не окажется чувства нового. Доген в конце концов достиг просветления и разработал свою глубокую философию.

Истинная практика дзадзен заключается в том, чтобы просто сидеть, это подобно тому, как вы пьете воду, когда вам хочется пить. В таком случае вы естественны. Вполне естественно, что вы дремлете, когда вам очень хочется спать. Но дремать только потому, что вам нечего делать, как будто дремота является какой-то привлекательной чертой человека, — это неестественно; вы думаете: «Все мол друзья дремлют, почему бы и мне не вздремнуть? Раз никто не работает, зачем мне лезть из кожи? Если у них так много денег, почему бы и мне не иметь столько же?» В таких рассуждениях нет естественности. Ваш ум опутан какой-то чуждой идеей, принадлежащей кому-то другому, и вы не обладаете независимостью, не являетесь самим собой, у вас нет естественности. Даже, если вы сидите в позе со скрещенными ногами, если ваш дзадзен не является естественным, это не настоящая практика. Вам не приходится заставлять себя пить воду, когда вы испытываете жажду, вы рады выпить воды. Если вы испытываете настоящую радость в своем дзадзен, это подлинный дзадзен. Но даже в том случае, когда вам приходится заставлять себя практиковать дзадзен и вы ощущаете в такой практике нечто полезное, это будет дзадзен. В действительности вопрос не в том, вынуждены

вы что-то делать или нет. Если вы делаете это с желанием, тогда здесь будет естественность, хотя бы при этом вы и испытывали некоторые трудности.

Такую естественность весьма трудно объяснить, но если вы умеете просто сидеть, ощущая в своей практике действительность небытия, нужда в объяснении отпадает. Что бы вы не делали, если ваше действие и исходит из небытия, оно будет естественным, и такая деятельность окажется истинной. Вы ощутите в ней подлинную радость жизни. Мгновенье за мгновеньем каждый человек выступает из небытия, мгновенье за мгновеньем мы ощущаем подлинную радость жизни. Поэтому мы говорим: «Син ку ме у», т. е. «из настоящей пустоты появляется чудесное бытие».

Без небытия нет естественности, нет истинного бытия. Истинное бытие выступает из небытия, мгновенье за мгновеньем. Небытие всегда здесь, и все выступает из него. Но обыкновенно мы совершенно о нем забываем и ведем себя так, как будто имеем нечто. То, что вы делаете, посвящается некоторой идее обладания или какой-то конкретной идее, и оно неестественно. Например, когда вы слушаете какую-нибудь лекцию, у вас не должно быть никакой идеи себя, слушая кого-то, вы не должны иметь собственных идей. Забудьте все, что есть в вашем уме, просто слушайте то, что вам говорят. Ничего не иметь в уме естественно. Тогда вы поймете сказанное, но если у вас есть какая-то идея для сравнения с тем, что говорит собеседник, вы ничего не услышите, ваше понимание будет односторонним, и в этом нет естественности. Когда вы что-то делаете, вы должны целиком быть вовлечены в действие, должны полностью посвятить себя ему. Тогда вы ничего не имеете. Поэтому, если в вашей деятельности нет подлинной пустоты, эта деятельность не будет естественной.

Большинство людей настаивает на какой-либо идее. Недавно молодое поколение заговорило о любви. Любовь! Любовь! Их умы наполнены любовью. И когда они начнут изучать дзен, они не примут его, если то, что я им скажу, не совпадет с их идеей любви. Вы знаете, они очень упрямы. Вы будете прямо-таки поражены! Конечно, не все подряд, но некоторые из них занимают очень и очень неуступчивую позицию. Это совсем не естественность. Даже, несмотря на то, что они говорят о любви, о свободе и о естественности, они не понимают этих вещей. Идя таким путем, они не смогут понять, что такое

дзен. Если вы желаете изучить дзен, вам нужно забыть все свои предыдущие идеи, просто практиковать дзен, а затем посмотреть, какого рода переживания появляются в вашей практике. Это естественно.

И такое отношение необходимо во всем, что бы вы ни делали. Иногда мы говорим: «ню нан син», т. е. «мягкий или гибкий ум». Ню означает ощущение мягкости, нан — нечто не твердое, а син — это ум. Итак, ню нан син — плавный естественный ум. И когда вы обладаете таким умом, вы обладаете радостью жизни. Когда вы утрачиваете его, вы утрачиваете все, вы ничего не имеете. Хотя вы думаете, что имеете нечто, вы не имеете ничего. Но когда все, что вы делаете, выступает из небытия, тогда у вас есть все. Понимаете? Вот что вы подразумеваете под естественностью.

5. Пустота

«Когда вы станете изучать буддизм, вам будет необходимо произвести генеральную уборку своего ума».

Если вы хотите понять буддизм, вам придется полностью позабыть свои заранее составленные идеи. Для начала вы должны отбросить идею субстанциональности, или существования. Обычная точка зрения на жизнь прочно коренится в идее существования. Для большинства людей все существует, они убеждены, что все, что они видят и слышат, в самом деле существует. Конечно, птица, которую мы видим и слышим, существует. Она существует, то, что я подразумеваю под этими словами, возможно, не совпадает с тем, что имеете в виду вы. Буддийское понимание жизни включает в себя, как существование, так и несуществование. Птица одновременно и существует, и не существует. Мы утверждаем, что точка зрения, которая базируется только на существовании, является еретической. Если вы принимаете вещи совсем уж всерьез, как если бы они обладали субстанциональным, постоянным существованием, вы называетесь еретиком. Люди, пожалуй, в большинстве своем еретики.

Мы говорим, что подлинное существование исходит из пустоты и возвращается обратно в пустоту. То, что

появляется из пустоты, и есть истинное существование. Мы должны пройти сквозь врата пустоты. Объяснить эту идею существования очень трудно. В настоящее время многие люди начали чувствовать, по крайней мере, на уровне интеллекта, пустоту современного мира, внутренние противоречия его культуры. Например, в прошлом японцы были твердо убеждены в постоянном существовании своей культуры и своего традиционного образа жизни, но с того времени, как они проиграли войну, они сделались весьма скептическими. Многие полагают, что этот скептицизм мысли представляет собой нечто ужасное, но в действительности лучше, чем старый образ мышления.

Пока у нас существует какая-то определенная идея будущего, какая-то надежда на будущее, мы не сможем по-настоящему серьезно относиться к тому мгновению, которое существует как раз сию минуту. Вы можете сказать: «Я сделаю это завтра или в следующем году», будучи уверены в том, что нечто существующее сегодня будет существовать и завтра. Даже не прилагая усилия, вы ожидаете, что если вы следуете по определенному пути, к вам когда-то придет нечто обещанное. Но нет определенного пути, который существовал бы вечно, нет пути, который был бы установлен специально для вас. В каждое мгновение, следующее за другим мгновением, нам нужно найти свой собственный путь. Какая-то идея совершенства или некоего совершенного пути, установленного для нас кем-то другим, не является нашим истинным путем.

Каждый из нас должен сам идти по своему настоящему пути, и когда мы будем поступать именно так, наш путь выразит универсальный путь. Здесь заключена тайна. Когда же вы пытаетесь понять все, вы не поймете ничего. Наилучший способ состоит в том, чтобы понять самого себя, и тогда вы поймете все. Поэтому, когда вы упорно стараетесь идти собственным путем, вы будете помогать и другим людям, а они помогут вам. Пока же вы не найдете собственного пути, вы не сможете помочь и другим, и никто из них не сумеет помочь вам. Для того, чтобы приобрести независимость в полном смысле этого слова, нам нужно забыть все, что находится в нашем уме, и в каждое мгновение открывать нечто совершенно новое и непохожее. Вот как мы и живем в этом мире.

Поэтому мы говорим, что настоящее понимание приходит из пустоты. Когда вы станете изучать буддизм, вам

будет необходимо произвести генеральную уборку своего ума. Вы должны будете вынести все из комнаты и основательно ее вычистить. Если возникает необходимость, вы сможете затем внести все обратно. Ибо вам, возможно, понадобится что-то из вещей, так что вы снова внесете их по одной. Но если они не нужны, нет необходимости их хранить.

Мы видим летящую птицу, иногда мы видим ее след, на самом деле мы не в состоянии заметить след улетающей птицы, однако, иногда мы чувствуем, что это для нас возможно. Это тоже хорошо. При необходимости вы должны опять внести в комнату вынесенные отсюда вещи, но прежде, чем вносить что-нибудь в комнату, вам надобно что-то из нее вынести, если вы же этого не делаете, ваша комната окажется загромождена старым, ненужным хламом.

Мы говорим: «Шаг за шагом я останавливаю звук журчащего ручейка». Когда вы шагаете вдоль ручья, вы услышите, как бежит его вода. Этот звук слышен непрерывно, но вы должны суметь остановить его, если можете это сделать; и в этом — свобода, в этом — отречение. В нашем уме будут одна за другой появляться разнообразные мысли, но если вы захотите остановить свое мышление, вы сможете остановить его. Поэтому, когда вы будете способны остановить звук журчащего ручья, вы по-настоящему оцените ощущение своей работы. Но пока у вас есть какие-нибудь установившиеся идеи, пока вы уловлены в сеть какого-то привычного способа действий, вы не сможете оценивать вещи в их истинном смысле.

Если вы ищите свободу, вы не сможете ее найти. Сама по себе абсолютная свобода необходима прежде, чем вы сумеете приобрести абсолютную свободу. Такова наша практика. Наш путь в том, чтобы всегда идти в одном направлении. Иногда мы идем на восток, иногда — на запад. Пройти одну милю на запад — значит проделать милю в обратном направлении, к востоку. Обычно, если идти одну милю на восток, то это противоположно тому, если бы вы прошли одну милю на запад. Но когда есть возможность пройти одну милю на восток, это значит, что можно пройти одну милю на запад. Это и есть свобода. Без такой свободы вы не сможете сосредоточиться на том, что делаете. Возможно, вы думаете, что вы на чем-нибудь сосредоточены, но пока вы не добудете эту свободу, у вас будут возникать затруднения в том,

что вы делаете. Поскольку вы скованы какой-то идеей идти на восток или на запад, ваша деятельность окажется двойственной. А пока вы уловлены двойственностью, вы не способны достичь абсолютной свободы, вы не способны сосредоточиться.

Сосредоточение — не в том, чтобы напряженно следить за чем-нибудь. Если во время дзадзен вы попытаетесь смотреть на одно место, вы устанете минут за пять. Это не сосредоточение. Сосредоточение означает свободу. Поэтому ваше усилие не должно быть направлено на какой-то объект. Вы должны быть сосредоточены на пустоте. Мы говорим, что ум следует сосредоточить на дыхании, но способ удерживать ум на дыхании заключается в том, чтобы совершенно забыть о себе, сидеть и ощущать свое дыхание. Если вы сосредоточитесь на дыхании, вы забудете о себе, а если вы забудете о себе, вы сосредоточитесь на своем дыхании. Просто делайте столько, сколько сможете. И если вы будете продолжать эту практику, вы в конце концов получите переживание истинного существования, которое приходит из пустоты.

6. Готовность, внимательность

«Именно готовность ума — вот что такое мудрость».

Наиболее важный пункт в «Праджняпарамита-сутре» — это, конечно, идея пустоты. До того, как мы поймем идею пустоты, нам кажется, что все обладает субстанциональным существованием. Но после того, как мы постигнем пустоту вещей, все становится реальным, несубстанциональным. Когда мы поймем, что все видимое нами есть часть пустоты, мы сможем остаться без всякой привязанности к какому бы то ни было существованию, мы уясним себе, что все существующее представляет собой лишь условное сочетание формы и цвета. Так мы постигнем истинный смысл каждого временного существования. Когда мы впервые слышим о том, что все представляет собой лишь условное существование, большинство из нас чувствует разочарование, но это разочарование происходит из неправильного взгляда на человека и на природу. Такой взгляд находит себе место из-за того, что наш способ наблюдения вещей имеет глубокие корни в эгоцентрических идеях, и вот поэтому мы оказываемся разочарованными, когда обнаруживаем, что все обладает лишь непостоянным существованием.

Но когда мы постигнем эту истину по-настоящему, у нас не будет никакого страдания.

Сутра говорит: «Одхидсаттва Авалокитешвара замечает, что все есть пустота, таким образом, он оставляет все страдание». И Бодхидхарма преодолел страдание не после того, как постиг истину, — понять этот факт само по себе значит освободиться от страдания. Так что постижение истины и есть само спасение. Мы говорим «постичь», но постижение истины всегда близко, оно находится здесь под рукой. И мы постигаем истину не после того, как практикуем дзадзен, ее постижение налицо уже тут, даже до этой практики. Мы достигаем просветления не после того, как поймем истину. Постичь истину — это значит жить, существовать здесь, сейчас. Так что вопрос тут не в понимании, не в практике. Это конечный факт. В сутре Будда указывает на конечный факт, с которым мы сталкиваемся лицом к лицу каждое мгновение. Этот пункт очень важен, это дзадзен Бодхидхармы. Даже до того, как будем практиковать его, просветление уже здесь. Но обыкновенно мы понимаем практику дзадзен и просветление, как две разные вещи, вот здесь практика, подобная паре очков, и когда мы пользуемся этой практикой, — как бы надеваем очки, — мы видим просветление, и носить их — тоже просветление. Поэтому, что бы вы ни делали, и даже в том случае, когда вы совсем ничего не делаете — просветление здесь, оно всегда здесь. Так понимает просветление Бодхидхарма.

Вы не можете практиковать истинный дзадзен, потому что его практикуете вы, если же практика идет без вас, тогда в ней есть просветление и эта практика — подлинная. Когда вы осуществляете ее, вы создаете некоторую конкретную идею «вас» или «я» и вы создаете некоторую особую идею практики, идею дзадзена. Итак, направо оказываетесь вы, а налево — дзадзен. Так что дзадзен и вы стали двумя разными вещами. Если дзадзен — это сочетание практики и вас, тогда это дзадзен лягушки. Для лягушки ее сидячее положение представляет собой дзадзен, а иногда лягушка прыгает — это не дзадзен. Подобное непонимание исчезнет, если вы по-настоящему поймете, что такое пустота; она означает, что все всегда здесь. Одно целое бытие — это не скопление всех вещей, и невозможно разделить на части единое целостное существование. Оно всегда здесь, всегда в действии. Это и есть просветление. Поэтому в действительности нет какой-то особой практики. В сутре гово-

рится: «Нет глаз, нет ушей, нет носа, нет языка, нет тела, нет ума...» Вот это «нет ума» и есть ум дзен, который заключает в себе все.

Важной вещью в нашем понимании является обладание спокойным, свободомыслящим способом наблюдения. Мы должны думать и наблюдать вещи без застоя. Нам нужно принимать вещи без затруднений, такими, каковы они есть. Когда наше мышление отзывчиво, его называют невозмутимым мышлением. Мышление, которое разделяется по многим путям, не является подлинным мышлением. В нашем мышлении должно присутствовать сосредоточение. Это и будет вдумчивость. Независимо от того, имеете ли вы объект мышления или нет, ваш ум должен быть устойчивым и неразделимым. Это — дзадзен.

Нет необходимости совершать усилия, чтобы мыслить каким-то особым образом. Вашему мышлению не следует быть односторонним. Мы просто мыслим всем своим умом и видим вещи такими, каковы они есть, без усилия. Просто видеть — и быть готовым видеть вещи все нашим умом — вот практика дзадзен. Если мы готовы для мышления, нет необходимости совершать усилия, чтобы мыслить. Это называется вдумчивостью. В то же время вдумчивость — это мудрость. Под мудростью мы подразумеваем не какое-то особое свойство, не какую-то философию. Именно готовность ума — вот что такое мудрость. Поэтому мудрость может существовать в различных философиях и учениях, в исследованиях и изысканиях. Но мы не должны быть привязаны к какой-нибудь особой мудрости, даже к той, которой учил Будда. Мудрость не есть нечто такое, чему нужно учиться: мудрость — это нечто исходящее из вашей вдумчивости. Поэтому дело здесь в том, чтобы оставаться готовым к наблюдению вещей, готовыми к мышлению. Это называется пустотой, пустотой вашего ума. Пустота — это ничто иное, как практика дзадзен.

7. Вера в небытие

«В нашей повседневной жизни мышление эгоцентрично на девяносто девять процентов».
«Почему я страдаю? Почему у меня несчастье?»

Я установил, что верить в небытие необходимо, абсолютно необходимо. Иными словами, мы должны верить в нечто, не имеющее ни формы, ни цвета, нечто, существующее еще до того, как появляются все формы и цвет. Это очень важный пункт. Но важно, в какого бога или в какую доктрину вы верите, но если вы стали привязаны к ней, ваша вера будет, в большей мере или меньшей, основана на какой-то эгоцентрической идее. Вы стремитесь к совершенной вере, чтобы достигнуть спасения, но для достижения такой совершенной веры потребуются время. И вы окажетесь вовлечены в идеалистическую практику. В постоянных стремлениях воплотить в жизнь свой идеал вы не будете иметь спокойного времени, но если вы всегда готовы к тому, чтобы принять все, невидимое нами, как нечто появляющееся из небытия, зная, что существует какая-то причина, по которой является феноменальное существование такой-то формы и цвета, — тогда вы в этот самый момент будете обладать совершенным спокойствием.

Если у вас болит голова, существует какая-то причина, в силу которой это происходит. Если вы узнаете, почему у вас болит голова, вам станет легче. А если вы не знаете, почему так случилось, вы можете сказать: «О, у меня страшно болит голова! Может быть виной тому моя плохая практика. Если бы мой дзадзен или другая практика были лучше, со мной не случилось бы такой беды!» Когда вы будете понимать условия таким образом, у вас не будет совершенной веры в себя или в свою практику, пока вы сами не достигнете совершенства. Вы окажетесь настолько заняты, что, боюсь, у вас не окажется времени для достижения совершенной практики, так что, возможно, вам навсегда придется расстаться со своей головной болью. Это довольно глупый вид практики и от него не будет толку, но если вы поверите в нечто существующее прежде, чем у вас заболела голова, если вы узнаете причину того, чего она заболела, тогда вы, естественно, почувствуете себя лучше. И сама головная боль окажется неважной, потому что вы достаточно здоровы,

чтобы иметь головную боль. Если у вас болит желудок, значит он достаточно здоров, чтобы болеть. Но если желудок привыкнет к этим скверным условиям, вы не станете чувствовать никакой боли и это будет ужасно! Тогда ваша болезнь желудка доведет вас до могилы.

Поэтому каждому человеку абсолютно необходимо верить в небытие, но я не имею в виду пустоту. Есть нечто, однако, нечто представляет собой что-то, что всегда готово принять некую форму, и в его деятельности существует известное правило, или теория, или истина. Это нечто называется природой Будды или самым Буддой. Когда такое существование воплощается в личности, мы называем его Буддой, когда понимаем его, как конечную истину, мы даем ему название дхармы, и когда мы принимаем эту истину и действуем, как часть Будды, согласно теории истины, мы называем себя сангхой. Но даже несмотря на существование трех форм Будды, в действительности это одно существование, которое не имеет ни формы, ни цвета, и оно всегда готово принять какую-нибудь форму и цвет. Это не просто теория, не просто учение буддизма, это абсолютно необходимое понимание нашей жизни. Без такого понимания, нам не поможет наша религия, наоборот, мы окажемся связанными ею, вследствие чего наши горести возрастут. Если вы сделаетесь жертвой буддизма, я, возможно, буду очень счастлив, но вы так счастливы не будете. Поэтому понимание о вещах подобного рода очень и очень важно.

Когда вы практикуете дзадзен, вы можете слышать, как в темноте с крыши падают капли воды — идет дождь. Потом между высокими деревьями появится чудесный туман, а еще позже, когда люди примутся за работу, они увидят красивые горы. Но некоторые почувствуют раздражение, если, лежа утром в постели, услышат дождь, ибо не знают, что позднее увидят, как с востока поднимается великолепное солнце. Если наш ум будет сосредоточен на себе, у нас всегда окажутся такие тревоги, но если мы станем принимать самих себя, как воплощение истины, как воплощение природы Будды, мы не будем иметь никаких тревог. Мы подумаем: «Сейчас идет дождь, но мы знаем, что случится через минуту. И, возможно, когда мы выйдем, уже пояснится или поднимется ветер. А раз мы этого не знаем, послушаем сейчас звук дождя!» Такой подход — правильный. Если вы поймете, что сами представляете собой временное воплощение истины, у вас не будет никаких трудностей. Даже в самом

центре всяческих тягот вы будете радоваться тому, что вас окружает, вы будете радоваться себе, как чудесной части великой деятельности Будды. Это и есть наш образ жизни.

Пользуясь буддийской терминологией, мы должны начинать с просветления и переходить к практике, а от нее к мышлению. Обыкновенно мышление довольно таки эгоцентрично. В нашей повседневной жизни мышление эгоцентрично на девяносто девять процентов: «Почему я страдаю? Почему у меня несчастье?» Мысли подобного рода занимают наш мыслительный процесс. Например, начиная заниматься какой-то наукой или читать трудную сутру, мы очень скоро делаемся вялыми и сонливыми, но в своем эгоцентрическом мышлении мы постоянно бодрствуем, мы чувствуем к нему большой интерес! А если просветление придет сначала, до мышления, до практики, ваше мышление и практика не будут эгоцентричны. Под просветлением я подразумеваю веру в небытие, веру в нечто без формы и окраски, но готов принять форму и окраску. Это просветление есть неизменная истина. Именно на этой первоначальной истине должны быть основаны наша деятельность, наше мышление и наша практика.

8. Привязанность и ее отсутствие

«То, что мы привязаны к чему-то прекрасному, это тоже деятельность Будды».

Доген-дзэндзи говорил: «Даже хотя сейчас полночь — это рассвет. Хотя и наступает рассвет, сейчас ночь». Подобное утверждение сообщает нам понимание, переданное от Будды патриархам, а от патриархов — Догену и нам. Ночь и день не отличаются друг от друга. Одно и то же время иногда называют ночью, а иногда днем. Оба они суть одно.

Практика дзадзен и повседневная деятельность — это одно и то же. Мы называем дзадзен повседневной жизнью и наоборот. Но обычно мы думаем: «Сейчас дзадзен окончен, займемся своими ежедневными делами», а это понимание неправильно. Оба они — одно. Вам не нужно никуда убегать. Поэтому в деятельности должен быть покой, а в покое — деятельность. Покой и деятельность не есть нечто разное.

Каждое существование находится в зависимости от какого-то другого существования. Строго говоря, нет не-

зависимого индивидуального существования. Есть только множество наименований для одного существования. Иногда люди делают упор на единство, но такое понимание нам не свойственно. Мы не подчеркиваем никакого частного пункта, даже единства. Единство ценно, но и множественность тоже чудесна. Не обращая внимания на многообразие, люди делают особый упор на единое абсолютное существование, но такое понимание является односторонним. В нем существует разрыв между множественностью и единством, а единство и многообразие суть одно и то же, так что необходимо рассматривать единство в любом существовании. Вот почему мы подчеркиваем важность повседневной жизни более, чем какое-то особое состояние ума. Мы должны находить истину в каждом мгновении, в каждом явлении. Этот пункт очень важен.

Доген-дзэндзи говорил: «Хотя все обладает природой Будды, мы любим цветы и не заботимся о сорняках». Это справедливо и по отношению к природе человека. Однако, то, что мы привязаны к чему-то прекрасному, — это тоже деятельность Будды. Нам следует это знать. Когда вы это знаете, не происходит ничего страшного, если вы к чему-то привяжитесь. Если это привязанность Будды, то здесь нет привязанности. Так и в любви должна существовать ненависть или привязанность. А в ненависти должна быть любовь или приятие. Мы не должны привязываться только к любви, нам необходимо принимать и ненависть. Нам следует принимать и сорняки, какие бы чувства мы к ним не питали. Если они вам безразличны, тогда не любите их, а если вы их любите — любите.

Обычно вы критикуете себя за то, что вы несправедливы к окружающим, вы критически относитесь к своему непримиримому подходу. Но существует очень тонкое различие между обычным путем приятия вещей и нашим путем их приятия, хотя оба пути могут показаться совершенно одинаковыми. Нас научили тому, что нет разрыва между ночью и днем, между вами и мной. Это означает единство. Однако, мы не подчеркиваем даже единства. Если здесь нечто единое, то подчеркивать это нет нужды.

Доген говорил: «Узнавать что-то значит узнавать себя, изучать буддизм — значит изучать себя». Узнать нечто, это не просто приобрести что-то такое, чего вы раньше не знали. Вы знаете нечто еще до того, как вы о нем узнали. Нет разрыва между «я» до того, как вы что-

то знаете, и «я» после того, как вы это знаете. Нет пропасти между невеждой и мудрецом. Глупец — это мудрый человек, а мудрец — это дурак. Но обычно думаем: «Он глуп, а я мудр», или «Я был дураком, а сейчас я мудр». Как же мы можем быть мудры, если мы глупы? Но понимание, переданное нам от Будды, состоит в том, что нет никакой разницы между мудрецом и дураком. Это так. Однако, если я говорю об этом, могут подумать, что я подчеркиваю единство. Нет, это неверно, мы ничего не подчеркиваем и все, что нам хочется сделать, — это знать вещи такими, каковы они есть. Если мы знаем вещи такими, каковы они есть, тогда нет ничего, на что надо указывать, нет способа что бы то ни было уловить, нет ничего, что нужно было бы уловить. Мы не можем подчеркивать какой-нибудь один пункт. Тем не менее, как сказал Доген: «Цветок опадает, даже если мы его любим, и сорняк растет, несмотря на то, что мы его не любим». Хотя это и верно, такова наша жизнь.

Нашу жизнь следует принимать именно таким образом. Тогда у нас не будет никаких проблем. Поскольку мы подчеркиваем какой-то частный пункт, у нас всегда имеются горести. Нам необходимо принимать вещи такими, каковы они есть. Вот как мы понимаем все, вот как мы живем в этом мире. Опыт подобного рода есть нечто, превышающее наше мышление. В сфере мысли существует разница между единством и многообразием, но в действительности в переживании многообразия и единство — одно и то же. Из-за того, что вы создали некоторую идею единства или множественности, вы уловлены этой идеей. И вам приходится продолжать мыслить без конца, хотя на самом деле необходимости в этом нет.

У нас есть множество эмоциональных проблем, но эти проблемы не являются действительными, они суть нечто сделанное. Эти проблемы отысканы нашими эгоцентрическими идеями или взглядами. Проблемы существуют, поскольку мы выискиваем нечто. Но в действительности отыскать что-либо отдельное невозможно. Счастье — это печаль, а печаль — это счастье. Есть счастье в трудностях, и трудности представляют собой счастье. Даже хотя бы мы чувствовали по-разному, на самом деле этой разницы нет, в сути своей мы чувствуем одинаково. Таково истинное понимание, переданное нам от Будды.

9. Спокойствие

Одно дзенское стихотворение гласит: «Утихает ветер, и я вижу, как падает цветок. Потому что поет птица, я нахожу полный покой». Мы не ощущаем спокойствия до тех пор, пока в его сфере что-то случится, и только, когда внутри него что-то произойдет, мы обнаруживаем наличие покоя. Есть японское изречение: «Для луны — облако, для цветка — ветер». Когда мы видим, как облако, дерево или стебель сорной травы прикрывает часть луны, мы ощущаем, как она кругла. Но когда мы видим полную ничем не прикрытую луну, мы не ощущаем ее круглой формы с такой же остротой, как это бывает, когда мы рассматриваем ее сквозь какой-то другой предмет.

Погрузившись в дзадзен, вы пребываете в полном спокойствии своего ума, вы ничего не чувствуете, вы просто сидите, но спокойствие вашего сидения придает вам бодрость в повседневной жизни, так что на самом деле вы обнаружите ценность дзадзена скорее во время обычных занятий, нежели во время сидения. Однако, это не означает, что вам следует пренебрегать дзадзен. Даже если бы вы ничего не ощущали во время сидения, без того переживания дзадзен вы не сможете ничего найти. В своей ежедневной жизни вы найдете только траву или деревья или облака, но вы не увидите луну. Вот почему вы всегда на самом деле жалуетесь. Но для ученика дзен сорняк, который для большинства людей ничего не стоит, представляет собой сокровище. И при таком отношении жизнь становится искусством, чем бы вы ни занимались.

Когда вы практикуете дзадзен, вы не должны стараться чего-то достичь. Вам нужно просто сидеть в полном спокойствии ума, не ища ни в чем опоры. Держите только тело выпрямленным, не наклоняйтесь, и ни на что не опирайтесь. Держать тело выпрямленным — это значит не искать ни в чем опоры. Так вы приобретаете полное спокойствие в физической и душевной сфере, но полагаться на нечто или пробовать чего-то добиваться во время дзадзен — это двойственность, а не полное спокойствие.

В нашей повседневной жизни мы обыкновенно пытаемся что-то делать, как-то изменить одно на другое, чего-то достичь. Уже только одни эти попытки сами по себе есть проявление нашей подлинной природы. Смысл их заключается в самом усилии. Мы должны выяснить зна-

чение нашего усилия, прежде чем мы чего-нибудь достигнем. Поэтому Доген сказал: «Мы должны достичь просветления прежде, чем мы достигнем просветления». Мы находим истинный смысл просветления не после того, как мы его достигли. Старание что-то сделать само по себе есть просветление. Когда мы оказываемся в трудном положении или в опасности, мы обладаем просветлением. Когда мы попадаем в грязь, нам нужно иметь спокойствие. Обычно мы считаем, что жить в мимолетном мире очень трудно, но как раз только внутри этой мимолетной жизни мы можем найти радость жизни вечной. Продолжая свою практику с таким пониманием, вы сможете исправить самого себя, но если вы попытаетесь достичь чего-то без этого понимания, вы не сумеете работать должным образом. Вы потеряетесь в борьбе ради своей цели, вы ничего не достигнете, вы всего лишь будете продолжать страдать в своих затруднениях. Но с правильным пониманием вы сможете добиться некоторого прогресса. Тогда все, что вы делаете, хотя бы и не совершенным образом, будет основано на вашей глубочайшей внутренней природе, и понемногу вы чего-то достигнете.

Что более важно, достичь просветления или достичь его до того, как вы достигли просветления, нажать миллион долларов или наслаждаться жизнью в своих постепенных усилиях, хотя бы даже нажать этот миллион оказалось невозможным, добиться успеха или найти какой-то смысл в своем желании успеха! Если ответ вам неизвестен, вы даже не сможете практиковать дзадзен, если же он вам известен, вы найдете истинное сокровище жизни.

10. Переживание, а не философия

«Есть нечто кощунственное в разговорах о том, какой совершенной философией, каким совершенным учением является буддизм,— когда не знают, что такое действительный буддизм».

Хотя в вашей стране есть много людей, которых интересует буддизм, лишь малому их числу интересна его чистая форма. Большею частью испытывают интерес к учению буддизма, его философии. Сравнивая его с другими религиями, эти люди выясняют, насколько буддизм удовлетворителен с интеллектуальной точки зрения...

Дело, однако, не в том, является ли буддизм философски глубоким, полезным или совершенным. Наша цель состоит в том, чтобы поддерживать практику в ее чистой форме. Иногда я чувствую, что есть нечто кощунственное в разговорах о том, какой совершенной философией, каким совершенным учением является буддизм,— когда не знают, что такое действительный буддизм.

Самое важное для нас в буддизме — это практика дзадзен в группе, потому что такая практика представляет собой первоначальный образ жизни. Не зная происхождения вещей, мы не в состоянии оценить результаты усилий всей нашей жизни. Наши усилия должны иметь некоторый смысл. Найти смысл нашего учения — значит найти его первоначальный источник. Мы не должны заблудиться о результатах своих усилий, пока не узнаем их происхождения. Если их источник не является ясным и чистым, сами эти усилия также не будут чистыми и нас не удовлетворит их результат. Когда мы восстановим свою первоначальную природу и начнем совершать на этом основании неправильные усилия, мы оценим результат этих усилий, длившихся мгновение за мгновением, день за днем, год за годом. Вот как нам следует оценивать свою жизнь. Те, кто привязан только к результату своих усилий, не будут иметь возможности дать им настоящую оценку, потому что этот результат никогда не придет. Но если в каждое мгновение ваше усилие возникает из своего чистого источника, все, что вы делаете, окажется хорошим и принесет вам удовлетворение.

Практика дзадзен — это такая практика, в которой мы восстанавливаем свой чистый образ жизни выше какой-либо идеи приобретения, выше славы и выгоды. Благодаря практике, мы только сохраняем свою первоначальную природу в ее подлинном виде. Нет необходимости в интеллектуальных рассуждениях по поводу того, что такое эта наша чистая первоначальная природа, потому что она лежит за пределами интеллектуального понимания. И нет нужды ее оценивать, ибо она превосходит все наши оценки. Поэтому просто сидеть без какой бы то ни было мысли о приобретении, с самым чистым намерением оставаться таким же спокойным, как и наша первоначальная природа,— вот что такое наша практика.

В дзендо нет ничего необыкновенного. Мы просто приходим и сидим. После общения друг с другом мы возвращаемся домой и возобновляем нашу повседневную деятельность, как продолжение нашей чистой практики,

радуясь при этом своему чистому образу жизни. Однако, это весьма необычно. Куда бы я ни ездил, люди задают мне вопросы: «Что такое буддизм?» и готовятся записывать ответы в своих записных книжках. Можете себе представить, что я при этом чувствую! Но здесь мы просто практикуем дзадзен. Это и все, что мы делаем, и вы счастливы в этой практике. Для вас не нужно понимание того, что такое дзен. Мы практикуем дзадзен. Поэтому нам нет нужды знать, что представляет собой дзен в интеллектуальном отношении. Я думаю, что для американского общества это весьма непривычно.

В Америке существует много жизненных укладов и много религий, так что различия между религиями, сравнения их друг с другом могут казаться вполне естественными. Однако, для нас не существует необходимости сравнивать, например, буддизм с христианством. Буддизм есть буддизм, а буддизм — это наша практика. Мы даже не знаем, что мы делаем, когда просто занимаемся практикой с чистым умом. Поэтому мы не можем сравнивать наш путь с какой-нибудь другой религией. Некоторые люди могут сказать, что дзен-буддизм — это не религия. Может быть, так оно и есть, а может быть, дзен-буддизм есть религия выше любой религии. Так что вполне возможно, что дзен и не является религией в обычном смысле, но дзен чудесен и даже несмотря на то, что мы не изучаем его с интеллектуальной точки зрения, несмотря на то, что у нас нет никаких соборов или причудливой ориентации, в нем есть возможность познания нашей первоначальной природы. Я полагаю, что это совершенно необычно.

11. Первоначальный буддизм

«В действительности мы совсем не принадлежим к школе СОТО. Мы просто буддисты. Если мы понимаем этот пункт, мы — настоящие буддисты».

Мы ходим, стоим, сидим и лежим — вот четыре деятельности или четыре способа поведения, согласно буддизму. Дзадзен не является ни одним из способов поведения, и, согласно Догену-дзендзи, школа Сото представляет собой какую-то одну школу среди множества буддийских школ, но, как говорил Доген, его путь не был какой-то отдельной школой из этого множества. Если это так, вы можете спросить, почему мы обращаем особое

внимание на сидячую позу или на то, чтобы иметь учителя. Причина здесь та, что дзадзен — это не просто один из четырех способов поведения. Дзадзен есть практика, которая содержит в себе бесчисленные виды деятельности; дзадзен начался еще до Будды, и он будет продолжаться вечно. Поэтому сидячую позу невозможно сравнивать с другими четырьмя видами деятельности.

Обыкновенно люди подчеркивают какую-нибудь особую позицию, какое-то частное понимание буддизма и думают: «Это буддизм!» Но не можем мы сравнивать наш путь с теми видами практики, которые достопочтительно нормального человеческого мышления. Наше учение нельзя сравнивать с другими учениями буддизма. Вот почему у нас должен быть учитель, который не привязан к какому-нибудь частному пониманию буддизма. Первоначальное учение Будды включает в себе все разнообразные школы. У нас, как у буддистов, традиционное усилие должно быть подобным усилию самого Будды, мы не должны привязываться к какой-либо частной школе или доктрине. Обыкновенно, однако, если мы не имеем учителя, если мы начинаем гордиться своими достижениями и собственными пониманиями, мы утратим первоначальную черту учения Будды, которая включает в себе все разнообразные учения. Поскольку Будда оказался основателем учения, люди предложили назвать это учение «буддизмом», но на самом деле буддизм не является каким-то частным учением. Буддизм — это просто истина, которая включает в себя различные истины. Практика дзадзен есть такая практика, в которой заключены разнообразные виды жизненной деятельности. Поэтому в действительности мы не придаем первостепенного значения одной лишь сидячей позе. Способ сидения для нас означает способ действий. Мы учимся действовать сидя, и эта деятельность является для нас самой основной. Вот почему мы практикуем дзадзен именно таким образом. Но даже хотя мы и практикуем дзадзен, нам не нужно называть себя школой дзен. Мы просто практикуем дзадзен по примеру Будды, вот почему мы занимаемся практикой. Будда научил нас действовать при помощи нашей практики, вот почему мы сидим.

Жить в течение каждого мгновенья, что-то делать — это значит быть временной деятельностью Будды. Сидеть таким образом — значит быть самим Буддой, быть тем, кем был исторический Будда. То же самое применение ко всему, что мы делаем. Все является собой деятельностью

Будды. Поэтому, что бы вы ни делали — и даже, если вы воздерживаетесь от того, чтобы что-либо делать — в этой деятельности присутствует Будда. Поскольку люди не обладают таким пониманием Будды, они считают, что их занятие чрезвычайно важно, но они не знают, кто в действительности делает все это. Люди полагают, что делают разные вещи, но в действительности все это делает Будда. Каждый из вас имеет свое собственное имя, однако, все эти имена суть множество имен Будды. Каждый из нас занят многими видами деятельности, но все они суть деятельности Будды. Не зная этого, люди делают упор на какую-то одну деятельность. Когда они обращают особое внимание на дзадзен, это не истинный дзадзен. Кажется, что они сидят так же, как и Будда, но в их понимании нашей практики существует большое различие. Они считают эту сидячую позу всего лишь одной из четырех основных поз человека и думают: «Теперь я приму эту позу», но дзадзен все позы, а каждая поза есть поза Будды. Такое понимание будет правильным пониманием позы дзадзен. Если такова ваша практика, то это буддизм. Здесь весьма важный пункт. Поэтому Доген и не называл себя учеником или учителем Сото. Он говорил: «Другие могут называть нас школой Сото, но для нас самих нет причин называть себя Сото. Вы не должны даже пользоваться именем Сото». Ни одной школе не следует считать себя отдельной школой, она должна быть просто одной допустимой формой буддизма. Но до тех пор, пока различные школы не принимают подобного понимания, пока они продолжают называть себя особыми названиями, нам приходится принимать одно из пригодных названий — Сото. Но я хочу придать этому пункту ясность. В действительности мы совсем не принадлежим к школе Сото, мы просто буддисты. Мы даже не дзен-буддисты, мы просто буддисты. Если мы понимаем этот пункт — мы настоящие буддисты.

Учение Будды находится повсюду. Сегодня идет дождь. Это — учение Будды. Люди думают, что их собственный путь или собственное религиозное понимание есть путь Будды, не зная того, что они делают, что слышат, где находятся. Религия — это не какое-то частное учение. Религия есть повсюду. Мы должны понимать наше учение именно так, мы должны забыть все о каком-либо частном учении, нам не нужно и спрашивать, какое из них хорошо или плохо. Вообще не должно существо-

вать никакого особого учения. Учение присутствует в каждом мгновении, в каждом существовании. И это учение — истинное.

12. Превыше сознания

«Постижь в своих заблуждениях чистый ум — это практика. Если вы попытаетесь устранить заблуждение, оно станет только более упорным. Скажите просто: «О, это всегда лишь заблуждение!» — и не беспокойтесь о нем».

Нам нужно утвердить свою практику там, где нет практики, нет просветления. Пока мы практикуем дзадзен в такой сфере, где существует практика и просветление, у нас нет возможности создавать для себя совершенный мир. Иными словами, нам необходимо твердо верить в свою истинную природу. Наша истинная природа превыше наших сознательных переживаний. Это только в своих сознательных переживаниях находим мы практику и просветление, или хорошее и плохое. Но независимо от того, имеем мы переживание нашей истинной природы или нет, существующий там, за пределами сознания, действительно существует, и именно там должны мы заложить основание нашей практики.

Даже держать в своем уме какой-то хороший образ не так полезно. Будда иногда говорил: «Ты должен быть таким-то. Ты не должен быть таким-то». Но держать в уме то, что он говорит, не очень хорошо. Для нас это своего рода тяжесть, и вы можете на самом деле чувствовать себя при этом не особенно приятно. Фактически таить в себе какое-нибудь дурное желание может оказаться даже лучше, нежели иметь в уме некоторую идею о том, что такое хорошо, о том, что вам следует делать. Иногда очень приятно иметь в уме какой-то озорной замысел — это правда. В действительности дело не в хорошем или плохом. Дело в том, обладаете ли вы душевным миром или нет и привязаны ли вы к этому состоянию.

Когда в вашем сознании заключено нечто, вы не обладаете совершенным спокойствием. Наилучший путь к совершенному спокойствию — это забыть обо всем. Тогда ваш ум спокоен, он достаточно широк и ясен, чтобы видеть и чувствовать без усилий, воспринимая вещи такими, каковы они есть. Лучший способ найти совершен-

ное спокойствие — не удерживать никакой идеи о вещах, какими бы эти вещи не были, полностью забыть о них, не оставлять никаких следов мышления, никакой его тени, но если вы постараетесь остановить свой ум или выйти за пределы сознательной деятельности, это будет для вас только новым грузом. «Я должен в своей практике остановить мышление, но я не могу этого сделать. Моя практика недостаточно хороша». Идеи подобного рода — тоже неверный путь в практике. Не пытайтесь остановить ум, а оставьте все как есть. Тогда вещи не станут слишком долго задерживаться в вашей голове. Они будут просто приходить и уходить, затем в конце концов ваш ум останется на достаточно долгое время ясным и пустым.

Поэтому важнейшая вещь в вашей практике — иметь твердую уверенность в первоначальной пустоте своего ума. В буддийских писаниях мы иногда пользуемся обширными аналогиями, пытаясь описать пустой ум. Иногда мы употребляем для этого астрономически огромное число, такое большое, что оно не поддается подсчету. Это значит, что нужно прекратить счет, если оно столь велико, что вы можете его сосчитать, тогда вы потеряете интерес к делу и, наконец, оставите все усилия. Описания подобного рода могут возбудить своеобразный интерес к бесконечно большим числам, что поможет нам остановить мыслительную деятельность вашего малого ума.

Но именно тогда, когда вы сидите в дзадзен, вы будете иметь самое чистое, самое подлинное состояние пустого ума. На самом деле пустота ума — это даже не какое-то состояние ума, а его первоначальная сущность, которую пережили Будда и Шестой Патриарх. «Сущность ума», «первоначальный ум», «первоначальное лицо», «природа Будды», «пустота» — все эти слова обозначают абсолютное спокойствие вашего ума.

Вы умеете отдыхать физически, но вам неизвестно, как следует отдыхать в душевной сфере. И даже, хотя вы лежите в кровати, ваш ум все еще занят, даже если вы спите, ваш ум занят сновидениями. Он всегда поглощен напряженной деятельностью. Это не слишком хорошо. Мы должны знать, как отбросить свой мыслящий, озабоченный ум. Для того, чтобы выйти за пределы своей мыслительной способности, необходимо иметь прочную убежденность в пустоте своего ума. Твердо веря в совершенный покой ума, мы должны восстановить наше первоначальное состояние чистоты.

Доген-дзэндзи сказал: «Вы должны утвердить свою практику в своем заблуждении. Хотя вы даже и думаете, что пребываете в заблуждении, ваш чистый ум здесь. Постичь этот чистый ум, пребывая в своих заблуждениях, и есть практика. Если в глубине своего заблуждения вы обладаете чистым, сущностным умом, заблуждение исчезнет. Оно не сможет там оставаться, когда вы скажете: «Это заблуждение». Оно как бы почувствует большой стыд и убежит прочь. Итак, вы должны установить свою практику в своем заблуждении. Иметь заблуждение — практика. Вот что значит достичь просветления еще до его достижения. Даже, хотя вы еще и не достигли его, вы обладаете им. Поэтому, когда вы говорите: «Это заблуждение!» и не беспокоитесь о нем. Когда вы просто замечаете заблуждение, вы обладаете своим истинным умом, своим спокойным и мирным умом. Когда же вы начинаете бороться с ним, вы будете вовлечены в заблуждение.

Итак, достигнете вы просветления или нет, достаточно просто сидеть в дзадзен. Когда вы стараетесь достичь просветления, тогда на вашем уме лежит тяжелый груз и ум не будет достаточно ясен, чтобы видеть вещи такими, каковы они есть. Если вы действительно видите вещи такими, каковы они есть, тогда вы увидите их и такими, какими они должны быть. С одной стороны, мы должны достичь просветления — это то, какими должны быть вещи, а с другой стороны, пока мы — существа физического мира, достичь просветления на деле довольно трудно — это, как по-настоящему складываются обстоятельства, как все происходит в данный момент, но если мы начнем сидеть, в действие будут введены обе стороны нашей природы и мы увидим вещи и такими, каковы они есть, и такими, какими они должны быть. Поскольку сию минуту мы недостаточно хороши, мы хотим быть лучше, но тогда мы достигнем трансцендентного ума, мы вообще перейдем границы вещей — и таких, каковы они есть, и таких, какими они должны быть. В пустоте нашего первоначального ума они представляют собой нечто единое, и там мы находим для себя совершенное спокойствие.

Обычно религия развивается в сфере сознания, стремясь усовершенствовать свою организацию, построить красивые здания, создать музыку, выработать философию и т. п. Все это — виды религиозной деятельности в сфере сознания. А буддизм делает упор на мир бессознательного. Лучший способ содействовать развитию буд-

дизма — это сидеть в дзадзен, просто сидеть, с твердой верой в нашу истинную природу. Этот путь гораздо лучше, чем чтение книг по буддизму и изучение его философии. Конечно, изучать философию необходимо, это усилит вашу убежденность. Буддийская философия настолько универсальна и логична, что она представляет собой философию не просто буддизма, а самой жизни. Цель буддийского учения — указать на ту самую жизнь, которая существует выше сознания в нашем чистом первоначальном уме. Все виды практики буддизма были построены для того, чтобы сохранить это подлинное учение, а не для того, чтобы каким-то чудесным мистическим образом распространить буддизм. Поэтому, когда мы говорим о религии, обсуждение должно идти самым обычным и универсальным образом. Мы не должны стараться распространять наше учение при помощи замечательной философской мысли. В некоторой степени, буддизм довольно полемичен и в нем ощущаются внутренние противоречия, потому что буддисту приходится сокращать свой путь от мистического или магического истолкования религии. Но философская дискуссия — это не наилучший способ понять буддизм. Если вы хотите быть искренним буддистом, лучшим способом для этого будет дзадзен. Нам очень повезло, у нас есть место, где можно сидеть таким образом. Я хочу, чтобы вы обладали твердой, широкой, невозмутимой уверенностью в своем дзадзен, в простом сидении. Всего лишь сидеть — и этого достаточно.

13. Просветление Будды

«Если вы начнете гордиться своими достижениями или, наоборот, разочаруетесь, вследствие своих идеалистических усилий, ваша практика возведет вокруг вас глухую стену».

Я очень рад, что нахожусь здесь в тот день, когда Будда достиг просветления под деревом Бо. Достигнув просветления под деревом Бо, он сказал: «Чудесно видеть природу Будды во всех вещах и в каждом человеке!» Этим он хотел сказать, что когда мы практикуем дзадзен, мы обладаем природой Будды и каждый из нас — это сам Будда. Под практикой он не имел в виду лишь сидение под деревом Бо, он подразумевал под ней не просто сидение со скрещенными ногами. Верно, что

такая поза является основной, и для нас это первоначальный путь, но в действительности Будда имел в виду то обстоятельство, что горы, деревья, текучие воды, цветы и другие растения, словом все, как оно есть — это путь, который является Буддой. Это значит, что все принимает участие в деятельности Будды, каждая вещь по-своему.

Но тот способ, каким существует каждая вещь, нельзя понять сам по себе, в его собственной сфере сознания. То, что мы видим или слышим, есть всего лишь часть, ограниченная идея того, что мы являем собой на самом деле. А когда мы просто есть, когда каждый просто существует по-своему, мы выражаем самого Будду. Иными словами, когда мы практикуем нечто вроде дзадзен, тогда налицо путь Будды, или природы Будды. Когда мы спрашиваем о том, что такое природа Будды, она исчезает, но когда мы просто практикуем дзадзен, мы обладаем полным ее пониманием. Единственный путь к тому, чтобы понять природу Будды — это только практиковать дзадзен, всего лишь быть здесь такими, каковы мы есть. Итак, вот что подразумевал Будда под природой Будды — быть здесь, выше сферы сознания, как это было с ним.

Природа Будды есть наша первоначальная природа, мы имеем ее до того, как мы практикуем дзадзен, до того, как признаем ее в понятиях сознания. Так что в этом смысле все, что мы делаем, есть деятельность Будды. Если вы захотите понять ее, вы не сможете этого сделать, а когда вы оставите старания понять, всегда появится истинное понимание. Обыкновенно, я провожу беседу после дзадзен, но причина, почему сюда приходят люди — не просто послушать мою беседу, а практиковать дзадзен. Мы никогда не должны забывать этот пункт. Я провожу беседы, чтобы побудить вас практиковать дзадзен, как его практиковал Будда. Поэтому мы говорим, что хотя вы обладаете природой Будды, если у вас существуют сомнения по поводу того, нужно ли практиковать дзадзен, если вы не в состоянии допустить, что вы — Будда, тогда вы не понимаете ни природы Будды, ни дзадзен. Когда же вы станете практиковать дзадзен так же, как его практиковал Будда, тогда вы поймете, что такое наш путь. Мы не говорим о нем слишком много, но в своей деятельности мы намеренно или ненамеренно общаемся друг с другом. Мы должны всегда быть достаточно бдительны, чтобы общаться при помощи слов

или образов, без слов. Если этот пункт утрачен, мы утратили и важнейший пункт буддизма.

Куда бы мы ни направлялись, мы не должны потерять этот образ жизни. Это называется «бытие Будды» или «положение хозяина». Где бы мы ни оказались, мы должны быть господином своего окружения, а это значит, что вам не следует терять своего пути. Поэтому такое состояние и называется Буддой. Не стараясь быть Буддой, вы есть Будда. Вот как мы достигаем просветления. Вновь и вновь повторяя одно и то же, мы приобретаем этот вид понимания. Но если вы пропустите этот пункт и начнете гордиться своими достижениями или, наоборот, разочаруетесь, вследствие своих идеалистических усилий, ваша практика возведет вокруг вас глухую стену. Мы не должны закрываться стеной, построенной нашим «я». Поэтому, когда придет время дзадзен, просто вставайте, идите, садитесь вместе со своим учителем, беседуйте с ним, слушайте его, а потом опять идите домой — все эти процедуры представляют собой нашу практику. Таким образом, без какой бы то ни было идеи достижения, мы всегда есть Будда. Вот истинная практика дзадзен. Тогда вы сможете понять истинный смысл первого возгласа Будды: «Видеть Будду в различных созданиях и в каждом из нас».

ЭПИЛОГ

УМ ДЗЕН

«Еще не перестал дождь, а мы уже можем слышать птицу. Даже под толстым слоем снега мы видим подснежники и новую пополь травы».

Здесь, в Америке, мы не можем определить дзен-буддизм так, как мы делаем это в Японии. Американские ученики — это не священники, но не совсем миряне. Я понимаю это так: то, что вы не являетесь священнослужителями, увидеть легко, но то, что вы не вполне миряне, увидеть трудно. Я думаю, что вы — особые люди и вам нужна какая-то особая практика, которая не будет в точности соответствовать практике священника, ни практике мирянина. Вы идете к тому, чтобы открыть какой-то соответствующий жизненный путь. Я думаю, что будет нашей общиной дзен наша группа.

Но мы должны также знать, что такое наш неразделенный первоначальный путь, что такое практика Догена. Доген-дзендзи говорил, что некоторые могут достичь просветления, а некоторые — нет. Меня очень сильно интересует этот пункт. Хотя все мы имеем ту же самую фундаментальную практику, которую выполняем одинаково, одни могут достичь просветления, а другие нет. Это значит, что даже если мы не имеем переживания просветления, но сидим правильным образом с правильным отношением к практике и правильным ее пониманием это все-таки будет дзен. Главное дело — серьезно относиться к практике. Самое главное в нашем подходе — это понимать большой ум и иметь к нему доверие.

Мы говорим «большой ум», или «малый ум», или «ум Будды», или «ум дзен», и вы знаете, что те слова что-то значат, но есть нечто такое, чего мы не можем и не должны пытаться понять в терминах нашего опыта. Мы говорим о переживании просветления, но это не такое переживание, которое мы будем иметь в попытках добра и зла, времени или пространства, прошлого или будущего. Это особое переживание, особый вид сознания за пределами таких различий или чувств. Поэтому мы не должны спрашивать: «Что такое переживание просветления?» Вопрос подобного рода означает, что вы не понимаете, что такое переживание дзен. Нельзя спраши-

вать о просветлении, оставаясь в пределах нашего обычного образа мышления. Когда же вы не вовлечены в этот способ мышления, у вас есть некоторая возможность понять, что представляет собой это переживание дзен.

Большой ум, к которому мы должны иметь доверие, не является чем-то таким, что вы можете пережить объективно. Это нечто, всегда пребывающее с вами, всегда находящееся на вашей стороне. Ваши глаза находятся на вашей стороне, потому что они не в состоянии увидеть себя, не можете их видеть и вы. Глазам доступны только те предметы, которые находятся вне их, объективные предметы. Если вы будете размышлять о своем «я», то «я» более не будет вашим подлинным «я», ибо вы не можете проецировать себя на какой-то объективный предмет, о котором можно мыслить. Ум, который всегда находится на вашей стороне, это не просто ваш ум, это всеобщий ум, постоянно один и тот же, не отличающийся от ума другого человека. Это и есть ум дзен, это большой ум, очень большой ум. Этот ум — во всем, что вы видите.

Истинный ум — это наблюдающий ум. Вы не можете сказать: «Это мое «я», мой малый ум, мой ограниченный ум, а вот это — большой ум». Это значит ограничивать себя, ограничивать свой истинный ум, объективизировать его. Бодхидхарма говорил: «Чтобы увидеть рыбу, надо наблюдать за водой». В самом деле, когда мы видим воду, мы видим настоящую рыбу. Прежде, чем увидеть природу Будды, вы наблюдаете за своим умом. Когда вы видите воду, тут же и находится истинная природа, это истинная природа наблюдает за водой. Когда вы говорите: «Мой дзен очень слаб», здесь вы обладаете истинной природой, но по своей глупости не понимаете ее. Вы намеренно не обращаете на нее внимание. В том «я», которым вы наблюдаете свой ум, заключена огромная важность, это не большое «Я», это то «я», которое непрестанно активно, которое всегда плавает, всегда летает на крыльях в воздушных просторах. Говоря, на крыльях, я имею в виду мысль и деятельность. А бескрыльнее небо — это дом, мой дом. Там нет ни птиц, ни воздуха. Когда рыба плавает, вода и рыба — это только рыба. Нет ничего, кроме рыбы. Понимаете? Вы не можете найти природу Будды при помощи вивисекции. Реальность невозможно уловить мыслями или чувствующим умом, истинная природа — это следить каждое мгновение за своим дыханием, следить за своей позой. Нет никаких секретов превыше этого пункта.

Мы, буддисты, не имеем никакой идеи о только материальном существовании, или о том, что существует один лишь ум, или о продуктах нашего ума или о вне, как атрибуте бытия. То, о чем мы всегда говорим — что ум и тело, психика и материальность всегда суть одно. Но если вы слушаете невнимательно, это значит, как если бы мы говорили о каком-то атрибуте бытия, или о «материальном» и «духовном». Возможно и такая версия является допустимой, но в действительности мы указываем на наш ум, который всегда остается на нашей стороне, который представляет собой истинный ум, подлинный ум. Переживание просветления и должно как-то вывести этот ум, понять, постичь его, — тот ум, который всегда с нами и который мы не можем увидеть. Понимаете? Если вы попытаетесь достичь просветления, как будто просветление — это какая-то блестящая звезда, видимая на небе, то, чего вы достигаете, покажется вам прекрасным, и вы, возможно, подумаете: «Ах, вот оно, просветление!» Но это не будет просветлением! Такое понимание — ересь. Хотя вам это непонятно, но в подобном отношении вы имеете идею только материального существования и таких десятки наших переживаний просветления. Они представляют собой лишь какие-то материальные явления, какие-то объекты вашего ума, как будто вы нашли эту блестящую звезду при помощи хорошей практики. Это идея «я» и объекта, это не тот путь, на котором следует искать просветления.

У вас есть идея свободы, которая сосредоточена на физической свободе — на свободе действий. Эта идея приносит вам некоторые душевные страдания и утрату свободы. Вы думаете, что вам нужно ограничить свое мышление, вы полагаете, что некоторые ваши мысли не нужны, что они бесполезны, что они сковывают вас. Но вы не думаете, что вам нужно ограничить свою физическую деятельность. По этой причине Хякудзе установил в Китае правила и образ жизни дзен. Его интересовала возможность выразить и передать свободу истинного ума. Ум дзен передается в нашем дзеновском образе жизни, основанном на правилах Хякудзе.

Единственный путь изучения чистого ума — это изучение его в практике. Ваша глубочайшая внутренняя природа нуждается в каком-то средстве, каком-то способе, чтобы выражать и постигать себя. Своими правилами мы отвечаем за эту глубочайшую внутреннюю потребность, и патриарх за патриархом показывают нам свой

истинный ум. Благодаря этому, мы будем иметь точное и глубокое понимание практики. Нам нужно иметь в своей практике больше опыта, нам необходимо, по крайней мере, некоторое переживание просветления. Нам следует доверять больше уму, который всегда находится с нами. Вы должны оценивать вещи, как выражение большого ума. Это даже более, чем вера, это конечная истина, которую нам нельзя отвергнуть. Если у вас есть твердая вера в свой большой ум, вы уже Будда, в подлинном смысле этого слова, хотя бы вы еще и не достигли просветления.

Вот почему Доген-дзендзи сказал: «Не ожидайте, что все практикующие дзадзен достигнут просветления относительно этого ума, который всегда находится с ним». Он хотел сказать, что если вы думаете, что большой ум находится где-то вне вас, вне вашей практики, это мнение будет ошибкой. Большой ум всегда с нами. И вот почему я снова и снова повторяю одно и то же, когда думаю, что вы не понимаете сказанного. Дзен существует не для такого лишь человека, который умеет скрепить ноги или обладает большими духовными способностями. Каждый имеет природу Будды. Любой из нас и все мы вместе должны найти некоторый путь к тому, чтобы проявить нашу истинную природу. Цель практики — иметь непосредственное переживание природы Будды, которой обладает каждый человек. Все, что вы делаете, должно явиться непосредственным переживанием природы Будды. Природа эта означает осознание природы Будды. Ваше усилие должно расширяться до спасения всех живых существ. Если и эти мои слова не достаточно хороши, я испробую на вас свой посох! Тогда вы поймете, что я хочу сказать. И если вы не понимаете сейчас — поймете позже. А я буду ждать — буду ждать до того острова, который, как мне сказали, медленно движется вдоль берега океана от Лос-Анжелеса к Сиэтлу.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. Общий смысл понятия «дзен».	
Предварительные сведения	5
Что такое дзен?	9
Дзен-буддизм	16
1. Просветление	20
2. Просветление и неведение	23
3. История дзен-буддизма от Боодхихармы до Эно	27
Часть вторая. Опыт просветления.	
1. О сатори — раскрытие новой истины в дзен-буддизме	45
2. Главные отличительные черты сатори	52
3. Факторы, определяющие опыт дзена	55
4. Психологические предпосылки и содержание опыта дзена	57
5. Сатори	58
6. Некоторые аспекты дзен-буддизма	63
Часть третья. Дисциплина и практика дзена.	
Зал для медитации и идеалы монашеской жизни	65
УМ ДЗЕН — УМ НАЧИНАЮЩЕГО	
Введение	70
Часть первая. Правильная практика.	76
1. Поза	80
2. Дыхание	82
3. Контроль	85
4. Волна ума	87
5. Сорняки ума	88
6. Глубочайшая сущность дзен	91
7. Никакой двойственности	94
8. Поклоны	97
9. Ничего особенного	99
Часть вторая. Правильное отношение.	99
1. Путь целеустремленности	102
2. Повторение	104
3. Дзен и возбуждение	105
4. Правильное усилие	108
5. Никаких следов	111
6. Господь дающий	114
7. Ошибки в практике	117
8. Ограничение своей деятельности	119
9. Изучайте себя	122
10. Шлифовка кирпича	126
11. Постоянство	129
12. Общение	132
13. Отрицательное и положительное	134
14. Водопад нирваны	137
Часть третья. Правильное понимание.	137
1. Дух традиции дзен	140
2. Все преходящее	142
3. Качество бытия	145
4. Естественность	148
5. Пустота	148

6. Готовность, внимательность	151
7. Вера в небытие	154
8. Привязанность и ее отсутствие	156
9. Спокойствие	159
10. Переживание, а не философия	160
11. Первоначальный буддизм	162
12. Превыше сознания	165
13. Просветление Будды	168
Эпилог. Ум дзен	171

Ответственный редактор *С. М. Стерденко*.
Редактор *А. М. Морозов*.
Художественный редактор *Л. М. Козенко*.
Корректоры *А. Н. Спрогис, Н. Б. Мурченко*.

Издательство «Преса України».
252047, Киев-47, пр. Победы, 50.

Сдано в набор 28.10.92. Подписано в печать 18.12.92.
Формат: 84×108/32. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура
литературная. Печать высокая. Уч.-изд. л. 10. Усл. печ. л. 9,2.
Заказ 0222113.

Типография издательства «Преса України».
252006, Киев-6, ул. А. Барбюса, 51/2.

